

Ю.В. ШАНИН

ГЕРОИ
АНТИЧНЫХ
СТАДИОНОВ

Ю. В. ШАНИН

ГЕРОИ АНТИЧНЫХ СТАДИОНОВ

2-е издание,
исправленное и дополненное

МОСКВА
«ФИЗКУЛЬТУРА И СПОРТ»
1979

ББК 75.4
Ш 20

Шанин Ю. В.
Ш 20 Герои античных стадионов. — 2-е изд., испр.
и доп. — М.: Физкультура и спорт, 1979. — 141 с.,
ил.

Книга посвящена истории олимпийских игр Древней Греции. Автор в увлекательной форме рассказывает об античном спорте, о системе физического воспитания эллинов, знакомит читателя с древнегреческой мифологией. Книга рассчитана на широкий круг читателей.

Ш $\frac{60901-018}{009(01)-79}$ 11-80

ББК 75.4
7А.02

4301010000

© Издательство «Физкультура и спорт», 1979 г.

САМЫЙ ДРЕВНИЙ, НО САМЫЙ ЮНЫЙ!

Рассказывают, что когда древнегреческий лучник Тиманф состарился и однажды уже не смог натянуть тетиву своего лука, он бросился в костер: жизнь вне битв и состязаний на стадионах потеряла для мужественного эллина всякий смысл...

Многочисленные игры, сопровождавшие олимпийский и десятки других праздников античности, составляли весьма существенную часть эллинского быта: лишь перечень их занял бы, пожалуй, целую страницу. Для древнего грека являлось величайшей честью завоевать победу в нелегком соревновании с достойными соперниками на глазах у сотен и даже тысяч соотечественников!

Эллины первые разработали множество всевозможных упражнений для развития и укрепления человеческого тела. Более того, они создали удивительно эффективные тренировочные комплексы не только для себя, но и даже для... своих лошадей.

Однако физическое воспитание не было единственной заботой древних греков: идея гармонического развития человека — один из самых надежных «мостиков», связывающих античную Элладу с нашей современностью.

И все же истоки стремления людей к гармонии следует искать не в истории классической Греции, а гораздо раньше — на грани палеолита и неолита. Именно тогда древний человек впервые научился сопоставлять и сравнивать предметы и явления. Это порождало в нем

стремление к лучшему миру, к лучшей жизни и, наконец, к лучшему человеку!

Выражалось это стремление в их образе жизни, мышлении, что нашло отражение в произведениях доисторических скульпторов и графиков. А поскольку понятие прекрасного всегда имело и имеет под собой социальную основу, то вполне понятно, что все племя преклонялось перед самым смелым, сильным и благородным воином, который являлся надежной защитой и опорой соплеменников во всех трудных ситуациях.

Но первыми истинными учителями человечества в области искусства и науки, в сфере теории и практики гармонического развития гражданина (когда родилось государство!) справедливо считаются древние греки. Свой идеал прекрасного они неизменно связывали с абсолютно конкретными человеческими качествами современников.

К сожалению, время сохранило для человечества далеко не все литературно-исторические памятники, достойные бессмертия. Первые известные нам философы, создавшие учение о гармонии, жили в VI веке до н. э. Это были древнегреческие мыслители Пифагор и Гераклит.

Относительная немногочисленность древних греков вызывала необходимость универсальной закалки и разностороннего воспитания: родине были нужны не только могучие, непобедимые воины, но и мудрые мыслители-наставники. Женщины тоже должны были серьезно заботиться о своем телесном и духовном развитии, чтобы дарить государству жизнеспособных и достойных граждан.

Вот интересный и весьма характерный пример. В V веке до н. э. старейшины подвергли солидному штрафу спартанского царя Архидама за то, что тот выбрал себе жену слишком маленького роста. Доводы геронтов были вполне убедительны: «Эта женщина будет рожать нам не царей, а царьков!»

Прошли столетия. Постепенное угасание, а затем и гибель античной культуры привели к «переоценке ценностей». За эпохой античности пришло средневековье с его мрачным засплением церковников, не отличавшихся, как известно, ни широтой мышления, ни тем более гуманностью. Изменились социальные условия и возникли новые эстетические нормы.

Христианская религия призывала (да что там призывала, властно требовала!) «умерщвлять плоть, дабы возвысился дух!». И вполне естественно, что соответственно этому изменился идеал человеческой красоты. Иметь рельефные мышцы, быть цветущим и румяным среди аристократии того времени считалось чуть ли не «дурным тоном» и даже моральным преступлением: идеал благородной и рациональной гармонии был надолго утрачен.

Впрочем, физическое воспитание в этот период существовало в форме разнообразных народных игр и забав. Свообразной его формой являлись и рыцарские турниры. Недаром и первые, и вторые неоднократно подвергались гонениям и даже проклятиям со стороны церковников...

Античный идеал человеческой гармонии был утрачен. Утрачен, но не забыт окончательно.

О нем вспомнили, его стали искать, когда, как долгие утро после тяжелого сна, пришла эпоха Возрождения. И, уловив дыхание жизни и времени, художники и писатели снова избрали своей моделью прекрасных и пропорционально развитых сограждан. Во многом возродив античные идеалы, эта эпоха внесла и свои существенные коррективы в общечеловеческие представления о красоте и добре, о высокой гармонии тела и разума. И вновь человечество стало серьезно задумываться о задачах гармонического воспитания и в основном уже не забывало о них. Поэтому именно в эпоху Возрождения были вырваны из плена забвения и переведены на многие европейские языки лучшие произведения древнегреческих авторов — историков, философов и поэтов.

Благодарность своим предшественникам человечество выражает прежде всего в том, что бережно относится ко всему хорошему, созданному ими. И тут самое почетное место принадлежит преемственности прогрессивных идей. Речь идет о такой преемственности, которая является не простым копированием, а творческим развитием лучших, благороднейших достижений прошлого.

Именно поэтому так внимательно всматриваемся мы в свое прошлое, изучая и постигая его. Легкоатлет перед прыжком отходит назад. Ведь чем дальше он отойдет, тем длиннее будет разбег. И тем дальше вперед

сможет улететь спортсмен. Так прошлое готовит человечеству трамплин для прыжка в будущее!

...А теперь давайте попытаемся выяснить: какое из сегодняшних общечеловеческих торжеств самое древнее?

Встреча Нового года? Но ведь и теперь (не говоря уж о прошлых временах) у разных народов календари отличаются друг от друга.

Праздник урожая? Да, это очень древняя традиция. Но вспомним, что южные народы собирают урожай дважды и даже трижды в год. Поэтому и тут нельзя говорить о какой-то общей, единой дате.

Если вы упорны и продолжите поиски, то в конце концов убедитесь: пальму первенства следует безоговорочно отдать олимпийским играм.

Своими корнями это мирное празднество уходит в доисторическую эпоху. Уже давно передавались из поколения в поколение мифы о легендарных основателях игр, когда на беломраморной доске было, наконец, высечено имя первого официального олимпийского победителя. И начался исторический период!

Произошло это в 776 году до н. э. Именно эту дату мы считаем теперь отправной в биографии олимпийских игр. Впрочем, сегодня есть все основания полагать, что возраст олимпиад — гораздо более солидный.

Но вот что удивительно и приятно: время, как видно, двинулось вспять! С каждым новым четырехлетием мы убеждаемся, что олимпийский праздник, несмотря на свой более чем почтенный «трудовой стаж», несколько не стареет. Скорее, наоборот, молодеет, превратившись из праздника эллинов в общечеловеческое торжество.

И когда июльским днем 1980 года близ храмов Зевса и Геры в долине древней Олимпии греческий бегун зажжет от солнечных лучей восковой факел и гордо понесет священный огонь в высоко поднятой руке, тысячи спортсменов и болельщиков будут нетерпеливо ждать его появления на дорогах многих стран. Ждать для того, чтобы передавать этот факел все дальше и дальше, пока он не запылает с новой силой на Центральном стадионе имени В. И. Ленина в Москве — столице первой социалистической страны, принимающей у себя Олимпийские игры. И это будет новым этапом в жизни олимпиад.

ВЕРИТЬ ИЛИ НЕ ВЕРИТЬ!

Когда буйные весенние воды размыли могилу Тесея, кости благородного и отважного героя эллинских мифов оказались необычайно велики: коленные чашечки своей размерами превосходили, по преданию, диски, которыми пользуются атлеты на состязаниях. Так, по крайней мере, писали многие античные авторы.

Что же касается мифического великана Антея, сына Земли (по-древнегречески Геи), которого, как вы помните, Геракл победил, подняв в воздух и тем самым лишив материнской поддержки, то о нем эти же писатели сообщали еще более невероятные вещи. Мол, там же в Ливии была найдена и вскрыта могила Антея, то его скелет имел в длину 60 локтей, т. е. примерно 25 м.

Впрочем, уже в древности эти сообщения вызывали вполне понятные сомнения. Но самое интересное то, что скелетные кости действительно существовали. Только представляли они не древним героям-великанам, а... ископаемым животным, чьи останки ученые находят и в наше время. Так на реальной почве возникали мифы.

Очень многие атлеты античности обладали поистине фантастической силой. Древние греки имели обыкновенную (исключив для нас) фиксировать достижения своих спортсменов в виде кратких надписей на специальных квадратных плитах, камнях и пьедесталах статуй.

В храме Олимпии, расположенной в той самой долине, где некогда Алфея, где родился олимпийские игры, хранится большой камень. Неправильной формы, сглаженный временем, водой и человече-

скими руками, он напоминает гигантскую каменную гирию, размеры которой — $68 \times 39 \times 33$ см, а вес — 143,5 кг.

Но сам по себе этот факт вряд ли достоин был бы упоминания (мало ли больших камней на земле!), если бы не надпись на нем: «Бибон поднял меня над головой одной рукой». Эту надпись читают и иначе: «Бибон бросил одной рукой через голову дальше Офоя». Исследователи считают, что этот яйцообразный коричневый камень-песчаник служил атлетам для метания вдаль. Или, вернее, для толчков, говоря языком современных спортсменов. Нечеткость полустершихся букв и фрагментарность самой надписи оставляют ученым широкие возможности для предположений...

Кто такой был Офой, мы не знаем. А вот Бибон личность известная. Атлет, посивший это имя, жил в VI веке до н. э.

Известен и еще более удивительный факт. В том же VI веке до н. э. на острове Санторин (его древнее название Тера) силач Евмаст приподнял с земли каменный блок весом в ... 480 кг.

Ученые много раз убеждались путем косвенной проверки, что древнегреческие надписи в подавляющем большинстве случаев документально точны. Но как поверить столь фантастическим утверждениям?!

Не менее загадочны и результаты, достигнутые древнегреческими прыгунами.

...Обнаженный атлет, глубоко вздохнув, делает несколько быстрых шагов, затем взмах руками, в которых сжаты какие-то каменные гантели, толчок, и спортсмен летит вперед, приземляясь за ... 15-метровой отметкой. И самое удивительное то, что речь идет не о тройном прыжке в длину, а о простом!

Этот вид состязаний эллинов пока относится к наиболее непонятным, хотя гипотез уже высказано немало. Загадка эллинского прыжка еще ждет своего разрешения...

Спартанец Ладас, о котором нам рассказал древнегреческий писатель и путешественник Павсаний, был столь великолепным бегуном, что о нем сложили много легенд. Он, якобы, так быстро бежал, что даже... оставлял на песке следов.

Состязаясь в Олимпии на самой длинной дистанции он почувствовал себя плохо, но не прекратил борьбу

назоевал победный венок. По дороге домой Ладас неожиданно умер. Его статую изваял знаменитый эллинский скульптор Мирон, живший в V веке до н. э.

В эпической поэме Аполлония Родосского (III в. до н. э.) «Аргонавтика» рассказывалось об одном из славных аргонавтов, спартанском бегуне Евфеме:

Бегал муж этот легко по пучине блестящего моря,
Во увлажняя проворной стопы: влага только касалась
Брега следов, когда неся, как вихрь, он по водной дороге.

Недавно киевский семиклассник Вадим Брикман, узнав об античных героях-бегунах, решил с помощью математики и физических формул проверить, насколько верны утверждения древних о столь феноменальных скоростных способностях двух спартанцев. И он высчитал для того чтобы не оставлять на песке следов, Ладасу пришлось бы мчаться с... первой космической скоростью, т. е. пробегать 8 км в секунду!

Что ж, хотя, как доказал советский школьник, приведенные выше рассказы относятся лишь к легендам, они свидетельствуют о том, с каким восхищением относились древние греки к своим знаменитым спортсменам.

О каком Полиместоре из Милета, олимпийском победителе в беге среди мальчиков, рассказывали, что он не только легко догонял любую из коз, которых пас, но и выигрывал (!).

Впрочем, не спешите скептически улыбаться. Еще неизвестно, все ли вышеописанное относится к области фантастики. Ибо на этот счет мы располагаем свидетельствами и более современными, и более достоверными.

Так что рассказывает датский ученый Йенес Бьерре о бушманах — обитателях пустыни Калахари:

«Они фантастически выносливы. Бушмены способны непрерывно преследовать антилопу и тридцать, и более километров. Животное наконец устает, так как бежит беспорядочно и часто останавливается, чтобы изменить направление, и снова бросается вперед. Когда оно устало, бушмен прекращает преследование. Антилопа докучается отдохнуть, ее организм постепенно расслабляется, мышцы деревенеют. И тогда охотник не-

¹ Аполлоний Родосский. Аргонавтика. Пер. Г. Церетели. Тбилиси, 1964, с. 11.

ожиданно возобновляет гонку. Иногда антилопа, даже не успев подняться, становится жертвой бушменского копья».

Но, быть может, такие сообщения уникальны? Нет, оказывается, не только африканские народы в наши дни успешно соперничают с животными в скорости и выносливости.

Американский художник Джордж Кэтлин долго жил среди индейцев-чейенов. Вот его свидетельство:

«...чейены — прекрасные укротители мустангов и ловят их пешком, без помощи коней. В левой руке чейен несет лассо, а в правой — кнут. Быстрым и ровным шагом, которым может идти и день, и два, преследует он испуганных животных и в конце концов догоняет окончательно обессиленных мустангов».

Правда, оба автора говорят не столько о скорости, сколько о выносливости и умелой тактике. Но разве эти понятия, в конечном счете, не взаимосвязаны?

И, согласитесь, что теперь миф о Полиместоре не кажется нам столь уж фантастичным.

О прославленном античном силаче-борце Полидаме передавали следующее. Одной рукой Полидам мог остановить мчащуюся колесницу. Он же, якобы, подобно Гераклу, голыми руками задушил льва на горе Олимп в Фессалии.

Вот еще один примечательный штрих. Подобно тому как в русских былинах богатыри выступают в одиночку против целого войска, так и от греческого племени ахейцев в Ламийской войне участвовал только... борец Хилон. Он совершенно официально был приравнен к целому отряду. И оправдал надежды своих соотечественников. Хилон выступил впереди объединенного войска и снискал себе в этой битве славу не меньшую, чем на олимпийском стадионе.

Этот случай не являлся чем-то исключительным в практике войн того времени. Он лишь раз свидетельствует не только о силе и смелости греческих атлетов, но и об уважении, которым они пользовались в Древней Греции.

Кстати, если в осажденный город надо было послать парламентаря, то обычно туда отправлялся или знаменитый атлет, или актер. И тех, и других эллины буквально боготворили, и не было случая, чтобы отправив

шамуся на переговоры спортсмену или артисту причисляли хоть малейший вред.

Среди пловцов и ныряльщиков античности фракиец Скиллий из Сиккиона считался непревзойденным. Это был лучший водолаз того времени, который после различных кораблекрушений... спас многие сокровища». Так говорит древнегреческий писатель, «отец истории» Геродот.

Во время греко-персидских войн незадолго до битвы при Саламине фракиец решил помочь грекам. Для этого ему пришлось проделать нелегкий путь. Не скрывая своего удивления, Геродот рассказывает: «Говорят, что он возле Афет нырнул в море и вынырнул не дыша, как по достижении Артемисия, проплывши, следовательно, под водой около восьмидесяти стадий. Вместо баснословного рассказывают об этом человеке...» (VII, 8) ¹.

Недоверие «отца истории» вполне понятно: ведь в наши дни на современные меры Скиллий должен был нырять под водой около 15 км! Невозможность такого проплыва очевидна. Однако вполне допустимо, что Скиллий плыл под прикрытием лодки, время от времени выныривая на поверхность, чтобы подышать.

Во всяком случае, о Скиллие и его дочери Гидне, имя которой впереди, писали многие авторы античности как о лицах реальных и в свое время очень известных.

..Огромное персидское войско, несмотря на героическое сопротивление эллинов, продвигалось в глубь Греции. Уже опустошена Аттика, разгромлены, разграблены и сожжены Афины. Их жители бежали на острова.

Вместо единственную надежду греки возлагали на свой флот. Но и здесь не было полного согласия: спартанцы настаивали на защите берегов Пелопоннеса, а «финикец» Фемистокл предлагал дать персам бой возле острова Саламина: здесь, в узком проливе, враги не смогли бы развернуть свой флот, что свело бы на нет их численное преимущество. История подтвердила правоту «финикского» стратега. В 480 г. до н. э. в битве при Саламине персы потерпели полное поражение. Их царь

---

¹ Геродот. История. Л., «Наука», 1972. (В дальнейшем приводятся по данному изданию.)

Ксеркс приказал своей недавно еще победоносной армии отступить...

Древние писатели называют много причин поражения персов при Саламине: и удачный стратегический план Фемистокла, и отвагу свободолюбивых греков, и высокое искусство эллинских моряков...

Историк Фукидид пишет еще об одной причине, считая ее тоже очень важной: падая с корабля в воду, греческие матросы быстро взбирались обратно на свое судно (если, конечно, не были серьезно ранены) и продолжали бой. А персы в такой ситуации почти неизменно тонули. Дело в том, что все эллины были хорошими пловцами, а персы, как это ни парадоксально для моряков, в большинстве своем плавать не умели. И гибли часто не от греческой стрелы или копья, а лишь потому, что оказались в соленой морской воде.

Вот лишь несколько разрозненных фактов, имеющих прямое или косвенное отношение к физическому воспитанию и спорту в Древней Греции. Любой из них в той или иной степени может вызвать удивление или недоуменную улыбку. Но дело в том, что в каждом случае легенда тесно переплетается с документальными свидетельствами, от которых трудно отмахнуться. Кроме того, слишком велик вклад эллинов в историю древней физической культуры, чтобы игнорировать хоть какую-то деталь их военно-спортивного быта. И если сквозь кружева мифологических сюжетов мы сумеем разглядеть реальных людей и реальные события, то жизнь античного мира, быть может, неожиданно засияет новой, неизвестной нам ранее гранью.

ДВА ГЕРАКЛА

Очень жарко бывает летом в Олимпийской долине. В той самой долине поблизости от местечка Олимпия (она расположена в области Элида), где еще за три тысячи лет до наших дней состязались самые выдающиеся атлеты Древней Греции. А если на мгновение поверить жителям — даже героям и богам...

Самые душные и жаркие дни приходились обычно на летние месяцы аполлоний и парфений, которые приблизительно соответствуют нашим августу и сентябрю. Тогда, между сбором винограда и жатвой, и начинались состязания в священной округе Олимпии.

Атлетов изнуряла не только страшная духота, но еще и жарады неумолимых, безжалостных слепней, комаров и прочих летучих мучителей.

Как повествует легенда, могучий Геракл, решивший однажды встретиться здесь с достойными соперниками-атлетами, неизменно страдал от укусов прожорливых насекомых. Герой был вынужден принести жертву Зевсу Аполонию, т. е. Зевсу Мухогонителю! И крылатые мучители были, якобы, изгнаны за Алфей — речку, которая с незапамятных времен текла по Олимпийской долине.

Однако то ли Зевс Мухогонитель недостаточно серьезно отнесся к мольбам Геракла, то ли даже «отец богов» в данной ситуации оказался бессилем, но только известно: всекомые недолго придерживались указанной им «черты оседлости» и вскоре вернулись назад. В последующие столетия десятки поколений античных

атлетов были вынуждены снова и снова приносить «противоуминые жертвы». Но, к большому их сожалению, желанный эффект достигался далеко не всегда и не всеми...

Впрочем, у богов в долине Алфея были дела и более важные, чем борьба с мухами и комарами. Согласно эллинской мифологии, сам Зевс считался основоположником олимпийских игр. Впервые провел он их, празднуя победу над отцом своим Кроном, в результате которой он захватил абсолютную власть на земле и на небе. Лишь воды оставил Зевс Посейдону, а подземное царство — Плутону.

Тогда в соревнованиях приняли участие все наиболее известные представители эллинского пантеона. Как выдающееся и символическое событие мифографы упоминали победу в кулачном бою бога искусств и света Аполлона над богом войны Ареем. А на беговой дорожке Аполлон опередил самого «вестника богов» — крылоногого Гермеса.

* * *

Праздничные игры эллинов сначала носили преимущественно ритуальный характер. Это были, например, состязания на тризне, чтобы почтить память покойного. Древние греки также считали, что наилучший способ отблагодарить богов (за победу в бою, за хороший урожай, за спасение во время кораблекрушения или землетрясения и даже за удачную женитьбу) — это устроить спортивные соревнования! Да и самих богов они представляли себе могучими атлетами, которые всегда готовы посостязаться в силе, ловкости, быстроте и выносливости. Философ Платон называл богов «друзьями игр».

Посейдон был покровителем состязаний, на которых выступали всадники и возничие. Аполлон считался непревзойденным стрелком из лука, дискоболом и кулачным бойцом. Тесей — победитель страшного Минотавра — первым, как говорят мифы, ввел правила спортивной борьбы. Научила героя этим правилам и приемам Афина Паллада — богиня мудрости и военного искусства.

Впрочем, даже в этой торжественной обстановке богопочитания страсти, кипевшие на античных стадионах, порой носили не совсем гуманный и спортивный харак-

тар. И это тоже нашло свое отражение в мифологии эллинов.

В частности, в мифе о лабиринте царя Миноса, где обитал кровожадный Минотавр, хладнокровно пожиравший афинских юношей и девушек.

Так вот: такую страшную ежегодную дань Афины платили Криту отнюдь не по беспричинной прихоти таинственного царя. Дело было в том, что сын Миноса — могучий и отважный Андрогей — направился однажды на состязания атлетов в Фивы. И был убит из засады заостренными соперниками, которые потеряли надежду увидеть Андрогей в честном спортивном поединке. И тогда, окончательно ожесточившись в своем горе, осиротевший Минос наложил на афинян столь страшную дань. Впрочем, тут самое время вспомнить, что это была миф!

Обязательной принадлежностью палестр и гимнасиев первоначально так назывались в Древней Греции спортивные школы, а потом и школы вообще) были гермы — статуи, увенчанные головой или даже бюстом Гермеса. Именно его считали своим покровителем молодые спортсмены. Тут стоит заметить, что Гермес был богом «широкого профиля». Он считался покровителем и ремесленников торговцев, путешественников и даже воинов.

Как видим, на греческом Олимпе атлетов было не меньше, чем в Олимпии. И, как вы уже, конечно, догадываетесь, эллинские небожители в немалой степени были увлечены и гиперболизированными копьями древних спортсменов. Каждый эллин, желая стать подобным бессмертным, стремился к интеллектуальному и физическому совершенству.

Все древнегреческие праздники (в том числе и те, что первоначально были обязательными выступлениями атлетов) начинались обычно с культовых процессов. Но и помимо этого было религиозное церемониала в общепринятом современном значении. Главная часть ритуала заключалась в жертвоприношениях, сопровождавшихся процессиями, которые, кстати говоря, иногда продолжались по два-три дня и воспитывали в участниках прекрасную выносливость.

Эллины весьма почитали своих богов. Но ритуальная часть празднеств-игр оказывала на зрителей и участников скорее морально-эстетическое, нежели

позитивно религиозное влияние. Сегодня даже есть основания говорить порой осугубо декоративных функциях ритуала...

Давайте вспомним, что по этому поводу говорил еще в конце прошлого столетия известный русский ученый-антиковед В. В. Латышев. «Олимпийский праздник распадался на две главные части: священнодействия и состязания; хотя первые, собственно говоря, составляли существенную часть праздника, а вторые служили только его украшением, но, очевидно, первые в самих эллинах возбуждали гораздо менее интереса, нежели состязания, и потому очень мало нам известны»¹.

Не только Геракл и Тесей, но и другие герои эллинского эпоса отличались незаурядными атлетическими достоинствами. Наиболее знаменитые из них — непревзойденный бегун Ахилл, непобедимый лучник Филоклет, братья Диоскуры — кулачный боец Кастор и всадник Полидевк, универсальный и неутомимый состязатель Одиссей...

Кстати, по второй мифологической версии не Зевс, а Геракл Идейский (так называемый Геракл Старший, которого не следует путать с Гераклом Фиванским — Младшим, широко прославившимся своими двенадцатью подвигами), придя в Олимпию с Крита, первый устроил тут состязания и увенчал победителей ветвями оливы.

Однако самой популярной и романтической (хотя и трагичной) была третья версия основания олимпийских игр — легенда о Пелопсе.

...Царю Элиды могущественному и хитрому Эномасу было предсказано, что ему суждено погибнуть от руки своего зятя. Дочь царя, Гипподамия, была на диво прекрасна, и многие юноши искали ее руки. Но, как вы уже догадываетесь, это не слишком радовало Эномая.

Каждому, кто сватался к Гипподамии, царь Элиды предлагал состязаться в беге колесниц. Условия состязания были очень жестокими: выиграв, жених получал право на руку любимой и власть в Элиде, проиграв, должен был погибнуть от руки Эномая.

---

¹ В. В. Л а т ы ш е в. Очерк греческих древностей. Ч. 14. Спб., 1889, с. 121.

Его кони — подарок самого бога войны Арея — не знали равных себе во всей Греции. Каждый раз царь легко догонял очередного претендента и пронзал его копьем.

Так погибли тринадцать женихов, и головы их украсили ворота, ведущие к царскому дворцу. И вот в Элиду пришел четырнадцатый претендент — Пелопс, сын мессенского царя Тантала. Пелопс сразу же влюбился в Гипподамию и, не задумываясь, принял страшные условия Эномай.

Настал день состязания. Но царь не спешит. Уверенный, как всегда, в успехе, он предлагает Пелопсу начать рискованную гонку в одиночестве. И колесница жениха первой срывается с места. Его кони мчатся все быстрее. В пыльном облаке они становятся меньше, меньше и, наконец, совсем исчезают за горизонтом.

И лишь тогда восходит на свою колесницу Эномай. Едва боча, резкий окрик — и знаменитая упряжка уже скачет по равнине в неудержимом, стремительном поезде. Нарастает скорость! Спицы колес слились в сплошной круг! Когда колесница пронеслась через миртовую долину, испуганно разлетелись во все стороны друады — крылатые лесные нимфы.

И снова показался на горизонте Пелопс. Но теперь скорость не уменьшается, а стремительно растет. Всюпопыханный и пропыленный возница изо всех сил настигает друады, стараясь ободрить их и кнутом, и криком. Но тщетно: расстояние между двумя колесницами непрерывно сокращается.

Пелопс уже слышит за спиной грозный хрип коней Эномай. Кажется, его затылок обожгло их жаркое дыхание. А когда, не выдержав напряжения, жених оглядывается через плечо, он видит: прищурив глаз, Эномай уже готовится для последнего удара тяжелое ясеневое копьё.

Но Пелопс не погиб. В последнее мгновение (кричащий окрик!) колесница царя... распадается. На бешеной скорости грохнувшись оземь, Эномай погибает. Проклятый обманщик.

Счастливо ли? Нет. Предусмотрительный Пелопс заранее извувил парского возницу Миртила, и тот перед самой гонкой тайком вынул металлическую чеку, заменив ее восковой.

В конце этого античного «гандикапа» Пелопс стал

мужем прекрасной Гипподамии и властителем Элиды, а следовательно, и Олимпии. В память о своей победе он решил каждые четыре года устраивать олимпийский праздник и проводить состязания. О древности этого мифа говорит название полуострова Пелопоннес, в котором увековечено имя победителя страшных соревнований.

Между прочим, многие древнегреческие авторы описывали могилу Пелопа в Олимпии: факт, с которым пришлось считаться историкам и археологам. Уже хотя бы потому, что в точно описанном месте были недавно обнаружены и очень древнее погребение, и, так сказать, спортивный «инвентарь» тех далеких времен.

Можно ли усматривать в этом хотя бы косвенное, хотя бы частичное подтверждение легенды или просто это случайное стечение обстоятельств, пока сказать трудно...

Что же касается Миртила, то, как рассказывалось в мифах, Пелопс надавал ему немало весьма заманчивых обещаний: ведь фактически лишь благодаря самоотверженной помощи возникшего он не сложил своей головы к ногам Эномея. Но после столь желанной, столь необходимой ему победы и пышной свадьбы Пелопс раздумал выполнять данные обещания: во время прогулки вдоль морского побережья он коварно столкнул своего доверчивого помощника со скалы в морскую пучину.

Но боги (опять эти боги!) вознесли Миртила, сына Гермеса, на небо. Так, говорили древние, родилось созвездие Возничий.

Геракл Младший, знаменитый победитель Немейского льва, Лернейской гидры и других мифических чудовищ, как уже говорилось, тоже был причастен к античным играм.

В Олимпии великолепного фиванского героя почитали. Внук Пелопа Геракл Младший победил жестокого и неблагодарного царя Авгия (конюшни которого, как вы помните, он очистил, направив туда речку), освободил Элиду из-под его гнета и в память о своем легендарном деде возобновил (обратите внимание — возобновил!) в Олимпии тогда уже забытые игры. Сам Геракл выступал в состязаниях по борьбе и, само собой разумеется, победил.

Вот что можно узнать из мифов, которые рассказывали эллины о своих героях и богах.

ВСЕ НАЧИНАЕТСЯ С ИГР

Смех, отчаянный шум, крики — дети играют в мяч! Разгоряченные игроки следят за упругим резиновым мячом не столько глазами, расширенными или, наоборот, сужившимися от спортивной страсти, сколько, как бы всем телом, всеми предельно напряженными мускулами!

Сколько чемпионов страны, Европы и мира выросло из скромных героев дворовых и школьных соревнований!

Дети всегда дети. И было бы смешно думать, что древнегреческие мальчишки и девчонки меньше любили играть, чем наши юные современники.

Был, они, поверьте, были такими же азартными и соревновательными, так же стремились во что бы то ни стало выиграть, кто из них самый сильный, ловкий и быстрый.

Был и современные дети, маленькие эллины очень любили качаться: на ветках деревьев, на канатах, которыми крепились корабли у пристаней... А недавно археологи нашли несколько древнегреческих терракотовых игрушек, представляющих собой настоящие миниатюрные качели, очень похожие на современные.

Маленькие греки с упоением запускали в небо широкие ленты ткани, используя вместо еще не изобретенной бумажной ракеты или бычий пузырь. А прототипом «русского лопуха» была игра в орехи: каждый старался поскорее и точнее попасть в специальные углубления, сделанные в земле.

Чуть ли не с двухлетнего возраста эллиские малыши увлекались «петушиным боем»: подскакивая на одной ноге, а другую придерживая рукой сзади, они старались сбить друг друга ударом плеча. Как все это нам знакомо, не правда ли?!

Но самыми любимыми и популярными были игры в мяч. И вообще, заводя речь об Элладе, вполне уместно сказать, что там были «мячу все возрасты покорны».

Существовали разные виды мячей: сшитые из цветных лоскутов и набитые волосом (по-латыни «пиля»), наполненные воздухом кожаные оболочки («фóллис»), те же оболочки, набитые перьями («паганьки»), и, наконец, самые тяжелые, наполненные песком («гарпастон» — это уже греческое слово).

Вы помните странствия Одиссея? Когда он был выброшен волнами на остров феаков, то из глубокого обморочного сна его вывели веселые возгласы царевны Навсикаи и ее подруг, которые играли на морском берегу в мяч.

Между прочим, когда знаменитый древнегреческий драматург и поэт Софокл (он жил в V веке до н. э.) поставил свою трагедию «Навсикая», роль главной героини сыграл он сам. По законам античного театра не только мужские, но и женские роли исполняли актеры-мужчины.

Так вот, играя Навсикаю (восемнадцатилетнюю девушку!), будучи мужчиной уже не первой молодости, драматург так искусно обращался с мячом, что получил за это специальный приз.

Поэтому с уверенностью можно сказать, что древние греки любили эту игру еще за много-много веков до нашей эры.

Если же эллин имел в виду не какой-нибудь конкретный мяч, а мяч или шар вообще, то он говорил «сфера» (отсюда произошли наши слова «сфера», «сферический» и даже «стратосфера»).

Но приходил срок, и от безотчетных и случайных игр маленькие греки переходили к систематическим занятиям физическими упражнениями. Тем более, такой переход был естественным и заранее подготовленным.

В основу воспитательной системы эллинов в классический период была положена идея о гармоническом развитии человека. Справедливо считалось, что для

должны быть одинаково совершенны как в духовном, так и в физическом отношении. Древнегреческий философ Платон называл «хромым» каждого, у кого тело и разум были развиты неодинаково. А, например, в городе Спарте юноша мог получить гражданские права, лишь выдержав испытание по атлетике.

Если же на улицах Афин (или другого древнегреческого города) появлялся гражданин тучный и, говоря кратко, с далеко не спортивной фигурой, — сограждане не оставались равнодушными. Дети удивленно и насмешливо указывали пальцами на толстяка. И откровенно проносили. А иногда не только дети.

Творец Афинской демократии, безупречный и мудрый Перикл как-то сказал, что не может доверить даже самую второстепенную государственную должность человеку, который свое интеллектуальное совершенство не подкрепил и совершенством физическим. Ибо тот, кто не умеет управлять собственным телом, едва ли в состоянии управлять другими людьми.

Обсвождая свое стремление с раннего детства развивать и закалять тело, греки говорили: «Сначала надо сделать прочный сосуд, а потом уже наполнять его вином просвещения».

* * *

Прекрасное привлекает всегда. Хотя со времени могучего культурного расцвета Эллады прошло более двух тысячелетий, мы и сегодня восхищенно рассматриваем, любуясь гениальные произведения античных скульпторов. Музеи, дворцы и парки украшают копии всемирно известных статуй: Аполлон Бельведерский, Венера Милосская, Геракл, которого изваял Гликон, Дионис работы Мирона... И почти каждая скульптура того времени — это безукоризненное изображение не только безукоризненного, совершенного человеческого тела.

В бытность автора не приходилось фантазировать: перед его взором всегда проходили сотни прекрасных, развитых гармонично. Они-то и служили «натурой» для великих мастеров.

Любое совершенство не было случайным: постоянно тренировки делали организм стойким и выносливым, а тело сильным и прекрасным.

В Элладе существовало два типа учебных заведений. Как только греческому мальчику исполнилось шесть или семь лет, он поступал в «палэстру» (от слова «пáле» — борьба), где в продолжение первых трех лет занимался лишь физическими упражнениями. Со временем учеников знакомили тут с музыкой, эпосом и лирической поэзией, учили читать и писать.

Лишь в 14—16 лет юные эллины переходили в своего рода среднюю школу, которая называлась «гимнасий» (от слова «гюмнос» — обнаженный, ибо юноши упражнялись и состязались без одежды). Здесь они учились быстро бегать. Для развития выносливости эллины нередко тренировались на морском берегу, где их ноги глубоко увязали в песке. После такого изнурительного упражнения по твердой дорожке бежать было особенно легко.

В гимнасии юноши занимались борьбой, прыжками, метанием диска, бросали копье на дальность и в цель, учились преодолевать глубокие и широкие рвы. И, конечно, почетное место и тут принадлежало спортивным играм с мячом.

Сначала мальчики обучались в частных гимнасиях, а затем переходили в государственные. Разумеется, это были дети свободных эллинов, ибо рабы для такого обучения не имели ни прав, ни возможностей.

Существовали школы для привилегированной молодежи и для тех, чьи родители были победней. Кроме того, в Афинах широкой известностью пользовался гимнасий Киносарга для мальчиков «полублагородного происхождения», отцы которых были свободными гражданами, а матери — рабынями.

Сооружались гимнасии как на государственный счет, так и на средства частных лиц. Для гражданина было большой честью, если город поручал ему построить гимнасий и потом руководить им.

В своей книге «Описание Эллады» древнегреческий историк Павсаний (он жил во II веке н. э.) рассказывает, что в Спарте он видел много гимнасиев. Но самым лучшим был тот, который построил и подарил городу некто Эвриклея.

Этот же автор писал, что «Панопей нельзя считать городом, так как там нет ни гимнасия, ни театра...»

Занимались молодые эллины под руководством дотрибов и педономов (так назывались тренеры-наставники).

и воспитатели). А всей школой руководил гимна-
зист — лицо очень уважаемое и наделенное большой
знатостью.

Трудно перечислить все упражнения, которым обу-
чили недотрибы своих учеников. Их были сотни: труд-
ные и легких, приятных и не очень.

Для развития силы мальчишки поднимали и перено-
сили с места на место камни: сначала небольшие, а за-
тем все тяжелее и тяжелее. На одной древнегреческой
вазе неизвестный художник изобразил юношу, который,
выбравшись вперед и держа в каждой руке по большому
камню, поочередно поднимает их. Совершенно ясно, что
с помощью таких упражнений можно было достичь за-
мечательных результатов. И невольно соглашаешься с
тем, что поднятая одной рукой 143,5-килограммовая ка-
менная глыба, быть может, не фантастика, а закономер-
ная награда за упорные, многолетние тренировки.

СПАРТА ИЛИ
АФИНЫ

В государствах Древней Греции не существовало единой системы физического воспитания, равно как и единой общеобразовательной системы. Главенствовали в Элладе преимущественно две школы: спартанская и афинская.

Если в большинстве древнегреческих городов-государств физическими упражнениями занимались только юноши, то в Спарте и девушки не отставали от них. В этом отношении спартанки были полной противоположностью изнеженным афинянкам.

Сами спартанцы, занимаясь исключительно военным делом, с помощью оружия поддерживали свое господство над массами государственных рабов-плотов. Олигархический коллективизм проникал во все сферы жизни древней Спарты. Каждый ежемесячно вносил определенное количество продуктов для общих товарищеских обедов, носивших название сисситий. Весь порядок жизни спартанцев был целиком подчинен интересам всей общины. Чтобы затруднить возможность обогащения одних и разорения других свободных граждан, в Спарте были в ходу только очень громоздкие и неудобные железные деньги: копить их было и трудно, и бессмысленно.

Молодой спартанец воспитывался буквально под присмотром всей страны. Как только в семье рождался ребенок, его несли к старейшинам — геронтам. И те решали судьбу будущего гражданина. Слабых детей сбрасывали с обрыва горного хребта Тайгета, так как та-

жизнь такого младенца не нужна ни ему самому, ни родителям, ни государству.

Таким жестоким способом спартанцы не допускали в армию среду слабых и болезненных людей, которые не могли бы стать хорошими воинами. А диктовалось это тем, что даже в самые лучшие времена спартанцев-мужчин было лишь около десяти тысяч. Они должны были обеспечить не только безопасность границ, но и господство над илотами, число которых обычно колебалось от двухсот до трехсот тысяч человек. Так, силой законов, выработанных в крепких мышцах спартанцы поддерживали свою армию.

Так с семи лет мальчики воспитывались в государственных школах. Первую группу составляли мальчики 7—12 лет. Педоном следил за играми детей, наблюдал, чтобы ли мальчик и упорен ли в драках. Грамоте уделялось немного времени: внимание преимущественно направлялось на физическую закалку.

С 12 до 14 лет режим мальчиков строился так, чтобы выработать их к неприхотливости и максимальной выносливости. Их разбивали на отряды, во главе каждого из них ставился «пэрэ», старший и наиболее авторитетный мальчик, который полностью распоряжался своим отрядом. Подобные объединения существовали 2—3 года.

Для себе юные спартанцы обязаны были добывать... Одежда, даже зимой, сводилась до минимума: мальчики должны были закаляться. За малейшую провинность следовало жестокое наказание — так воспитывалась гордость.

А с 15 лет юноша становился эфебом: получал оружие и занимался уже чисто военными упражнениями. С этого времени молодые спартанцы принимали участие в экспедициях — ночных походах в поисках беглых илотов. По их мнению, каждый илот, находящийся ночью вне лагеря, был заговорщиком, и его следовало немедленно казнить.

Так, умственное образование государством не поощрялось. Это было частным делом каждого спартанца. Основными же элементами обучения молодежи являлись охота (на зверей и рабов в равной степени), религиозные и военные танцы и разнообразные физические упражнения, которыми юноши занимались большую часть дня.

Молодые спартиаты очень любили, разбившись на два отряда, сражаться на островке, окруженном глубоким рвом с водой. Каждый старался столкнуть в воду как можно больше «противников».

Одним из самых серьезных испытаний воли и мужества для четырнадцатилетних спартанцев был праздник в честь Артемиды — богини охоты. На ее алтаре мальчиков секли розгами в присутствии родителей и всех граждан Спарты. Те, кто переносил жестокое наказание с молчаливым мужеством, получали награды. Но случалось, что юноши без единого стога умирали под ударами. И в их честь соотечественники воздвигали статуи...

Вряд ли кто-нибудь из тех, кто прочтет эти строки одобрит подобную «педагогику». Но спартиаты были твердо убеждены, что лишь таким путем можно воспитать настоящих воинов: сильных, выносливых, бесстрашных и беспощадных к врагам.

Они презирали все, что способствовало изнеженности духа и тела. Согласно закону, каждые 10 дней эфобы должны были обнаженными показываться старейшинам. Вот что писал об этом Павсаний:

«Если они были крепки и сильны, словно высечены из камня, благодаря телесным упражнениям, то удостоивались одобрения. Если же эфоры замечали у них следы дряблости и рыхлости, связанной с паросшим недостатком трудов жиром, юноши подвергались телесному наказанию» (III, XVII, 6) ¹.

Как видите, спартанская воспитательная школа весьма злоупотребляла методами физического воздействия. Зато нарушений дисциплины в Лакедемонии (одно из названий Спарты) почти не бывало.

Стоит упомянуть и о том, что суровые лакедемоняне безжалостно изгоняли за пределы общины поваров, которые готовили... вкусно и разнообразно. Ибо пища настоящих спартанцев должна была состоять лишь из самых простых блюд. Деликатесы здесь считались вредными, как и все, что могло избаловать человека.

Лаконика — третье название Спарты. Отсюда произошли слова «лаконичный» и «лаконизм». Быть лако-

---

¹ Павсаний. Описание Эллады. Т. 1. М., «Искусство», 1938. (В дальнейшем все цитаты приводятся по данному изданию.)

значит говорить сжато, емко, да еще (очень выразительно!) и остроумно.

Нелюбовь к всевозможным чрезмерностям проявилась и в речи лаконцев. В истории человечества они прославились еще и тем, что умели высказывать свои мысли предельно кратко.

Уже много веков эталоном героической немногословности служит пожелание спартанки, провожающей сына в бой: «Со щитом или на щите!» Победитель возвращаясь с войны домой со щитом, а на щитах приносили с собой боя тех, кто пал смертью героя. Третьего варианта щита не допускала...

Как-то во время военных переговоров персидский посол самоуверенно и хвастливо заявил: «Нас так много, что если одновременно пустим стрелы с тетив своих луков, эти стрелы тучей закروют солнце». И услышал спокойный ответ спартиатов: «Что ж, значит будем сражаться в тени».

Но больше всех лакедемонян прославился и мужеством, и находчивостью, и немногословным остроумием незыблемый царь Леонид.

Взволнованному воину, который примчался с вестью: «Враги приближаются к нам!», — царь ответил: «Нет, мы приближаемся к врагам!». Ободренные спартиаты воспрянули духом, смело вступили в бой и одержали победу.

В ответ на высокомерный приказ персидского царя Ксеркса «Бросайте оружие!» Леонид гордо сказал: «Приди и возьми!»

Вполне естественно, что лакедемоняне презирали тех, кто изъяснялся слишком велеречиво и пространно. Как-то, терпеливо выслушав послов острова Самос, которые в длиннейшей и витиеватой речи просили о военной помощи, лаконцы остроумно ответили: «Начало мы услышали забыть, а дальше не поняли, ибо забыли начало».

Конечно, не только спартиаты умели говорить сжато и многозначительно. С предельным лаконизмом сообщали о своей победе над боспорским царем Фарнаком великий римлянин Гай Юлий Цезарь: «Пришел, увидел, победил!». И все же следует помнить: словом «лаконизма» человечество обязано отважным, часто слишком суровым, но всегда немногословным гражданам Спарты.

Олигархический коллективизм дорических племен (к ним относились не только спартанцы, но и критяне) выражался еще и в том, что уже с 7 лет мальчики здесь становились членами особого товарищества. Это позволяло ввести их воспитание в еще более жесткие рамки.

А эфебы объединялись в так называемые агелы. Вступая в этот союз, юноши давали торжественную клятву верности государству и суровым законам агелы. В них все было подчинено правилам военно-спортивного воспитания.

Педагогические задачи спартанской и критской агелы древнегреческий историк и географ Страбон определил так: «Чтобы юноши стали мужественными, а не трусами, их с детства приучали к обращению с оружием и к тяжелым трудам, чтобы они научились презирать жару и холод, каменистые и крутые дороги, удары в гимнасиях и в боевом строю. У них введены упражнения не только в стрельбе из лука, но также в военной пляске..., так что даже игры у них не были свободны от полезных для войны упражнений»¹.

На любые соревнования члены агелы являлись все вместе. Если шла речь о командном выступлении (например, игра в мяч), они выходили на состязание плечом к плечу. Лишь во время выполнения упражнений и подготовительных тренировок могли они выступать за разные команды.

Более того, все члены агелы были обязаны даже жениться одновременно: разница в сроках свадеб не должна была превышать одного месяца. И почти всегда они выполняли это необычное условие. Порой спартанские и критские эфебы давали клятву даже умереть в один и тот же день. Заметим, что в условиях почти непрерывных и весьма жестоких войн это им удавалось довольно часто. Причем иногда — даже помимо своей воли.

Принцип организации агелы был сугубо классовым. Сюда первоначально могли попасть лишь юноши из семей высшей аристократии. Руководил каждой агелой отец одного из ее членов (его называли «агелат», или «боаг»).

¹ Страбон. География. М., «Наука», 1964, с. 457.

Отныне со временем кроме эфебов-аристократов нередко в состав товарищества стали входить и юноши «чужеземного» происхождения — дети свободных спартиатов и плотов и даже представители низших слоев населения Лакедемона и Крита. Назывались они синэфебами, то есть товарищами эфебов. Положение этих «товарищей» в агеле было иным, чем у эфебов-аристократов. Они вместе воспитывались, упражнялись в палестрах и гимнасиях. Но этим и ограничивалось их видимое равенство. Синэфеб зависел от эфеба-либо эфеба, полностью признавая его авторитет во всех частных и общественных делах.

Тем не менее положение синэфеба порой все же открывало безродному юноше путь к государственным должностям, в высшие слои спартанского общества. Для юноши из высшего привилегированного класса необходимо было усыновить его. Спартиат-аристократ, убедившись в полной преданности юноши и достойном воспитании, давал ему свое имя. Но перед этим синэфеб на протяжении нескольких лет был обязан выполнять весьма сложные и многообразные обязанности, ежедневно доказывая свою всестороннюю подготовленность, верность порученному делу и своему патрону.

Но для чего же, спросите вы, было спартанской аристократии «разбавлять» свои сплоченные ряды людьми не всегда благородного происхождения? Вспомните, что эти самые ряды всегда были очень немногочисленны. Иной раз эта немногочисленность становилась для лакедемонян почти угрожающей. А институт синэфебов позволял им регулярно пополнять свои когорты проверенными, испытанными и физически, и морально, беззаветно преданными людьми.

Описанная система детских, юношеских и даже взрослых союзов опиралась на очень древние традиции первобытного периода истории человечества и когда-то была общей почти для всех народов. На Крите и в Спарте всегда отличавшихся наибольшим консерватизмом и строгостью нравов, агела существовала гораздо дольше, чем в других государствах Древней Греции. Объяснялось это явление отчасти тем, что именно дорийские лакедемоняне больше прочих эллинов главной воспитательной задачей считали военную подготовку в сочетании с физической закалкой и строжайшей дисциплиной.

В политической жизни Спарты и Афин было много общего: постоянная необходимость обеспечения своей независимости, упрочение власти над более слабыми полисами и собственными рабами.

Однако, в отличие от консервативно-земледельческой Спарты, Афины были государством с широко развитой торговлей. Здесь бурно и своеобразно развивались наука и искусства, особенно в V в. до н. э. — в период наивысшего расцвета древнегреческих полисов.

Афинская воспитательная система значительно отличалась от спартанской. Эта система сочетала умственное, нравственное, эстетическое и физическое воспитание.

Правда, и в Афинах существовал обычай умерщвления слабых младенцев. Но здесь, в демократическом государстве, вопрос о жизни и смерти ребенка решали не чиновники, а сам отец.

Первые школы появились в Афинах в VII в. до н. э. А первые школьные законы были составлены знаменитым древнегреческим поэтом и государственным деятелем Солоном. Эти законы хорошо отражали взгляды афинян на образование. В частности, ими предусматривалось, чтобы школьный учитель сам время от времени сдавал экзамены, подтверждая тем самым свое право учить других. Занятия в школах должны были проводиться лишь при дневном, естественном, освещении. По тем же законам отец не имел права требовать, чтобы сын содержал его в старости, если он этого сына ничему не выучил, то есть даже не посылал в школу.

Считалось обязательным, чтобы простой школьный учитель мог показать детям те основные гимнастические упражнения, которым их со временем будут обучать в гимнасии. Рассказывают даже, что время от времени среди афинских учителей проводились состязания в эхлоклазии и разных видах атлетики.

Впрочем, слишком детально государство делами просвещения не занималось. Каждый афинянин имел право выбирать для своих детей школу и учителей по собственному усмотрению. Сами же ученики и платили за обучение.

Но существовало и совершенно особое исключение из данного правила: афиняне обучали на государствен-

ный счет тех детей, родители которых погибли на поле боя, защищая отчизну.

Школьная жизнь афинского мальчика начиналась с 4—7 лет. Но в отличие от Спарты ребенка тут в учебный период не отрывали от семьи. До 14—16 лет мальчик под присмотром раба посещал частные школы, где обучался музыке, чтению, письму и, разумеется, физическим упражнениям.

В Афинах существовало три вида школ, которые можно было посещать одновременно: грамматическая, музыкальная и гимнастическая (палестра). Именно в последней мальчик-афинянин находил большую часть дня. Здесь под руководством педономов и гимнастов он проводил время в непрерывных упражнениях и спортивных состязаниях со своими сверстниками.

Но уже с шестнадцатилетнего возраста афиняне воспитывались в общественных гимнасиях. В этот период значительно увеличивалась физическая нагрузка, в то же время вводились и элементы общественного воспитания: беседы со взрослыми, посещение театров, судов, народных собраний, музыкальных, поэтических и спортивных состязаний.

Воспитание в гимнасиях являлось подготовкой к военному обучению. Восемнадцатилетний юноша уже мог быть принят в число свободных граждан — принеся присягу на верность государству, он вступал в ряды эфеев. В этот торжественный день на агоре (городской площади) ему вручали экипировку воина.

Духовное обучение афинских эфеев сначала проводилось в лагерях, где они осваивали тактику и технику ведения боя, а затем в отдаленных гарнизонах. Они вели жизнь регулярных солдат, неся сторожевую службу на границах государства.

Обязательной принадлежностью каждого гимнасия была библиотека. По решению народного собрания Афин каждый выпуск эфеев дарил своей школе несколько книг. При этом не следует забывать, что книги чаще были рукописные и каждый драгоценный экземпляр обходился не так уж дешево...

Ежегодно в каждом гимнасии на специальных колонках записывались имена учеников, которые были лучшими не только в математике, музыке, чтении поэтических произведений или письме, но и в спортивных состязаниях.

Не только в городах, но даже и в селах велись официальные списки местных уроженцев, окончивших гимнасий. Лишь они могли претендовать на высокие государственные должности (и, в частности, на почетный пост гимнастарха).

Афинская педагогическая система открывала больше возможностей для разностороннего совершенствования личности. В Спарте же являлось нормой не только узкое военное воспитание, но и беспрекословное принесение интересов отдельной личности в жертву рабовладельческому коллективу.

Из этих двух воспитательных систем для нас, конечно, более близка, понятна и, наконец, более приемлема афинская. Ведь именно эта система обусловила, обеспечила столь исключительное место Эллады в истории мировой науки и культуры.

Тем более было бы грубой ошибкой утверждать, что единственной и главной целью педотрибов, педономов и гимнастархов являлось воспитание боеспособных воинов. Существовало немало и других причин, благодаря которым физическое воспитание достигло в античной Греции таких вершин.

КЕНТАВР И ЕГО
УЧЕНИКИ

Археологи, историки и филологи с каждым годом находят все больше документов и литературных источников, которые свидетельствуют: в деле воспитания вообще и физического воспитания в частности у древних греков были предшественники. Глиняные таблички с письмами (а, может быть, и не с первыми) школьными заданиями обнаружены в египетских и ассиро-вавилонских архивах. Весьма разумные и подробные рекомендации, как приучать юношу с самого раннего возраста переносить значительные военно-спортивные нагрузки и даже как тренировать лошадей, оставили нам египтяне. Эта цивилизация пережила свой расцвет задолго до того, как на «педагогический совет» нашей планеты впервые пришли эллины. Но древние греки сумели не только творчески воспринять и обобщить все лучшее, что было найдено до них, но и создать свою стройную систему образования.

Гармоничное воспитание, образование вообще было неотъемлемой частью культуры эллинов. Однако не всегда и не везде государство брало в свои руки воспитание граждан. Часто школы строились и содержались на пожертвования богатых горожан.

В малоазийском городе Теосе, эллинской колонии, гражданин Полифор в III в. до н. э. завещал отчизне довольно крупную сумму на развитие образования. В дарственном документе Полифор писал:

«...дабы все свободные дети воспитывались согласно моей воле, ежегодно избирать трех учителей грамоты,

которые будут обучать мальчиков и девочек. Плата учителю первого класса — 600 драхм в год, второго — 550, третьего — 500 драхм».

В том же документе благодетель города приказывает избрать двух педотрибов с ежегодным жалованием 500 драхм и учителя музыки, которому положено было 700 драхм в год. А вот тренеры по копьеметанию и стрельбе из лука довольствовались более скромными суммами — 250 и 300 драхм. Кандидатуры на все эти должности подбирал гимнасиарх, но окончательно утверждало народное собрание Теоса.

В другой малоазийской колонии — славном Милете — учителя избирались народным собранием публично сроком лишь на один год. Тот, кто претендовал на эту должность, должен был записаться у гимнасиархов с 15-го до 20-го числа месяца артемисия, что соответствует второй половине нашего мая, после чего имена кандидатов наносились на мраморную доску и выставлялись на городской площади, чтобы все граждане имели возможность с ними познакомиться.

Избрание учителей происходило в очень торжественной обстановке в присутствии жрецов главных городских храмов и, разумеется, тех лиц, которые пожертвовали большие суммы на местную школу и образование вообще. Голосование, как и в наше время, проводилось поднятием рук (так называемая хейротония). Перед голосованием кандидат должен был торжественно поклясться, что он ни перед кем не хлопотал о своем избрании и не пытался воспользоваться для этого помощью влиятельных знакомых, родственников и друзей.

В честь тех, кто жертвовал городу часть своих доходов (иногда весьма солидную часть), сооружались статуи, издавались торжественные декреты. Им предоставлялась ателия (освобождение от налогов) и почетные места на всех зрелищах.

В гимнасии Пергама и сейчас археологи находят немало мраморных колонн, возведенных в честь гимнасиархов. На базах этих колонн ученики могли прочесть имена граждан, благодаря которым они имели возможность учиться в данном гимнасии: кто его построил, кто украсил фресками и скульптурами, кто расширил учебные и тренировочные помещения, заботясь о достойном и всестороннем воспитании юных эллинов.

На острове Кос в III в. до н. э. решение о введении гимнасиарха, о его правах и обязанностях и в каком возрасте было включено в закон об устройстве обязательных жертвоприношений и ритуальных состязаний.

Наиболее уважаемых гимнасиархов, педономов и педотрибов благодарные ученики торжественно хоронили на территории гимнасия.

На одном из надмогильных памятников II столетия до н. э. было высечено изображение учителя в окружении учеников. Стихотворная надпись гласила, что похороненный занимался «элементарным преподаванием», то есть учил самых младших учеников, пятьдесят два года. Легко представить себе, какой гигантский педагогический опыт накопил он за это время!

Не стоит, однако, думать, что меценаты существовали в каждом городе и что жизнь всех античных педагогов была достаточно обеспеченной.

Например, скромные «грамматисты» — учителя грамматики далеко не всегда получали от государства или города хоть какую-нибудь компенсацию за свой беспрестанный нелегкий труд. Нередко школа содержалась лишь на взносы учеников. Взносы эти не всегда были регулярными. Одна из причин подобного положения была весьма своеобразной. На некоторые месяцы приходилось несколько праздников подряд (в древнегреческом календаре пятнадцать и даже девятнадцать праздничных дней в один месяц не было явлением исключительным). И в такие месяцы экономные родители, чтобы не терять деньги «даром», попросту не посылали своих детей в школу. В итоге педагог оказывался в предельно критическом финансовом положении...

* * *

Трудно назвать еще какую-нибудь страну, где любители самые различные состязания так же, как в Элладе. Состязались между собой музыканты и поэты. Известны соревнования глшатаев-трубачей. Рассказывают, будто один из них трубил так громко, при этом одновременно и две трубы, что стоящие рядом зрители чуть ли не глотали. Устраивались даже единоборства обжор. Но самыми любимыми, почитаемыми и посещаемыми были состязания атлетов.

По-древнегречески всякое соревнование называлось «агон». Отсюда вся система тренировок и состязаний получила название «агонистика». Один из ученых-историков нашего времени очень удачно назвал эллинов «агонистическими людьми».

В каждой аристократической семье не только доброй традицией, но и почти обязательным элементом «хорошего тона» считалась агонистическая преемственность от отца к сыновьям. Победитель-отец и победитель-сын в прямом и переносном смысле вплетали все новые листья в венок семейной славы.

Вот что, например, рассказывает Павсаний в своем «Описании Эллады» о лакедемонянине Гетоймокле: «Самим Гетоймоклом и его отцом Гиппосфеном были одержаны победы в борьбе на олимпийских играх; в общей сложности они одержали одиннадцать побед. Причем Гиппосфену удалось одержать на одну победу больше сына и тем превзойти его» (III, XIII, 7).

Бывало, что цепочка агонистических триумфов протягивалась и дальше: от деда к внукам, от прадеда к правнукам. Наиболее знамениты в этом смысле, пожалуй, атлеты из семейства Диагоридов с острова Родос. Сам могучий Диагор неоднократно побеждал в кулачном бою. Удостоился олимпийского венка и его брат Акусилай. Стали победителями в Олимпии сыновья Диагора — Доризэй, Дамант и Сосий. Наконец, не посрамили своего рода и внуки знаменитого атлета: высшей награды в Олимпии удостоились Эвкл и Пейседор. О Пейседоре и его матери Каллипатере (ее второе имя Ферника) сложили такую легенду.

Не доверяя педотрибам, Каллипатера сама обучала сына кулачному бою, готовя его к состязаниям. Она верила в силы Пейседора. Проходили месяцы упорных тренировок, и вот наступило время отправляться в Олимпию.

Не сомневаясь в том, что сын победит, Каллипатера хотела во что бы то ни стало стать свидетельницей его триумфа. Но путь на олимпийский стадион для нее был закрыт. По древним законам женщины не допускались туда под страхом смерти. Лишь жрица богини плодородия Деметры — единственная! — могла наблюдать знаменитые состязания. Так своеобразно проявился здесь культ Зевса — суровой и жестокой религии патриархата.

Однако любовь матери-тренера к сыну была слиш

...мелка, чтобы считаться с законами и бояться смерти. Переодевшись мужчиной, Каллипатера смешалась с толпой педотрибов.

И она увидела, как в тяжком кулачном бою Пейседор победил одного за другим пятерых соперников! Голова Каллипатеры будет увенчана венком!

Обман обо всем. Каллипатера бросилась вперед, чтобы обнять Пейседора, и... мужская одежда, прилаженная к поясу, слетела с нее. Обман обнаружился...

По закону Каллипатеру должны были сбросить со скамьи. Но судьи не нашли в себе сил так поступить. Ибо Каллипатера была дочерью олимпийского победителя, матерью олимпийских венценосцев, матерью олимпийского триумфатора. Благодаря этому Каллипатера оставалась жива.

Но в память о таком необычном событии все педотрибы отныне должны были во время игр находиться за специальной оградой. Там стояли они обнаженные, чтобы среди никакая другая гречанка не имела возможности повторить уловку своей соотечественницы.

* * *

Да, древние греки любили и умели состязаться. Но универсальные мастера античной атлетики в то же время на стадионах нередко вверяли свою судьбу... богу. Очень интересно объясняет это явление известный советский ученый М. Л. Гаспаров. Эллина были убеждены, что вопреки воле божества невозможны ни победы, ни поражение. Поэтому древнегреческие соревнования можно смело ставить в один ряд с такими явлениями, как избрание по жребию должностных лиц в государствах Эллады периода рабовладельческой демократии, как «суд божий» в средние века, наконец, как римская дуэль или поединок. Ведь многие столетия существовало убеждение, что человек абсолютно не властен над своей судьбой и все его усилия могут оказаться тщетными, если противоречат воле божественной.

Также так же и эллипские игры должны были выявлять, определить не столько того, кто самый сильный, самый искусный в данном виде состязаний, сколько того, за кого распространилась милость богов-олимпийцев. А спортивная борьба на стадионе — лишь одно из многочисленных проявлений этой милости.

И, однако, боги богам, но греки понимали: одно морального совершенства для победы на стадионе еще недостаточно. Даже при несомненной благосклонности богов. Ведь, кроме всего прочего, небожители предпочитают выбирать лучшего из лучших!

Поэтому перед каждым атлетическим поединком эллины тренировались всесторонне и самозабвенно. И говоря, при всем уважении к богам-олимпийцам древнегреческие спортсмены все же действовали по принципу, который хорошо выражается русской пословицей: «Бога надейся, а сам не плошай!»

Да ведь и богов-то своих греки, как мы уже видели, создали по своему же образу и подобию. Всякая антропоморфизм древнегреческого пантеона вызывал у эллинов стремление сравняться с богами, а то и даже превзойти их. Причем все это, как ни странно, все не противоречило самому добропорядочному отношению к богам. Нет, просто иногда какой-нибудь герой из Афин, Фив или Спарты почти незаметно для себя перешагивал ту весьма ощутимую, но в то же время, согласитесь, и невидимую черту, которая отделяет человека от бога. Одним из доказательств этого служит тот факт, что в мифах и эпосе эллины даже отважились вызывать богов на состязание.

Так, знаменитый Геракл вызвал на поединок и победил в честной борьбе речного бога Ахелоя. А во время Троянской войны разгоряченные битвой воины, сражаясь, весьма ощутимо щекотали копьем или мечом кого-нибудь подвернувшегося под руку небожителя.

Один из ахейских вождей герой Диомед отважился напасть на самого бога войны Арея, который впоследствии стал покровительствовать троянцам. Вот как рассказывает об этом в «Илиаде» Гомер:

...на Арея напал Диомед нестрашимый
С медным копьем, и, усилив его, устремил Паллада
В нижнее чрево, где бог опоясывал медную повязку
Там Диомед поразил и, бессмертную плоть растерзав
Вырвал обратно копье, и взревел Арей меднообрядом
Страшно, как будто бы девять или десять

воскликнул:

Сильных мужей на войне, зачинающих ярую битву

(V, 834—838)

---

¹ Гомер. Илиада. Пер. Н. Гнедича. М., «Художественная литература», 1979. (В дальнейшем все цитаты даны по данному изданию.)

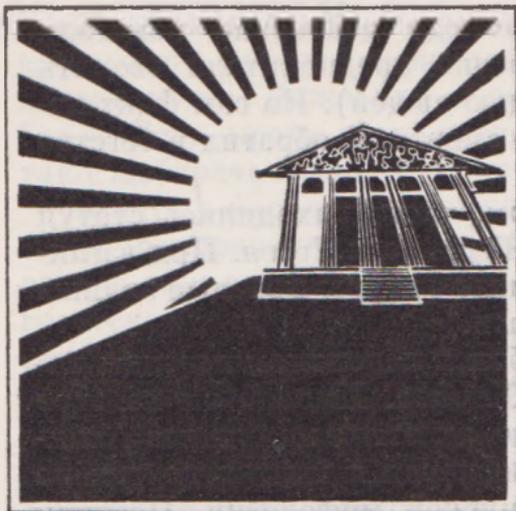
Тем не менее, как видим, Диомеду действительно помогала Паллада (боги нередко предпочитали сводить между собой счеты с помощью людей). Но сам факт несправедливости и в эпосе, но смертный обратил в бегство бессмертного.

В олимпиадах, кроме герм, часто находились статуи мифических силачей: Геракла и Тесея. При взгляде на их выгнутые и прекрасные фигуры молодые эллины находили в них жив сил и отваги.

Самым первым педотрибом и педономом легенды называли мудрого кентавра Хирона. Именно он на горе Пелион обучал, по преданию, атлетике мальчиков Ахилла, Палидевка, Амфиарая и многих других не только самых героев эллинской мифологии. Поэтому Хирон можно считать учителем всех древнегреческих

Герои не могли греки не состязаться, если это означало завлечь их богов и героев! Богов и героев они создали сами.

ЗАКОНЫ ЛИКУРГА

Древнегреческие болельщики по темпераменту и беззаветной азартности едва ли уступали современным. Весь эллинский мир охватывало праздничное возбуждение в те дни, когда, как сказал живший в VIII до н. э. греческий поэт Архилох, «толпой валит народ на состязания».

Раз в четыре года из маленького городка Элида направлялись по семи дорогам теоры — священные послы. С пальмовой ветвью в руках и оливковыми венками на головах они несли весть о предстоящем олимпийском празднестве, приглашая участников и зрителей. Теоры посещали не только все греческие города. Их привлекательные торжественные голоса звучали на побережье Малой Азии, в южноиталийских и сицилийских колониях, на самых маленьких островках Эгейского моря и даже в Северной Африке.

Теоры провозглашали священное перемирие, которое длилось, вероятно, не менее трех месяцев, поскольку добираться до Олимпии было в те времена не просто. Многим приходилось преодолевать не десятки, а сотни и даже тысячи километров пути. Те, кто ехал или шел издалека, обязательно останавливались на несколько дней у друзей в Афинах, а отсюда, уже отпусив, направлялись в Олимпию по одной из семи дорог.

Жители восточногреческих городов заплывали в Ионическое море и входили на своих легких кораблях в устье Алфея. Тут они пересаживались на маленькие суденышки (часто это были простые весельные лодки).

...верх против течения, добираясь почти до самой
...которая находится примерно в 20 км от поний-
...вд бережья.

«Священное перемирие» по-древнегречески звучит
как «экехейрия». С происхождением этого слова связа-
на любопытная легенда.

Давным-давно сын Пеласта аркадский царь Ликаон
...и жертву Зевсу своего первенца Никтима. Во-
...решениям Зевс воспринял это как жестокое свя-
...и превратил Ликаона и часть его сыновей в
...и других детей испепелил перунами. Но и сделав
...он продолжал разить Аркадию огненными стрела-
...тех пор, пока сама Земля не подняла в мольбе
... («эпейрас») и не усмирила его гнев. Вот откуда
...слово «экехейрия».

* * *

Экехейрия длилась иногда до трех месяцев. Когда
...как возник этот мирный обычай?

Древнегреческие государства не всегда жили между
...дружко и слаженно. Военные столкновения по
...разным поводам не были тут редкостью.

Часто часто происходили стычки на полуострове
...По словам Павсания, элидский правитель
...обратился к оракулу с вопросом: как прекратить
...и раздоры? И получил ответ: возобнови
...олимпийские игры.

Поскольку враждовала Элида преимущественно со
...Ифит предложил мудрому спартанскому зако-
...Ликургу совместно последовать совету ора-
...Они вместе составили устав священного переми-
...на котором во время праздника должны были пре-
...любые военные действия среди участвующих
...государствах. Все шедшие и едущие на праздник поль-
...правом свободного прохода даже через непри-
...страны. Под страхом смерти и проклятий богов
...не имел права силой оружия вторгаться в свя-
...область. Дружественные войска, которые дол-
...были проследовать через нее, отдавали свое ору-
...на границе и получали его обратно лишь при вы-
...из области. Если какое-либо государство прене-
...законом об экехейрии, элейцы (жители Элиды)
...право наложить на дерзкого нарушителя круи-

ный денежный штраф и даже лишить его права участия в празднике.

Положение это соблюдалось очень строго. Так, в 420 году до н. э. спартанцы не были допущены к участию в олимпиаде, так как, не сдержав своего воинственного пыла, во время священного перемирия осадили город Лепрей.

Устав перемирия был начертан на медном диске, который, по свидетельству Павсания, еще в его время, т. е. в II веке н. э., хранился в одном из храмов. Кроме устава о перемирии существовал и олимпийский устав. Но о нем немного позже.

До Павсания диск с текстом перемирия видел и описал Аристотель, живший в IV веке до н. э. А сам договор, как предполагают ныне некоторые исследователи, был заключен в 884 году до н. э.

Хотя Ифит и Ликург относятся к личностям полуреальным, большинство не только античных, но и современных авторов склонны думать, что эти правители действительно существовали. И, как уже было сказано, речь шла не об учреждении, а о возобновлении олимпийских игр, мифические истоки которых теряются во тьме веков. Вряд ли кто-нибудь сможет сказать точно, когда родился этот древнейший праздник. 776 год до н. э. — тот самый год, когда на мраморной доске впервые официально было записано имя победителя «дромосе» (простом беге) — элейского повара Короба, — можно считать лишь началом исторического периода олимпийских игр, но не олимпиад вообще.

Как вы, конечно, помните, женщинам было запрещено приходить на олимпийский стадион во время проведения игр, и единственное исключение делалось для жрицы Деметры — богини плодородия. Если же доказать, что победитель награждался венком из ветвей оливы, то можно смело утверждать: прародителем олимпийских игр был праздник урожая. Об этом же говорят и время их проведения: август — сентябрь.

Пока олимпийский праздник носил сугубо местный характер (так, несомненно, было до перемирия Ифита — Ликурга), его можно было отмечать ежегодно. Но со временем, когда он стал общегреческим, делать это становилось все труднее. вспомните, что у некоторых атлетов и болельщиков дорога туда и обратно отнимала несколько месяцев.

Ежегодно отмечать это торжество стало невозможным еще и потому, что кроме олимпийского эллины отмечали еще немало праздников, которые также сопровождалось выступлениями атлетов.

Олимпийские игры начали проводить раз в четыре года, как предполагают ученые, в IX столетии до н. э. В основу был взят 8-летний цикл из 99 месяцев, который распадался на две неравные части: 50 и 49 месяцев. Начался олимпийский праздник в первое новолуние после летнего солнцестояния и в пору своего наивысшего расцвета длился пять дней подряд, из которых религиозным церемониям посвящался лишь один, а состязаниям атлетов — остальные четыре. Сам четырехлетний период назывался олимпиадой.

Олимпия располагалась в долине реки Алфея при впадении в нее ручья Кладея. Священная долина со всех сторон была окружена холмами и горами, поросшими кедровыми и миртовыми деревьями, дубами и корабельными соснами. Одна из окрестных гор называлась Олимпом. Она тезка знаменитой вершины, на которой обитали эллинские боги. Вообще же на карте Греции и Италии сейчас географы насчитывают четырнадцать возвышенностей, которые носят гордое имя Олимп... Вторая гора, украшавшая ландшафт олимпийской долины, была посвящена в честь отца Зевса — Крона. Местом проведения праздника была Альтида — священная оливковая роща.

Первоначально священная роща была обнесена деревянной оградой, и лишь в конце IV века до н. э. тут возведена стена из беломраморных блоков. Пять ворот позволяли с любой стороны войти в Альтиду или покинуть ее: ведь состязания проходили не здесь, а на стадионе и на ипподроме.

За три дня до начала праздника в Олимпию из Эллады входила торжественная процессия. Священная дорога протяженностью около 50 км сначала шла по морскому побережью, а затем скрывалась в горах. Здесь находился источник, у которого судьи приносили жертвы богам.

А в это время сама Олимпия уже была окружена лагерем, в котором размещались гости со всех стран. Устраивались основательно: ведь им предстояло прожить тут несколько дней. Многие приезжали не только ради самих состязаний, но и, например,

для заключения торговых сделок. Государства имели право оглашать здесь договоры, новые законы и другие важные документы.

Поэты, ораторы и ученые почитали за честь выступить перед участниками праздника, а художники — выставить картины и скульптуры.

Как свидетельствуют античные историки, в олимпийской долине имели свои мастерские многие выдающиеся эллинские скульпторы — Фидий, Мирон, Поликлет, Сиппос, Лисипп, Пракситель. Для эллинов взаимосвязь искусства и спорта была столь же естественной, сколь плодотворной.

Таким образом, Олимпия издревле была объединяющим и культурным центром Эллады. Она стала местом духовного общения лучших умов Греции. Второго такого праздника античность не знала.

Еще в самые давние времена были возведены в Альтиде храмы богов — малые и большие. Самым древним из них был храм Геры — матери небожителей. Самым грандиозным и прекрасным было святилище Зевса, построенное архитектором Либоном в V столетии до н. э. Тут находилось и одно из семи чудес света — грандиозная и прекрасная статуя владыки Олимпа, которую знаменитый древнегреческий скульптор Фидий создал из золота и слоновой кости (пластинки этих драгоценных материалов искусно закреплялись на специальном каркасе).

На восточном фронте храма была изображена битва кентавров с лапифами, которая символизировала победу тренированных и умелых греков над варварами-пелопоннесцами. На троне статуи Зевса Фидий воспроизвел немало сюжетов эллинской мифологии. В то же время здесь были изображены и вполне реальные люди, в частности любимец скульптора мальчик Пантарк, ставший на 8-х олимпийских играх победителем в борьбе среди самых младших мальчиков.

Западный фронто́н храма Зевса был украшен скульптурной группой на уже знакомый вам сюжет: единоборство Эномая с Пелопсом. Эллинские историки и мифографы считали, что Эномай состязался с женихами Гиподамии на 120-километровой дистанции, стартуя в олимпийской долине с берегов Кладея. А финишировавшие участники этих трагических скачек должны были уж

на Боринфском перешейке, возле старинного храма
Посейдона.

Подробно изучив произведения писателей и истори-
ков древности, равно как и отчеты археологических экс-
педиций XIX и XX столетий, мы можем представить
себе почти все, что находилось и что происходило в те
далекие времена на живописной территории Альтиды.

Как же выглядели спортивные сооружения древ-
ности? Сама Альтида, в пределах которой располагались
преимущественно храмы и алтари, протянулась с вос-
хода на запад и имела форму неправильного прямо-
угольника, приблизительно 200×175 м. В ее окрест-
ностях был расположен огромный, обрамленный
колоннадой Олимпийский гимнасий. Рядом с двором-
палестрой находилось здание палестры. Тут можно
было и тренироваться, и состязаться. Центр Олимпий-
ского гимнасия был занят квадратной площадкой
(120×120 м) для тренировок, «гостиницами» для элла-
дцев, служебными помещениями. Другой гимна-
сий — Леонидаион, названный так в честь его основа-
теля Леонида из Наксоса, имел площадь 80×74 м, то
есть был почти квадратным. В долине на берегу Кладая
был сооружен бассейн для плавания длиной 62 м и ши-
риной 16 м. Даже по современным понятиям вполне
удачное сооружение. Правда, назначение этого бассей-
на было скорее гигиеническое, нежели спортивное.

Гимнасии и палестра, строго говоря, были обшир-
ными дворами с мягким, песочным грунтом (песок
обычно привозили с морского побережья, иногда
даже из Африки или с бескрайних пляжей Апеннин-
ского полуострова). Гимнасий окружал портик (частич-
но крытая галерея). Тут проводились тренировки по
борьбе, кулачному бою, бегу, копьёметанию, прыжкам
и т. д. На территории палестры находились классные
помещения, помещения для отдыха, для хранения одежды
и даже бани. Особо стоит сказать о комнатах,
где атлеты натирались песком и маслом. Эта процедура
связана с обязательными элементами массажа: кожа
становилась эластичной и упругой, улучшалось кровообра-
щение, повышался общий тонус спортсмена.

Главной частью Олимпийского гимнасия был портик
длиной 219,5 и шириной 11,3 м. Именно тут была отме-
чена дорожка, точно соответствующая главной олимпий-
ской дистанции. Благодаря крыше и колоннаде бегуны

имели возможность тренироваться при любой погоде в любое время года. Таким образом, даже с современной точки зрения, возможности и условия для всесторонней подготовки легкоатлетов тут были вполне благоприятные...

Но вот наконец наступает радостный, долгожданный и торжественный час! В точно назначенное время после совершения многочисленных жертвоприношений богам элланодики (дословно «эллинские судьи») выходят из Альтиды. Они ведут атлетов потайным туннелем (он назывался «крипта») к олимпийскому стадиону, расположенному за восточной стеной Альтиды. Пройдя 32-метровый путь, вся процессия неожиданно появляется на стадионе. В пурпурной одежде и с венками на головах элланодики молча занимают места в специальном возвышении: теперь вся власть в священной Олимпийской долине принадлежит лишь им!

Сначала античная судейская коллегия состояла всего из двух человек. Но уже на 95-х олимпийских играх (они состоялись в 400 году до н. э.) элланодиков было девять. На 103-х играх (368 год до н. э.) судейская коллегия состояла уже из двенадцати человек. Это наглядно отражает рост олимпийских масштабов!

Элланодики следили за ходом состязаний, за соблюдением олимпийских правил и даже за режимом и питанием атлетов: тренеры в Олимпии устранились от исполнения своих обязанностей и их функции выполняли элланодики.

Четырежды звучит труба, и глашатай — самый громкий голос Эллады — извещает о начале состязания. Участники, став молчаливым полукругом, слушают главного элланодика, который призывает их к честной и дружелюбной борьбе...

Законы Ликурга — Ифита, как уже говорилось, и исчерпывались установлением священного перемирия. Существовал еще и олимпийский устав, правил и параграфов в котором было, пожалуй, не меньше, чем в уставах состязаний в период расцвета олимпиад.

Вот атлеты один за другим проходят по стадиону. Глашатай громко объявляет имя и родину каждого. Трижды спрашивает, обращаясь к зрителям и судьям: «Все ли вы, счастливые гости Олимпии, согласны с тем, что этот атлет является свободным и достойным гражданином?»

Только в том, что ни рабы, ни варвары (так эллины называли всех негреков) к олимпийским играм не допускались. Правда, некоторые исключения известны. Но только позже, в период заката олимпиад.

Все участники должны были записаться у судей задолго до открытия состязаний и провести в неустанных тренировках не менее десяти месяцев. Лишь победители предыдущих игр могли обойти это условие. Последним же делом им полагалось упражняться непосредственно в гимназии на глазах у требовательных элладцев. Лишь они могли окончательно решить, готов ли участник к всеэллинским играм.

Везде прочим, и в этих на первый взгляд справедливых и безобидных правилах ярко проявлялась историческая классовость античных состязаний: мог ли крестьянин или ремесленник прерывать свою работу в поле или в мастерской для многочасовых спортивных тренировок? Даже рабы были не рабами, а свободными эллинами.

Участников не могли быть внесены святохраненные законы, злостные неплательщики налогов и те, кто осужден под судом. Кроме того, как вы помните, не могли участвовать атлеты тех государств, которые вели войну с какой-либо другой страной или

намеревались убивать соперника с умыслом или по неосторожности. Виновный в этом лишался награды и подвергался крупному штрафу. В особо тяжелых случаях он мог быть казнен.

Участники к играм не допускали.

Подкупить судей публично считалось позорным.

Намеренно толкать противника, прибегать к нечестным приемам.

Вызывался тот, кто хотел запугать или обидеть соперника.

Было попытка публично опротестовать решение судей. Недовольный решением элладцев имел право обратиться к олимпийскому совету и потребовать отмены необъективных судей. Но, многократно упоминалось в уставе, лишь на свой страх и риск. И это предупреждение было тем более значительным, что на стадионе все время находились жрецы (жрицы), следящие за строгим соблю-

денем всех правил), в распоряжении которых были отряды «палочников». Провинившихся наказывали в месте энергично и весьма оперативно. Древние греки не любили бюрократии.

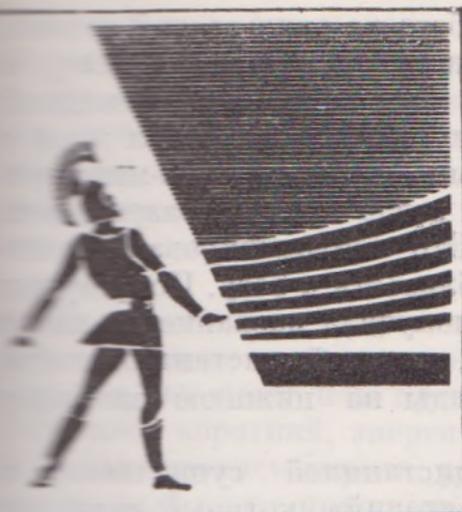
* * *

Элидский математик и философ Гиппий в 420 году до н. э. первым начал вести олимпийский календарь хронологию, взяв за отправную точку 776 год до н. э. Составил списки победителей за предшествующие три половины столетия. Разумеется, настолько точно, насколько это было возможно. Столетием позднее эти списки старательно перепроверил, упорядочил и продолжил Аристотель, один из самых не только великих, но и добросовестных ученых античности.

Популярность этих состязаний была столь велика, что в конце IV века до н. э. историк Тимэй ввел летосчисление по олимпиадам. И с тех пор ученые и писатели, рассказывая о каком-нибудь примечательном событии, писали, например, так: «Фокейцы захватили Дельфы в четвертый год 105-й олимпиады, когда Прокс из Кирены победил в беге».

Или другой пример: «Фокейская война закончилась в первый год 108-й олимпиады, когда в беге победил Поликл из Фив». Записей подобного рода можно привести очень много.

ЕСЛИ БЫ ЭЛЛИН ПРИШЕЛ В ЛУЖНИКИ

Праздничный олимпийский период греки называли «перио́дия» (священномесечье), хотя длился он всего несколько дней. А в самой глубокой древности один день.

В это время перомени откладывались все дела. За исключением тех, что непосредственно касались праздника его организации и неукоснительного соблюдения мельчайших деталей торжества. Ничто не должно нарушать приподнятое настроение эллинов. Дети ждали от школьных и домашних занятий, а рабы — от своих нелегких трудов.

Сначала программа античных игр была более чем скромной: на первых тринадцати олимпиадах древние греки соревновались только в простом беге — ведь хорошими бегунами должны были быть и воины, и охотники, и пастухи, и, наконец, просто «настоящие мужчины»!

Дистанция (стадий), как ни странно, в разные времена и в разных городах была неодинаковой. Объясняется это на первый взгляд загадочное явление тем, что по давней традиции стадий должен был соответствовать шестистам ступням жреца Зевса. А поскольку у разных жрецов ноги, естественно, были неодинаковые, то и стадий соответственно колебался от 175 до 192,27 м!

Самый большой стадий был именно в Олимпии. По преданию, его отмерял сам Геракл! Кстати, именно отсюда и ведет свое начало наше слово «стадион».

История возникновения бега на один стадий связана с очень древним обрядом жертвоприношения Зевсу, в честь которого в Альтиде был сооружен громадный алтарь. Именно тут в день состязаний стоял жрец с факелом. Тому, кто первым пробегал 192-метровую дорожку, заканчивавшуюся возле алтаря, разрешалось зажечь священный огонь. Это символизировало счастливую и многообещающую близость к богу. Поэтому все четырехлетняя олимпиада получала название по имени бегуна-победителя. Правда, позднее дистанция-стадий была перенесена из Альтиды на нижнюю площадку стадиона.

Параллельно с этой дистанцией существовал в древности еще и «большой стадий», который равнялся примерно 950 м. Так измерялись расстояния на ипподроме и в исключительных случаях стайерские дистанции.

* * *

Античные бегуны, как и в наше время, распределялись по забегам. Победители выходили в «четвертьфинал», «полуфинал» и, наконец, в «финал». Стартовали они со специальных мраморных плит, в продольные углубления которых упирались пальцами ног. В те времена существовал лишь высокий старт. Интервал между спортсменами, как и на современных соревнованиях, равнялся 1,25 м.

О скорости античных спринтеров судить очень трудно, ибо водяные часы — хронометры той эпохи отмеряли время весьма приблизительно. Разумеется, не могло быть и речи о десятых и тем более сотых долях секунды. Важно было прийти к финишу первым, а не показать какой-то определенный результат. Тем более зрители, еще с ночи занимавшие места на естественных трибунах — склонах окрестных холмов, жаждали победы своего фаворита. С любым результатом, но будь первым!

С 14-й олимпиады (724 год до н. э.) в программу включается диаулос (двойной бег): атлеты пробегали стадий и, обогнув столбик, возвращались на старт и повторяли пробег. С 720 года до н. э. все участники состязались обнаженными. По преданию, в тот год юноша Орсипп, пришедший к финишу первым, потерял в пылу

создания свою набедренную повязку. С тех пор атлеты стали выступать без одежды.

На состязаниях эллинов бегу всегда принадлежала ведущая роль. Этот столь популярный (и сейчас, кстати) вид легкой атлетики способствует формированию широкого и совершенного тела, ибо он укрепляет не только мышцы, но и внутренние органы: сердце и легкие.

На эллипских амфорах и других керамических сосудах мы видим многочисленные изображения бегунов. Эти рисунки дают нам представление о том, как отрабатывался короткий, энергичный шаг, при котором высоко поднимались колени, равно как и широкий, прыжкообразный шаг с ярко выраженной стадней полета.

До сих пор трудно ответить на вопрос, почему на олимпийском стадионе одновременно стартовали только четыре бегуна: ведь на дорожке места хватило бы и на двадцати. Быть может, это объясняется малым числом эллианодиков.

Еще одним видом состязаний эллинов был долихос (длинный бег). Чаще всего его дистанция равнялась 24 стадиям, что примерно соответствовало 4600 м. Во всех видах состязаний существовали три возрастные группы: мальчики, безбородые и мужи. Павсаний описал статую Дамиска из Мессеня, который одержал в Олимпии победу в двенадцатилетнем возрасте. Случайно, что мальчики бегали быстрее безбородых и даже мужей.

В пору расцвета эллинской агонистики (VII—V века до н. э.) отличительной чертой атлетов являлась разнонаправленность. Узкая «специализация» не была свойственной универсальным, гармонично развитым грекам. Примеров тому много.

Полит из Карии великолепно сочетал в себе спринтерские и стайерские качества. От длинного бега он, слегка отдохнув, сразу же переходил к состязаниям на своей короткой дистанции, требовавшей, как известно, максимальной быстроты. Победив в обоих видах, он в тот же день прибавил к этим двум и третью победу: в двойном беге.

Таким же непобедимым универсалом показал себя Леонид с острова Родос. Он не знал себе равных на протяжении четырех олимпиад, одержав на них двенадцать побед в беге.

Очень хотелось бы знать: как быстро бегали греки? Смогли бы лучшие спринтеры и стайеры древних состязаться с бегунами современности?

Что ж, если пока мы не имеем данных для сравнения результатов на коротких дистанциях, то в длинном беге некоторые достижения нам известны.

Прекрасный знаток античного быта Ф. Ф. Велеский подсчитал, что 12 «больших стадиев» древнегреческие атлеты пробегали в среднем за 36 мин., 20 стадиев — за 1 час и 24 — за 1 час. 12 мин. Для сравнения нам удобнее всего взять второй результат, ибо до него времени и у нас существовал «часовой бег».

Лучший бегун 22-й олимпиады Тисандр из Ксапи пробегал за час ровно 20 больших стадиев, приблизительно 19 200 м. В свое время, чтобы выполнить норму мастера спорта СССР, надо было пробежать за час 18 600 м. Таким образом, Тисандр вполне мог бы претендовать на это почетное звание. Однако окончательный мировой рекорд в часовом беге был равен 20 673 м.

Начиная с 65-й олимпиады к общему комплексу прибавляется «гоплитон дромос» — бег вооруженных воинов. Участники должны были пробежать от 1 до 4 стадиев в шлеме, в поножах и со щитом. Впоследствии нагрузка ограничивалась только щитом.

В наши дни самой трудной и почетной считается победа на марафонской дистанции. Далеко не всякий легкоатлет может просто пробежать 42 км 195 м, не говоря уже о высоких результатах. Хотя в программе древних игр марафонской дистанции не было, но историю свою и название этот вид состязаний ведет из Греции. А впервые ввел марафон в программу олимпийских игр современности их основатель Пьер де Кубертен в память о выдающейся победе афинян и неслыханном военно-спортивном подвиге одного из них.

В 490 году до н. э. на Марафонской равнине афиняне и их союзники отстаивали свободу Греции. Персидское войско своей численностью превосходило эллинское во много раз. Но греки сражались за свою независимость. И они победили!

Исход этой битвы решили многие факторы: и стратегический талант афинского полководца Мильтиада, безграничная самоотверженность эллинских воинов, физическая их закалка и выдержка. Последние сотни метров гоплиты (тяжеловооруженные воины) не шли

и вкляты бежали навстречу персидским шеренгам, не давая персам засыпать себя стрелами. Смяв вражеские ряды, закаленные, атлетически сложенные эллины вытеснили противника перед собой, не давая ему опомниться и перестроить боевые ряды...

Радостную весть о победе понес в Афины быстроногий Фидиппид — лучший бегун из войска Мильтиада. Обессиленный, но безмерно гордый и счастливый, он вбежал на городскую площадь, выдохнул: «Радуйтесь, афины, мы победили!» — и упал замертво. Сердце гонца не выдержало. А пробежал он примерно 40 км. Но в 1908 году (на Играх IV Олимпиады) по просьбе королевской четы Британии старт и финиш марафона были перенесены к ступеням Виндзорского дворца. С тех пор эта дистанция стала равна 42 км 195 м.

Почему же опытный, по свидетельству многих древних авторов, атлет умер, пробежав расстояние, доступное теперь многим бегунам?

Вы поймете это, когда узнаете, что накануне битвы Фидиппид «сбегал» через горный перевал из Афин в Спарту, чтобы заручиться помощью союзников. Но бежал он напрасно: решив выждать, на чьей стороне окажутся боги и военное счастье, спартанские эфоры занялись на неотложные религиозные дела и сдержанные пообещали прислать помощь лишь... через десять дней.

Преодолев за два дня почти двести километров, да еще по крутым горным тропинкам, посланец вернулся и даже не отдохнув, бросился в бой с персами, сражаясь плечом к плечу с соотечественниками. Возможно, Фидиппид был даже ранен. Последний пробег стал для него столь же триумфальным, сколь и роковым...

Но это, как говорится, светлая печаль! Ведь подвиг сверхвыносливого эллина увековечен и в истории, и в современном спорте: пройденная им дистанция теперь называется марафонской.

Все описанные события исторически достоверны. Однако и тут, на фоне вполне реальных событий, родился миф. Когда Фидиппид бежал горными рощами, навстречу ему, повествует легенда, вышел лесной бог Пан и пообещал афинянам свою помощь. Он сказал быстроногому воину, что накануне битвы вселит страх в сердца персов. Так родилось слово «паника».

Как быстро бежал Фидиппид, мы, конечно, не знаем.

Да сейчас это и не важно. Главное, он успел своевременно!

Ныне мировой рекорд на самой длинной дистанции принадлежит австралийцу Д. Клейтону и равен 2 час 08 мин. 33,6 сек. Европейский рекорд установлен англичанином И. Томпсоном — 2 час. 09 мин. 12,2 сек. А рекордсменом СССР является мичапин В. Бугров — 2 час 11 мин. 32 сек. Впрочем, до Московской олимпиады (а возможно, и до выхода в свет этой книги) эти результаты, несомненно, будут превзойдены.

Остается добавить, что теперь в марафонских пробегах участвуют не только мужчины, но и женщины. Так, в знаменитом «Нью-йоркском марафоне», который проводится с 1969 года, новый мировой рекорд с результатом 2 час. 32 мин. 29,8 сек. в 1978 году установила 25-летняя норвежка Г. Вайтц. Знаменательно и то, что в этих сверхмассовых состязаниях, как писали газеты, «несколько тысяч представителей сильного пола, в том числе более молодых, чем она, завершили дистанцию после Вайтц».

Что же касается пятилетнего (да, это не опечатка!) американца Бакки Кокса, то для своего возраста он показал феноменальный результат — 5 час. 25 мин. Однако если эмансипация в спорте — явление, несомненно, прогрессивное, то участие детей в сверхдальних забегах едва ли заслуживает такого же одобрения.

* * *

Разумеется, древние греки состязались не только в беге. Агонстическая программа олимпийского праздника неуклонно расширялась: возникали все новые виды соревнований.

Немного забегаая вперед, посмотрим, как от олимпиады к олимпиаде общегреческие состязания становились все разнообразнее. Вот сроки рождения новых видов:

- 14-я олимпиада (724 г. до н. э.) — двойной бег
- 15-я олимпиада (720 г. до н. э.) — длинный бег
- 18-я олимпиада (708 г. до н. э.) — легкоатлетическое ПЯТЬ
борьбе и борьба
- 23-я олимпиада (688 г. до н. э.) — кулачный бой
- 25-я олимпиада (608 г. до н. э.) — состязание колесниц
- 33-я олимпиада (648 г. до н. э.) — панкратий и скачки

- 74-я олимпиада (632 г. до н. э.) — борьба и бег для мальчиков
- 75-я олимпиада (628 г. до н. э.) — пятиборье для мальчиков
- 76-я олимпиада (616 г. до н. э.) — кулачный бой для мальчиков
- 77-я олимпиада (520 г. до н. э.) — бег с оружием
- 78-я олимпиада (500 г. до н. э.) — состязание колесниц, запряженных мулами
- 79-я олимпиада (496 г. до н. э.) — скачки на кобылах
- 80-я олимпиада (444 г. до н. э.) — отмена состязаний на мулах и кобылах
- 81-я олимпиада (408 г. до н. э.) — гонки на пароконных колесницах
- 82-я олимпиада (384 г. до н. э.) — гонки на четверке жеребят
- 83-я олимпиада (268 г. до н. э.) — скачки верхом на жеребятах
- 84-я олимпиада (256 г. до н. э.) — гонки на колеснице, запряженной парой жеребят
- 85-я олимпиада (200 г. до н. э.) — панкратий для мальчиков

В античное пятиборье входили простой бег, прыжки в длину, метание диска, метание копья и борьба. Чтобы стать победителем, иногда достаточно было выступить в первых трех видах из пяти.

Бег и метания сами по себе не давали права на пифийский венок, а учитывались лишь как элементы подготовки. Сократ называл универсальных пятиборцев «идеальными» из людей. Среди огромного разнообразия античной литературы эллинов обращает на себя внимание такая физическая закалка, бесчисленных агоний и спортивной доблести. Гомер, Архилох, Симонид, Пиндар, Геродот, Ксенофонт, Софокл, Еврипид, Лукриций, Лукриан и многие другие знаменитые поэты подробно и увлеченно описывали эту сторону античного быта. Ведь физическое воспитание и спорт — понятия неразрывные.

Несмотря на это, сегодня в античной агонии мало кто далеко не все. Одной из самых больших проблем уже было сказано, является, пожалуй, прыжки в длину.

Прыжки в длину, обязательны ли? Судите сами: в 500 году до н. э. на 74-й олимпиаде Фаилл из Кротона прыгнул на пифийский стоп, что равняется... 16 м 31 см (!).

Самый спартанский бегун Эхион еще за полтора столетия до Фаилла опустился на отметке 16 м 66 см! Конечно, это не слишком интересуется легкой атлетикой, так что этот результат почти вдвое превышает мировой рекорд. Но возможно ли

Известный венгерский историк, знаток античного спорта Ф. Мезе считает, что «вероятно, складывали результаты трех прыжков, и сумму их объявляли как окончательный итог»¹. Другие ученые полагают, что эти фантастические цифры — результат тройного прыжка.

А. Б. Ривкин вообще подвергает сомнению рекорды древних прыгунов. Он пишет: «...впервые об удивительном прыжке Фаилла в древней литературе говорится со II века н. э., тогда как сам Фаилл жил за 600 лет до этого, в V веке до н. э. Во II веке н. э. любили занимательные и даже неправдоподобные рассказы о знаменитых атлетах прошлого. О них сочиняли легенды, одной из таких легенд и была история с необыкновенным прыжком Фаилла»².

Заметим сразу, что «занимательные и даже неправдоподобные рассказы» любили не только во II веке н. э. Их, между прочим, любят и сейчас.

Действительно, упоминание о прыжке Фаилла мы пока нашли только в источниках II века н. э. Но это все не значит, что о рекорде феноменального атлета не упоминалось раньше: очень много литературно-исторических материалов или еще не найдено, или утрачено, увы, навсегда...

Итак, античные авторы называют имена двух прыгунов, преодолевших шестнадцатиметровый рубеж. Против их утверждений выступают здравый смысл и объективная оценка человеческих возможностей.

А пока что давайте разберемся, как и в каких условиях тренировались и состязались античные прыгуны.

Как ни странно покажется это на первый взгляд, на эллинских стадионах пятиборцы прыгали с места, а не с разбега. Они стартовали с невысокого каменного возвышения, так называемого батэра. Местом для прыжков служила скамья — заполненная морским песком яма длиной 15,25 м. Состязались обязательно под звуком флейты. Но главное заключалось вот в чем.

Эллинские прыгуны взлетали в воздух, держа в руках своеобразные металлические или каменные гантели. Вот как их описывает Павсаний: «Эти гантели имеют

---

¹ Ф. Мезе. Шестьдесят лет олимпийских игр. М., Физкультура, 1959, с. 16.

² Б. Ривкин. В долине Алфея. М., «Искусство», 1969, с. 42.

такой вид: посередине они представляют несколько удлиненный, не совсем правильный круг-диск; он сделан так, что через него можно пропустить пальцы рук таким же образом, как через ручку щита» (V, XXVI, 3).

Впрочем, прыжковые гантели бывали различной формы. Об этом свидетельствуют и рисунки на вазах, и сохранившиеся до наших дней образцы. Вес их тоже колебался — от 1,48 до 4,629 кг.

В момент толчка и взлета прыгун выбрасывал руки с гантелями вперед. Затем гантели отводились резко назад. В полете совершались, вероятно, волнообразные движения всем телом и гантели еще раз перемещались вперед и снова за спину. Приземляясь, спортсмен скорее всего отбрасывал гантели назад. Ясно, что тут использовалась дополнительная инерция, создаваемая весом гири и маховыми движениями.

Тем не менее, когда в конце тридцатых годов ленинградские легкоатлеты попробовали прыгать с гантелями в руках, у них ничего не получилось: результаты были гораздо ниже обычных. Но почему бы не предположить, что греки владели какими-то техническими секретами, не известными нам сегодня? Ведь, например, шест, который помогает хорошему спортсмену подняться над пятиметровой планкой, неумелому прыгуну будет лишь помехой. Быть может, так и в данном случае.

Тем более что имя Фаилла упоминается многими греческими писателями. И при самых различных обстоятельствах. Вот что пишет о нем Павсаний: «...он два раза был победителем в пятиборье, а третий раз одержал победу в беге. Я укажу, что ему есть статуя в Дельфах. Он, между прочим, сражался с мидянами на своем собственном корабле, куда посадил всех кротонцев¹, которые жили в Элладе» (X, XX, 1)².

Упоминает об атлете и вонне Фаилле в своей «Истории» и Геродот. А о его замечательном прыжке рассказывает Феофраст: «Сей муж пролетел над скамьей от начала до конца и, опустившись на твердую, каменную землю, сломал левую ногу».

---

¹ Кротон — эллинская колония на побережье Южной Италии.

² Павсаний. Описание Эллады. Т. 2. М., «Искусство», 1948. (В дальнейшем все цитаты приводятся по данному изданию.)

Не слишком ли много свидетельств и реалистических подробностей для мифа? Будем надеяться, что тайна древнегреческого прыжка все же дождетя разгадки.

* * *

Следующим видом пятиборья было метание диска. Когда-то этот снаряд применяли при осаде городов. На деревянных, керамических, металлических или каменных дисках осаждавшие писали предложения о капитуляции и через крепостную стену забрасывали снаряд в город. Но со временем диск с поля боя перешел на стадионы и прочно обосновался там.

Эллины метали этот снаряд и вдаль, и в высоту. В последнем случае выигрывал тот, чей диск падал на землю последним.

Что же касается бросков вдаль, то, по свидетельству римского поэта Публия Паппиния Стация, легендарный Фаилл метнул однажды диск на 18,3 м. Вы наверняка скажете: жалкий результат, ниже современного третьего разряда!

Но не спешите с выводами. Древнегреческие диски весили, если судить по сохранившимся в музеях экземплярам, не 2 (как современные), а 3, 3,5, 4,5 и даже 5,7 кг.

Метали диск с небольшого возвышения, но без поворота корпуса и размашистого рывка. Снаряд клали на ладонь и предплечье и, отклоняясь вправо и назад, делали несколько маховых движений, левой рукой слегка придерживая диск. Маятникообразные движения руки и всего тела сообщали снаряду достаточную инерционную скорость.

Момент, предшествующий броску, запечатлел великий древнегреческий скульптор Мирон (V век до н. э.). Его «Дискобол» известен теперь во всем мире.

По словам Публия Паппиния Стация, пятиборец Флегий перебросил диск через Алфей, то есть совершил бросок примерно на 50—60 м. Если бы даже его диск не превышал по весу нынешние, то и тогда результат Флегия — достижение международного класса. А если он перебросил через Алфей снаряд весом 3 или 5,7 кг?!

У нас есть все основания предположить, что если бы древнегреческие дискоболы вдруг смогли бы сегодня выйти на Большую спортивную арену в Лужниках, то,

вероятней всего, они не слишком бы отстали от современных спортсменов...

Изготавливали диски из камня, бронзы, железа, олова (с примесями) и даже из дерева. Поверхность диска обычно натиралась песком, чтобы она стала более шероховатой: так удобней было удерживать снаряд. Диаметр дисков колебался от 13 до 33 см, а их толщина в среднем была 14 мм. В перерывах между состязаниями и соревнованиями «спортивные тарелки» хранились в храмах богов в специальных сумках.

Несмотря на осторожность атлетов, при метании диска несчастные случаи не были явлением исключительным. Одним из самых распространенных сюжетов эллинской мифологии было описание смерти от неосторожно пущенного диска.

Аполлон, развлекаясь метанием диска со своим любимцем Гпацинтом, сыном царя Спарты, неудачно метнул снаряд. Диск, рикошетом отскочив от земли, порастил Гпацинта. Дискобол-небожитель, горько оплакивая погибшего юношу, превратил его в цветок. Диск, несущий смерть, упоминается и в других мифах. Так, герой Персей — победитель страшной медузы Горгоны случайно убивает диском своего деда Акрисия.

С этим видом античной агонистики связан и довольно интересный вариант одного из наиболее общезвестных эллинских мифов. Согласно ему, Сизиф бесконечно катывал на гору не угловатый и неуклюжий камень, а громадный диск.

* * *

Копье родилось на охоте и на войне. Тяжелые пятиметровые копья из ясеня и ели упоминаются еще в поэмах Гомера. Брошенный могучей рукой, такой остроумный снаряд легко пронзал человека, пробивая даже металлический панцирь, не говоря уж о льняных доспехах, столь распространенных в Элладе I тысячелетия до н. э.

Охотничьи копья, конечно, были и короче, и легче. Именно от них ведет начало спортивное копье.

Мы знаем, что в эллинской агонистике существовало метание копья в цель. Обычно это был щит. Кроме того, греки, как и современные спортсмены, состязались в бросках на дальность.

К середине древка прикреплялся кожаный эластичный ремешок длиной до полуметра. Перед броском его плотно обматывали вокруг копья, а указательный и средний пальцы вдевали в петлю, которой заканчивался ремешок. Таким образом, в момент броска копье начинало вращаться, что увеличивало дальность полета.

Судя по рисункам на древних амфорах, метали копье с разбега, не переступая стартовой линии. Выступали спортсмены, как правило, под аккомпанемент флейты.

Несмотря на то что копье, которое метали на античных стадионах, было сравнительно коротким и легким, как дротик, судей, участников и зрителей и тут подстерегали неожиданности. Греческий писатель Плутарх рассказал, как один из пятиборцев неудачно брошенным дротиком убил Эпитима из Фарсала.

* * *

Завершающим видом пятиборья была борьба. Борлись в палестре на площадках, специально для этого подготовленных: внизу мягкая, разрыхленная земля, а сверху слой песка. Перед тренировками и состязаниями борцы натирались оливковым маслом и насыпали себе песком. Тело при этом становилось эластичным и упругим, а осуществить захват было значительно труднее, чем в обычных условиях.

В этом древнейшем виде агонистики не было разделения на весовые категории. Существовали только три уже упомянутые возрастные группы.

Пары определялись по жребию. Перед началом агонистики участники вынимали из серебряной чаши или глиняной амфоры бронзовые жетоны, на которые были нанесены буквы греческого алфавита. Каждой букве соответствовали два жетона.

Атлеты, вытянувшие жетоны с одинаковой буквой, должны были встретиться друг с другом. Если состязавшихся было нечетное число, то оставшийся «лишний» (он назывался «эфедр») оказывался в очень выгодном положении: победители из каждой пары последовательно боролись друг с другом, а эфедр — лишь с последним, сильнейшим, то есть он сразу выходил в финал.

Естественно, что сохранивший силы, свежий эфедр имел очень много шансов на успех, и потому его жребий всегда считался завидным. Впрочем, победа, достиг-

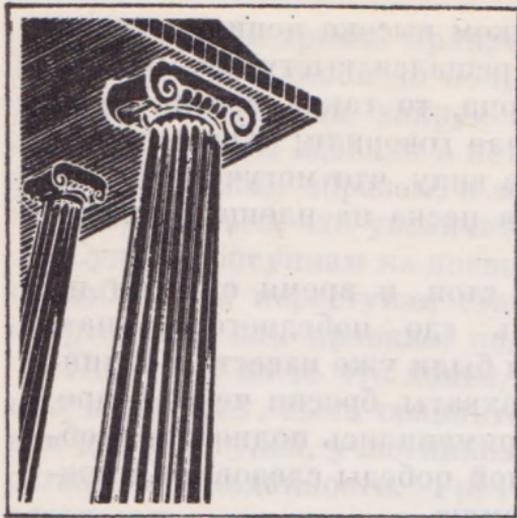
таким путем, не слишком высоко ценилась древняя борьба. А вот если никто не решался выступить против знаменитого борца, то такая победа была почтена. В этом случае говорили: «Он победил, не вылившись». Имелось в виду, что могучему борцу не пришлось коснуться песка на площадке палеолитической.

Борлись атлеты только стоя, и время схватки не ограничивалось: состязались «до победного конца». Многие современные приемы были уже известны эллинским борцам — различные захваты, броски через бедро, перекидывание себя и т. д. Широко применялись подножки и обхватывающие движения. Для полной победы следовало трижды бросить противника на землю.

В последние годы антиковеды, археологи и историки постепенно опровергают легенду о «свободных правилах и вседозволенности», которые якобы отличали древнегреческую борьбу. Нет, за недозволенные, особенно болезненные и опасные, приемы элланодики сурово наказывали виновных и запрещали им продолжать борьбу даже в случае близкой и несомненной победы.

Правда, порой общепринятые правила эллинской борьбы нарушались. В своем «Описании Эллады» Павсаний рассказал о патологически жестоком борце Сострате из Сикпона, по прозвищу Акрохерсит. По-древнегречески «акрай хейрон» значило «края рук». Чтобы выиграть встречу, грубый атлет шел на самые крайние меры и даже ломал пальцы соперникам. К таким же варварским методам прибегал и Леонтиск из Сицилии.

Как видите, строгие правила, которым через Тесея научила греческих борцов богиня Афина, иногда нарушались. Но любви и уважения зрителей подобные атлеты списать не могли. Тонкие знатоки всех видов и форм агонистики, эллины восхищались борцами, которые брали верх не грубой силой, а виртуозной, отточенной техникой. Именно благодаря прекрасному владению приемами борьбы прославился победитель игр в Олимпии Аристодем из Элиды. Он также дважды был первым в Немее и дважды на Истме, хотя не отличался выдающимся телосложением. Так же искусен был Кратин из Аргоса. В Олимпии была поставлена статуя не только ему, но и его тренеру.

БЕССЛАВЬЕ КУЛЬТА
КУЛАКА

На античных стадионах, которые, кстати сказать, существовали не только в священной округе Олимпа, во время состязаний страсти накалялись до предела. Страсти кипели! И ради победы обильные жертвы богам-покровителям приносили и сами атлеты, и верные их приверженцы.

Искренне и бурно переживали зрители успех или поражение своих соотечественников, своих сограждан, друзей, родных, знакомых и незнакомых, просто хороших состязателей! Иной раз реакция болельщиков была настолько острой и великолепной, что это подсказывало древним писателям явно гиперболические, если не сказать больше, сюжеты и детали.

Они, например, сообщали, что однажды от мощного единодушного вопля торжествующих болельщиков в поле стадиона с поднебесной выси замертво попали птицы. Взрывоподобный крик ликующей толпы проорвал плотный слой воздуха и тем самым лишил первобытную привычную опоры...

Атлетические поединки живо интересовали не только зрителей и летописцев, но и, естественно, поэтов, которые славляли победителей и осуждали неумелых и трусливых атлетов.

Да, во все времена поэты живо и остро откликались на те явления, которые волновали, смешили или огорчали их современников.

Греческий сатирик I века до н. э. Лукиллиий составил цикл эпиграмм, посвященных плохим атлетам и ограниченному кулачному бойцам. Вот одна из них:

Как и у всех, государь, у Олимпика этого были
Уши, была борода, брови, и веки, и нос,
Ео. подвизаясь в кулачных боях, он утратил все это,
Да и в отцовском добре части лишился своей,
Так как, увидев портрет его прежний, предъявленный
братом,
Судьи решили, что он — вовсе другое лицо¹.

Грустный сарказм этой эпиграммы имел под собой,
вполне реальную почву. Один из самых мужест-
венных и трудных видов состязаний — кулачный бой —
всегда велся эллинами весьма жестоко.

А вот еще одна эпиграмма того же Лукиллия:

Аэл. кулачный боец, посвящает Зевесу свой череп,
Бережно все до одной косточки вместе собрав.
Баль из Немеи вернется живым, посвятит
Громовержцу
Крайные все позвонки (те, что остались пока)².

На олимпийские игры кулачный бой пришел лишь
в 688 году до н. э., но вообще состязания эти на терри-
тории Греции широко бытовали уже с начала II тысяче-
летия до н. э. Покровителем кулачных бойцов считался
Зевс, который даже носил прозвище Пюктэс (кулач-
ный боец).

Основные правила кулачного боя разработал и учредил
Ономаст из Смирны — первый олимпийский победи-
тель в этом виде агонистики.

Тут, как и в борьбе, не существовало разделения по
разным категориям, и преимущества массивных тяже-
лов были очевидны. Однако и техника ведения боя
никогда не утрачивала значения. И нередко великаны
падали от умелых ударов малорослых, но искусных
борцов.

Так, невысокий Гипподам из Элиды стал трехкрат-
ным победителем олимпийских игр, ни разу не испытав
поражения. А его земляк Гишиомах умудрился
победить троих соперников, не получив ни одного серь-
езного удара: его выручало умение виртуозно защи-
щаться.

Руки бойцов обматывались мягкими, эластичными
лентами из бычьей кожи, ими прикрывались все

¹ Греческая элиграмма. Пер. Л. Блуменау. М., ГИХЛ, 1960,

² Пер. автора.

пальцы, кроме большого. Затем ремень туго закручивали вокруг кисти. Это не только предохраняло пальцы рук от травм, но и увеличивало мощь удара. А поскольку бить разрешалось только в голову и лицо, то удивительно, что порой бойцы выступали в кожаных или даже металлических шлемах.

Опытные атлеты умело маневрировали по площадке, стараясь поставить противника лицом к солнцу и, ослепленному на мгновение, нанести ему сокрушительный удар.

Но больше всего, повторяем, любили греки тех, кто побеждал не хитростью и даже не силой, а искусством.

Велика была слава Меланкома, кулачного бойца из Карии, жившего в I веке н. э. Это был мастер защиты. Держа руки вытянутыми вперед, он умело удерживал противника на дистанции, не позволяя тому наносить удары.

Меланком так мог продержаться и час, и два, и три (время поединков не ограничивалось!), до тех пор пока его соперник не выбывался окончательно из строя. За все свои выступления не изувечив ни одного из многочисленных партнеров, он с чистой совестью и высоко поднятой головой покинул стадион непобежденным.

Такой же любовью зрителей и соперников пользовался и кулачный боец Апис. На его статуе было высечено такое двустишие Лукиллия:

Апис, кулачный боец, никого не поранил.

За это

Был от соперников он статуей этой почтен¹.

Многие, не нарушая правил, побеждали и в нападениях. В VI веке до н. э. на всю Элладу прославился Глос с острова Эвбея. Строгим соблюдением всех законов боя был известен и боец наступательного стиля Диас (о нем вы прочли в предыдущих главах), и его потомки. Но существовали атлеты, которые стремились просто изувечить противника: мастерства им не хватало. Несмотря на строгость элладотиков, бойцы порой забывали о всех правилах, и поединок завершался трагедией.

Вот что рассказывает Павсаний об одном таком печальном эпизоде. Речь идет о кулачном бойце из Эвбеи

¹ Греческая эпиграмма. Пер. Ю. Шульца. М., ГИХЛ, 1953, с. 221.

Кревега по имени Кревега: «На немейских играх аргосцы выкудили венюк победы уже мертвому Кревеге, потому что бившийся с ним спиракузянин Дамоксен нарушил их священный уговор. Уже наступал вечер, когда они приступили к кулачному бою; и вот оба при свидетелях договорились наносить друг другу удары поочередно. Кулачные бойцы в то время не носили еще на запястьях жестких ремней, но сражались в мягких оплетках, прикрывая их под выгибом руки так, чтобы пальцы оставались свободными. Эти мягкие ремни делались из тонкого волос сырой воловьей кожи и переплетались между собой по какому-то старинному способу. И вот в том случае, о котором я рассказываю, Кревега первый опустил свой кулак на голову Дамоксена; в свою очередь, Дамоксен приказал Кревеге приподнять руки, и, когда он это исполнил, Дамоксен ударил его вытянутыми пальцами под ребра; ввиду крепости ногтей и силы удара рука вошла внутрь, и Дамоксен, ухватившись за внутренности, оторвал их и вытащил наружу. Кревега тотчас же потерял дух, а аргивяне за то, что Дамоксен так явно нарушил договор, навсегда изгнали его за пределы государства. Кревеге, хотя и мертвому, они приписали победу и поставили ему в Аргосе статую, которая еще до моего времени стояла в храме Аполлона Ликейского» (VIII, II, 1).

Конечно, это исключительный случай проявления жестокости. И жестокости намеренной. Но сколько случаев на древних стадионах непреднамеренных жестокостей!

Уже в IV веке до н. э. начинается упадок античной атлетистики, и все чаще любители уступают место профессионалам. Упомянутые у Павсания мягкие ремни заменяются более жесткими, снабженными металлическими выступами и прокладками. Затем входят в обиход своеобразные перчатки, сплетенные из четырехгранных ремешков, скрепленных на суставах специальными металлическими кольцами.

Еще любителям древнего искусства и спорта известна бронзовая статуя кулачного бойца, созданная в V веке до н. э. афинским скульптором Аполлонием. Мастер изобразил атлета-профессионала, отдыхающего после тяжелого боя. Лицо его нельзя назвать одухотворенным. Сплюснутые уши, изуродованные губы и нос, заметные шрамы. Видно, что этот усталый человек

не привык падать, но и сам не попросит пощады показав указательный палец.

Обстановка и условия проведения кулачных боев постепенно изменяются. В самый ранний период, на заре агонистики, в Олимпии выступали преимущественно аристократы — атлеты, гордившиеся не только победами на стадионах, но и легендарной родословной. Среди них были и такие, которые не сомневались, что ведут от Геракла, Тесея, Аполлона или даже самого Зевса. Это были спортивные поединки свободных и благородных любителей агонистики. Именно любителей!

Но со временем, когда политическая конкуренция между древнегреческими полисами обострилась, занятия гимнастикой также приобретают своеобразную политическую окраску. Они становятся как бы обязанностью гражданина по отношению к своему городу-году дарству. Эллия отстаивал честь родины и на поле боя и на поле стадиона. И нередко от числа атлетов-победителей зависел авторитет данного полиса в эллинском мире.

Если же говорить об упадке олимпийских игр и всего античного спорта, то здесь существуют определенные хронологические рамки. Так, VI век до н. э. — это еще период процветания. Веками складывающиеся агонистические устои начинают колебаться лишь в V веке до н. э., а в середине IV века до н. э. упадок уже явственно ощущаем: он закономерно совпал с кризисом рабовладельческого общества.

Эллинистическая эпоха, начало которой положили своими триумфальными войнами Александр Македонский, принесла победителям такую желанную и почти бесплатную рабскую силу. Причем в неограниченном количестве! На первый взгляд это должно было бы способствовать всестороннему процветанию и колоний, особенно эллинских полисов. Но только на первый взгляд!

Почти в безвыходном положении оказались свободные ремесленники-греки, которым трудно было выдержать конкуренцию со стороны тысяч и тысяч рабов (преимущественно пленных, захваченных в военных походах): эллинским мастерам приходилось работать значительно интенсивней, чем раньше. У них почти не оставалось времени для гимнастических упражнений, не говоря уже о регулярных тренировках.

Дешевый рабский труд порождает разделение труда и такую специализацию ремесленников. В немалой степени коснулось это и античного спорта: могучие, но специализированные профессионалы, сменившие на стадионах привычно развитых любителей-универсалов, выступают преимущественно в каком-либо одном виде состязаний. И эта «феноменальная специализация» вызывала порой весьма отрицательные последствия...

Особенно неприглядный характер приобретают состязания во время македонского и римского господства. Греция утратила самостоятельность. И хотя снижение патристического и воспитательного значения игр ненадолго уменьшило интерес к ним со стороны зрителей, такие состязания никак не способствовали процветанию спорта в благородном, истинном значении этого слова.

Весьма характерный штрих подметил Б. Ривкин: «И том, как сильно изменяется внешний вид атлетов-профессионалов, говорят рисунки на вазах. Достаточно сравнить кулачных бойцов на амфоре Клеофрада (около 480 года до н. э.), тела которых развиты пропорционально и гармонично, с грубыми и грузными фигурами атлетов на панафинейской амфоре IV века до н. э.»¹. Да, ни профессионализм не приносил столько горьких плодов, как в тяжелоатлетических видах античной агонистики. Кулачные бойцы теряли человеческий облик не только внутренне, но и внешне. И понятна горькая ирония все того же Лукиллия, который обращался со словами упрека к атлету Стратофону и его партнерам:

Хоть Одиссей двадцать лет добирался к порогу
родному,
Зван немедленно был Аргосом — преданным псом,
Ты ж, Стратофон, за пять лет, что в кулачных
боях подвизался,
Так искажен, что себя в зеркале б сам не узнал².

Следует заметить, что кулачный бой уже в древности привлекал людей разумных имел гораздо меньше приверженцев, нежели другие виды античного спорта. Доказательство этому — кулачный боец Эпей, выведенный в «Илиаде» Гомера. Все герои и атлеты описаны «отцом поэзии» с явным сочувствием, а порой и с восхищением. И лишь Эпей не вызывает симпатий автора.

¹ Б. Ривкин. В долине Алфея. М., «Искусство», 1969, с. 53.
² Пер. автора.

Этот тип атлета — полная противоположность универсальным многоборцам — Одиссею, Нестору и Аякху. В совершенстве он владеет лишь сокрушительным кулачным ударом и весьма этим гордится.

Уже в самом начале состязаний Эпей показавшийся неудержимый хвостун. После призыва Ахилла, показавшего в награду победителю мула, а занявшему второе место — кубок,

...быстро восстал человек и огромный, и мощный
Славный кулачный боец, Панопеева отрасль, Эпеос.
Мула рукой жиливатой за гриву схватил и кричал он:
«Выступи тот, кто намерен кубок унести двоенный.
Мула ж, надеюсь я, не отвяжет никто из ахеев,
В битве кулачной, победной, горжуся, боец я здесь
(XXIII, 664—671)

Далее Эпей хвастается тем, что уж никак не сможет вызвать сочувствия даже в те времена жестоких племенных битв (а речь-то идет о соплеменниках). Обращаясь к товарищам, уже заранее предвкушая победу, кричит:

Что же до битвы, объявляю при всех и исповедуюсь:
Плоть до костей прошибу я и кости врагу наизлом.
Пусть за моим супротивником все попочетел
Чтобы из битвы унести укрощенного силой
(XXIII, 672—679)

Тут же, однако, читатель узнает, что не настолько храбр и дерзок. В тоне «первого кулачного боя» слышны и досада, и явная зависть, которые, нехотя признает:

Будет того, что меж вами я воин
не лучший, что делать
Смертному в каждом деянии быть невозможным
ОТЛИЧНЫМ
(XXIII, 670—677)

Хотя в кулачном поединке Эпей одерживает победу, как атлет он показан Гомером в самом неприглядном свете. Ограниченный, неловкий силач знает лишь один кулачный бой. Когда же дело касается иных видов состязаний, он терпит поражение. Вот герои начинают соревноваться в метании огромного железного диска:

...первым тот круг поднимает Эпос.
Долго махал он и бросил, и хохот раздался
по сонму.
(XXIII, 839—840)

В греческом фольклоре незадачливый Эпей на протяжении многих веков выступал как фигура сугубо комическая. Впоследствии эта литературная традиция не только существовала и ее база! Кулачного бойца-фессалийца Боиска осмеял в своем «Анабасисе» и писатель Ксенофонт, живший в V—IV веках до н. э. Воин этот «сражался так, словно он по болезни не может носить щита, а сейчас, как я слышу, он ограничился...» (V, VIII, 23). И, наконец, в I веке н. э. в жестоких кулачных бойцов уже знакомый нам римлянам. Таким образом, здесь мы встречаемся не с случайным, а с системой взглядов.

Не забывайте, Геракл голыми руками задушил нemeanский лев и затем всю жизнь носил на своей спине шкуру. Однако Геракл был не одинок. Многие писатели свидетельствуют, что, подобно Гераклу, задушил голыми руками льва и атлет Поликсенос в V веке до н. э. На 98-й олимпиаде Поликсенос получал венок победителя в панкратии, самом трудном и, несомненно, самом жестоком виде тяжелоатлетической агонистики.

Соединяя в себе приемы кулачного боя и борьбы, панкратий, вернее всего, ведет начало от военных рукоприкладных стычек, отличаясь от них лишь отсутствием оружия.

Здесь было дозволено все: любой удар, любой захват, удары ногами, всевозможные болевые приемы и даже... удары. Ближе всего панкратий стоит к современному боксу, распространенному сейчас в Америке и других капиталистических странах.

Спора нет, тут для достижения чистой (?) победы требовалось разностороннее умение. Начиная схватку в стойке, панкратиаст пытался неожиданным мощным ударом свалить соперника. Применялись всевозможные удары, броски и подножки.

К сожалению, как и в кулачном поединке, здесь можно было бить даже лежащего на земле противника. Выворачивание суставов тоже не считалось особым нарушением, равно как и другие болевые приемы. Поэтому об эстетическом наслаждении для зрителей тут не могло быть и речи. В этом виде состязаний, естественно, профессионалов с гипертрофированными мышцами было гораздо больше, чем среди борцов и даже кулачных бойцов.

Очень верно заметил по этому поводу знаменитый римский врач Гален: «Победы в панкратии более прочих достоин осел, который лягается сильнее всех».

Вообще же многочисленные опасности, которые таили в себе панкратий, не способствовали его популярности даже среди атлетов. Случалось, что на состязание выходил лишь один панкратиаст. Его объявляли «незащитившимся» и награждали венком.

До нас дошло немало античных рисунков на вазах и скульптур, изображающих бой панкратиастов. Более чем два тысячелетия, прошедшие со времени их создания, не уменьшили впечатления, которое производят предельно напряженные мышцы, вздувшиеся жилы, искаженные гримасой боли или торжества лица борющихся.

Здесь, как и в кулачном бою, и в борьбе, тоже могли состязаться мальчики. Вот о каком необычном случае рассказывает Павсаний.

«Случилось, что Артемидор, борясь на олимпийских состязаниях в качестве панкратиаста среди мальчиков, потерпел поражение. Причиной этой неудачи был чересчур юный его возраст. Когда же наступило время состязаний, которые справляют ионийцы из Смирны, то к этому сроку настолько окрепли его силы, что, выступив как панкратиаст, в один и тот же день он победил своих противников по Олимпии, а после этих мальчишеских одержал победу над юношами, которых называют безбородыми, а также третью победу над взрослыми, которая была наиболее славным его делом» (V, XIV, 1).

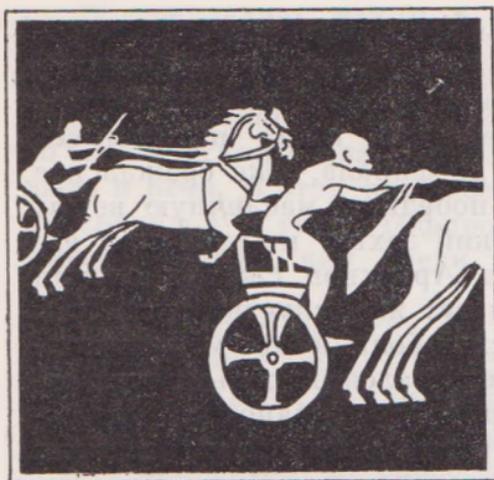
Поскольку панкратиасты и борцы состязались в один день, иногда один и тот же атлет выступал в обоих видах. И если побеждал дважды, то судьи торжественно присваивали ему звание «парадоксоника», то есть «необыкновенного победителя». Но уже в III веке до н. э. такое «совместительство» было запрещено, так как

Во время схватки панкратиасты нередко забывались и при-
падали во время чистой борьбы слишком специфические
приемы. Последствия этого бывали весьма печальны...

Рассказывали, например, что когда панкратиаст
Аррахион, успешно дойдя до финала, уже сражался с
последним соперником за победную масличную ветвь,
противник, применив жесткий захват ногами, стал его
давить. Из последних сил Аррахион сжал и сломал
палец на ноге соперника и тут же испустил дух. Но и
живший, не вынеся ужасной боли, в этот момент при-
нял себя побежденным и отказался от дальнейших со-
стязаний. Немного посоветовавшись, элладники провоз-
гласили победителем мертвого Аррахиона и увенчали
его венком.

Автор понимает, что рассказ об этом и других, не
менее трагических, финалах, описания умышленной и
неумышленной жестокости античных атлетов едва ли
оставляют читателям удовольствие.

Но эллинская агонистика, увы, имела и теневые сто-
роны. И сторон таких, как видите, было немало. По-
этому, восхищенно приветствуя все хорошее, все при-
ятное для нас, не будем слишком уж идеализировать
события, происходившие в древней Олимпии.

НА ОПАСНЫХ
ПОВОРОТАХ

Древнегреческий поэт Пиндар был похоронен на ипподроме. На первый взгляд странно. Не правда ли?

Не наездник, не воспитатель лошадей, не тренер. А поэт — и на ипподроме!

Но древним грекам это не казалось загадочным и необычным. Пиндар прославился прекрасными песнями, созданными в честь победителей соревнований. Они назывались «эпникии» (победные песни) и после окончания игр исполнялись на веселом пиру в честь сильнейшего.

Большая часть этих эпникиев посвящена победителям в конных состязаниях. Пиндар изобретательно и талантливо прославлял не только отважных наездников, но также их родителей, тренеров и весь род победителей вплоть до легендарных предков — героев и богов.

Поэтому поэт, все творения которого были связаны с агонистической темой, с борьбой атлетов, напряжением конных ристалищ и радостью трудных побед, был похоронен там, где состязались герои его стихов.

Когда-то военные колесницы, увлекаемые до предела возбужденными конями, играли важную роль в поле боя. С их высоты легче было разить врагов: лошади, мчащиеся во весь опор, грудью сминали пехотного противника, добывая затем копытами.

Иногда же на колесах в обе стороны продолженные осы выступали острые саблевидные серпы. Такая боевая колесница оставляла за собой широкий коридор, усталый телами зазевавшихся пехотинцев...

Со временем колесницы появились и на шумном поле ипподрома. Максимально облегченная двуколка стала применяться для состязаний.

Блинные ристалища всегда были одним из самых аристократических видов игр. Не только из-за многовековых традиций, но и потому, что содержать обширные конюшни с дорогостоящими скакунами были в состоянии только богатые люди.

Впрочем, для того чтобы получить венок в этом виде соревнований, не обязательно было выступать и побеждать самому. По давней традиции на античных играх первым награждался хозяин лошадей, а не возница. Несмотря на тысячи толпы древнегреческих болельщиков, возницам ревом приветствовали безымянного возницу, четверка которого первой пересекла финишную линию. Хозяин упряжки, сидящий все это время на скамье среди ликующих сограждан, уже готовился к приятному моменту получения награды. Награды, завоеванной чужими руками. Так своеобразно выглядел порой в Элладе ритуал разделения труда...

Известны даже случаи, когда владелец упряжки вообще не приезжал на игры. Так, например, поступали отсутствующие правители, обремененные государственными делами.

И в то же время несомненно, что искренние симпатии зрителей принадлежали возницам, которые сами добивались победы на ипподромах на своих упряжках.

Когда Геродот Фиванский победил в беге колесниц, благодар так восхвалял его:

Ныне хвалу Геродоту с его колесницей
Четвероконой сложу. Он не доверил узды своей
Чуждой руке — и за то я вплету ему похвалу
С Иолаем и Кастором в гимн хвалебный.

Ссылка на легендарных героев Иолая (племянника возницу Геракла) и Кастора (сына Зевса) тут символическая: они всегда правили лошадьми собственноручно.

Итак, в изящную колесницу запрягали пару или четверку лошадей. Дистанция бегов колебалась от 1 круга (примерно шесть стадиев) до 12 кругов. Таким образом, самый длинный пробег приблизительно равнялся 12 км.

Павсаний подробно описал ипподром в Олимпии, расположенный между стадионом и долиной Алфея.

В самом его начале находился портик с деревянной треугольной оградой, напоминавшей нос корабля. На двух из 120-метровых сторон этой ограды помещались стойла для упряжек. Всего стойл было сорок, и в каждом могли одновременно стоять две упряжки.

Внутри треугольной ограды возвышался алтарь бога Посейдона — покровителя скачек и бегов. Его венчал бронзовый орел с распростертыми крыльями. А у вершины треугольника на столбе был укреплен медный дельфин.

По сигналу элланодиков с помощью специального устройства орел «взлетал», а дельфин в тот же миг «нырял». Поскольку колесницы последовательно располагались вдоль катетов равнобедренного треугольника, то ограничительные канаты, натянутые вдоль стойл, сначала опускались перед теми упряжками, которым предстояло бежать по внешним, то есть большим, кругам ипподрома. Последними выезжали на поле упряжки, находившиеся ближе всего к вершине треугольника. Так соблюдалось равенство условий для состязавшихся.

И лишь когда все колесницы выравнивались в линию, по сигналу трубача они устремлялись вперед. Места же на старте распределялись по жребию.

Подгоняемые криками и ударами бичей, мчатся кони. Широко расставив чуть согнутые в коленях ноги, стоят на двуколках возницы. Они наклонились вперед, зорко следят за соседними упряжками и крепко сжимают в руках собранные пучком вожжи...

Вдоль оси бегового поля возвышались три каменные столба, на которых были высечены обращения к возницам:

Будь решителен!
Не медли!
Успей повернуть!

Возле главного поворотного столба-меты притаился алтарь злобного божка Тараксиппа (это имя в переводе с древнегреческого означает «устрашающий коней»), которому часто перед скачками приносились жертвы.

Вполне естественно, что каждый участник старался сделать поворот как можно ближе к столбу-мете, чтобы поскорее, не потеряв ни метра, устремиться назад к финишу. И тут, на повороте, на большой скорости ко-

Воспевая победу мальчика Агесиды в кулачном бою, поэт говорит:

Легкая победа немногим досталась:
Труд — наилучшее украшение жизни¹.

Следовательно, даже благородное происхождение и благосклонность богов не приносят такой славы, как приносит победа, добытая в тяжком и честном поединке.

Второе. Атлет всегда должен помнить, благодаря чьим наставлениям он смог победить. Слова благодарности, обращенные к тренеру-педоному, встречаются во многих эпиникиях.

Две победные оды Пиндара посвящены мальчику-борцу Алкимеду Эгинскому. И в обеих звучат слова благодарности и похвалы Мелесию — тренеру и воспитателю Алкимеда, который сам был прекрасным атлетом. В молодые годы он побеждал на стадионах и добывал немало наград, а сегодня Мелесий удостоен наивысшей награды — победы своего ученика:

Теперь же наградой ему — сам Алкимед,
Тридцатую (!) завоевавший победу.

Третье. Атлеты должны сочетать физическую силу, атлетическое мастерство и добропорядочность. Воспевая Пифея, старшего брата и тренера Филакида с Эганы, поэт упоминает, что этот атлет — человек с искусными руками и большим умом.

А в эпиникии, посвященном панкратиасту Стрепсиаду из Фив, боец показан не только как могучий великан, но и как красавец. А главное —

Его добропорядочность — не ниже телесной красоты.

Четвертое. Уважения заслуживает только бескорыстно честный победитель. Хотя иногда жажда награды побеждает порядочность, как с грустью констатирует поэт, но да здравствуют, да славятся умелые всадники и мужи с неалчными душами! И пусть стремление к славе не заставит их свернуть с прямого пути!

Итак, Пиндар в своих стихотворениях не просто величил могущественных победителей, а ставил перед

---

¹ Современными стихотворными средствами почти невозможно адекватно передать весьма сложную метрику поэмы Пиндара: она в каждом случае связана с конкретной мелодией. Поэтому и далее все отрывки из эпиникиев Пиндара переведены произвольным размером. — Ю. Ш.

собой и определенную морально-этическую цель. Социальной и фактической основой поэтических обобщений служили реальные условия античных игр.

Вероятно, и по этой причине любовь и почтение, которыми пользовался Пиндар у современников, были огромны. И, добавим, не только у современников. Когда более чем через сто лет после смерти поэта Александр Македонский взял штурмом Фивы — родину прославленного творца эпиникиев, он разрушил весь город кроме одного-единственного дома. Это был дом Пиндара.

Павсаний свидетельствует, что до 25-й олимпиады (320 год до н. э.) состязались только одноколенные колесницы. Но затем на ипподромах появились и биги (двухпряжки) и квадриги. Запрягали в колесницы жеребят и даже мулов (так называемая «апэна»).

Первым официальным победителем в состязании колесниц был провозглашен спартаец Александр. Надпись на статуе этого лакедемонянина гласит, что его дед был увенчан за победу в пятиборье.

В 648 году до н. э. прочно входят в программу игр верховые скачки. Всадники тех времен не признавали седел и стремян, правя только вожами, без удили. Дисциплина обычно равнялась одному кругу. Но даже на таком сравнительно коротком пути случалось всякое. Вот рассказ неутомимого и дотошного Павсания:

«Кобыла коринфянина Фейдола, согласно воспоминаниям сограждан, ее имя было Авра (Ветерок), случайно в начале бега сбросила всадника, но тем не менее продолжала бежать как следует, повернула около столба и, услышав звук трубы, дала полный ход, первой пришла к элланодикам и, поняв, что она победила, остановилась. Элейцы провозгласили победителем Фейдола и разрешили ему поставить статую этой кобылы» (XI, XIII, 5).

Не вызывает сомнений, что в этом необычном случае сыграла решающую роль не только ум и спортивная выдержка лошади, но и недюжинные тренерские способности ее хозяина. Ибо такое возможно лишь при полном взаимопонимании и взаимной преданности человека и животного.

Невольно вспоминается, как уже в наше время, в 1956 году на Олимпийских играх в Стокгольме, неожиданную и тяжкую травму на трассе Большого олимпийского охотничьего конкурса получил Ганс-Гюнтер Винк-

лер. И тем не менее он победил! Победой спортсмен был обязан удивительной преданности и способностям кобылы Халлы.

* * *

Захватывающим зрелищем были и так называемые «апобатикон агонэс». Участник должен был соединять в себе качества и наездника, и акробата, и бегуна: до поворота он с улыбкой свешивался с лошади до самой земли, а обогнув мету, то соскакивал на землю, то снова оказывался на спине скакуна.

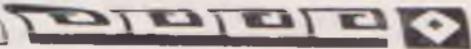
Но уже на 75-й олимпиаде эти состязания были несколько упрощены: проскакав на кобыле почти всю дистанцию, уже недалеко от финиша всадник соскакивал на землю и заканчивал соревнование бегом, держась за узду. Такие скачки назывались «кальпа».

Но главными в спортивной программе на античных ипподромах всегда оставались состязания в беге колесниц. Кстати, это был единственный вид олимпийских соревнований, в котором могли участвовать и женщины. И при этом они вовсе не нарушали старинный запрет и даже не появлялись в Олимпии — просто присылали сюда свои лучшие упряжки.

Возница-победитель, как вы уже знаете, не получал олимпийский венок. В знак всеобщего признания его высокого спортивного искусства чело его элланодика повязывали шерстяной лентой.

Тем более что искусство некоторых возниц было действительно безукоризненным. Сын Мильтиада Кимон на одной и той же упряжке побеждал на протяжении трех олимпиад. Прославленный Аникарис из Кирены был самым известным мастером необыкновенно точной и четкой езды: он по многу раз объезжал финишный столбик так, что на земле был заметен один-единственный след!

В этих главах дан лишь приблизительный обзор видов древних состязаний. В действительности их было гораздо больше. Но не о всех, к сожалению, мы имеем сейчас четкое представление. Про некоторые «полузагадочные» агоны будет рассказано дальше. Но ясно одно: агонистика эллинов была разнообразна и в период своего высшего расцвета создавала все предпосылки для гармоничного развития человека.

НЕ ТОЛЬКО В
ДОЛИНЕ АЛФЕЯ

Всеми сведениями по истории античных игр мы обязаны древним писателям и поэтам. Надеюсь, что каждый, кто берет в руки эту книгу, успел в свое время прочесть гомеровскую «Илиаду». И поэтому без особого труда вспомнит описание погребальных игр, устроенных Ахиллом в память своего друга Патрокла, павшего в руки троянского героя Гектора. Беглые ссылки на гомеровский сюжет и отдельные фрагменты «Илиады» встречались уже вам в первых разделах книги.

Греки издревле почитали покойников атлетическими и музыкальными состязаниями. А те игры, о которых с подробнейшими подробностями рассказывал Гомер, по праву можно назвать «малыми олимпийскими». Кроме того, это самое древнее описание спортивных состязаний в античной поэзии и, вероятно, в мировой литературе.

Олимпийские игры были отнюдь не единственным общегреческим праздником, сопровождавшимся соревнованиями атлетов. В четырехлетнем интервале между олимпийскими олимпийскими торжествами проводились еще пифийские, истмийские, немейские игры, которые тоже считались общеэллинскими. Атлет, побеждавший только в Олимпии, получал звание олимпийца. Если же он побеждал на всех играх четырехлетнего периода, то назывался периодоником.

Кроме того, существовали еще многочисленные местные праздники, которые тоже не обходились без спортивных состязаний. Например, в той же олимпийской

округе проходили игры в честь легендарного Пелопса и жены его Гипподамии. На этих состязаниях инспектовалась знаменитая мифическая погоня. На первом колеснице мчались юноша и девушка, изображавшие Пелопса и Гипподамию, а на второй несся за ними жилая возница благородного происхождения. В правой руке он держал ясеневое копьё!

Но при любом финале этих театрализованных реальных гонок трагедии не происходило. Если опытный конкурент все же настигал молодую пару, девушка отпадала от него «поцелуем Гипподамии». Вообще же местные торжества просто невозможно перечислить, не то что описать!

* * *

Второе место по блеску и значительности в олимпийском занимал пифийский праздник. Он проходил в Кирренской долине близ города Дельфы у подножия легендарного Парнаса.

По преданию, бог Аполлон учредил этот праздник в честь своей победы над драконом Пифоном, и с тех пор тут происходили только состязания музыкантов. В аккомпанемент кифары певцы-кифареды исполняли пэан (хвалебную песнь) в его честь. В 590 году до нашей эры к состязаниям кифаредов были присоединены выступления певцов, флейтистов и, наконец, соревнования колесниц и наездников. Этот год считается официальной датой рождения пифийских игр.

Победители награждались венками из ветвей священного лавра, росшего в Темпейской долине. Лавр считался любимым деревом Аполлона — бога света и искусства. Как и в Олимпии, в рошу отправлялась торжественная процессия, а ветви для венков срезал специальным ножом мальчик благородного происхождения, у которого были живы родители. Впоследствии программа пифийских игр становится более разнообразной. Здесь состязались в мастерстве даже поэты-трагики.

Итак, легенда о возникновении пифийских игр — триумфальный миф о победителе. Первым же победителем в Дельфах все признают Аполлона. Ведь этот бог не только имел самое прямое отношение к музыке и пению, он был также, если помните, умелым стрелком, лучником и кулачным бойцом.

С агонами на Истме, расположенном на Коринфском перешейке, связано также немало мифов. Чаще всего в Истмийских играх певцы-аэды исполняли сказание о том, как Фаллакк спас в море мальчика Меликерта, вынеся его на берег. В честь этого спасения Сизиф устроил истмийские игры.

Другой миф основателем истмий называет героя Тесей. Подобно Гераклу, тот освобождал города и целые области от гнета злых тиранов, от грабителей, диких зверей и свирепых чудовищ.

На морском побережье, возле Мегариды, путников на берегу разбойник Скирон, который грабил их, а в придачу еще заставлял мыть себе ноги. Во время этой неприятной процедуры он ударом ноги неожиданно сбрасывал несчастную жертву со скалы в море.

Храбрый Тесей победил Скирона, и тот собственной жизнью заплатил за все зло, которое совершил. В ознаменование этого события Тесей и учредил истмийские игры.

Впоследствии истмийские игры посвящались богу войны Посейдону, в честь которого проводились конные скачки. Выступали тут и атлеты, и музыканты, и поэты. Проходили истмийские игры раз в два года — в 1-й и 3-й год каждой олимпиады. Победители награждались венками из сосновых ветвей или свежего сельдерея. Датой проведения первых Истмий считается 776 год до н. э.

Раз в два года устраивались и немейские игры, которые проводились в Немейской долине близ города Клеон в Арголиде. В 1-й год каждой олимпиады эти игры проводились зимой, а в 3-й год — летом.

Немейские игры возникли, вероятно, позже других олимпийских состязаний.

Первые записи имен атлетов, победивших в Немейской долине, относятся к 573 году до н. э.

Одна из легенд приписывает рождение немейских игр, как и олимпийских, Гераклу Фиванскому. Сын Зевса учредил якобы эти состязания в честь своего первого подвига — победы над огромным немейским львом.

Не случайно эллинистические писатели называли Геракла великим атлетом. Каждый подвиг этого героя зиждется на гигантской силе, соединенной с ловкостью, безмерной отвагой и благородством.

По версии же, которую мы находим у Павсания, эти игры учредил царь Адраст. Так он хотел почтить память своего деда Пелия. В играх приняли участие, согласно легенде, титаны и величайшие герои Греции.

Судьей на этих мифических играх был сам Гермес. Герои эллинистических мифов Кастор, Полидевк и Эвфем состязались в беге колесниц, Адмет и Мопс — в кулачном бою, великан Атлант и Персей — в борьбе. В беге все победил Ификл.

И действительно, в Немее атлеты состязались и в беге, и в борьбе, и в конном спорте. Со временем тут стали соревноваться и музыканты.

Прежде же чем рассказать о наградах, присуждаемых победителям, вспомним еще одну версию рождения немейских игр.

Младенца Пронакта, повествует миф, кормилица вынесла на прогулку. В это время мимо шло войско, и ее вожди попросили показать дорогу к колодезю. Оставив ребенка на траве, беспечная кормилица пошла предупредить воинов. Пока она отсутствовала, приползла змея и ужалила Пронакта. В память об этом печальном событии и были учреждены немейские игры. Во всяком случае, такая мифологическая версия объясняет, почему в награду победителям на играх в Немее служили ветви из сухого сельдерея, считавшегося у греков символом смерти и печали.

Из четырех великих общеэллинистических празднеств больше всего в литературе освещены олимпийские игры. В доподлинно известно, что программа атлетических состязаний на играх пифийских, истмийских и немейских почти не отличалась от олимпийской, или, говоря точнее, там не было никаких специфических видов состязаний, которые не проводились бы в долине Алфея. Поэтому в этой главе было рассказано не столько о соревнованиях, сколько о связанных с их происхождением легендах.

Итак, общегреческие игры уходили своими корнями в доисторическую эпоху, а впоследствии родились исторично (чему есть не только мифологические, но также и литературно-исторические свидетельства).

Названными четырьмя праздниками не исчерпывались, как уже было сказано, торжества, на которых выступали эллинские атлеты. Греки устраивали и так называемые тесеи (игры в честь героя Тесея), и герей (в них речь пойдет дальше), и ликейские игры, и панафинейские, и многие другие.

Чтоб не утомлять читателя и так несколько затянувшимся описанием, завершим эту главу кратким рассказом о панафинейских играх.

Уже само название говорит о том, что в этом празднике принимали участие все афиняне.

Когда-то очень и очень давно, еще в доисторические времена, учредил эти игры царь Афин мудрый Эрихтоний. Принято считать, что сам Эрихтоний, сын трудолюбивого Гефеста, первый ввел состязания в беге колесниц и любил участвовать в конных ристалищах. В Афинах открывались живописной лампадодромией и жертвенника.

А теперь уместно рассказать о самой первой в мире Академии. Так называлась роща возле Афин, посвященная герою Академу (слово «герой» у эллинов значило «божественный предок»). Здесь в небольшом гимназии упражнялись и закалялись юноши. Пожилые люди приходили сюда, чтобы вести степенные беседы, любясь своими ловкими и сильными детьми. Любил тут прогуливаться, беседуя со своими учениками, и философ Платон. Его последователи и стали первыми «академиками». Само же слово «академия» со временем подверглось научно-научному переосмыслению. Некоторые авторы сообщают, что эллинский философ потом приобрел эту рощу в собственность. Однако доступ сюда был свободным для всех и в любое время суток...

Но афинская Академия прославилась еще и тем, что именно отсюда начинались самые, вероятно, интересные состязания бегунов: лампадодромия (бег с факелами).

С незапамятных времен стоял в роще жертвенник Прометея — бога, подарившего людям огонь. От его священного пламени темной летней ночью бегуны зажигали деревянные факелы и бежали к городу. Факел передавался от одного атлета к другому (точно так, как это делается в современной эстафете). Выигрывала команда, участник которой первым, не погасив огонь, добегал до жи-

лица кузнеца, пекаря или гончара на окраине Афин. Там, согласно древней традиции, он разжигал свой факелом печь ремесленника.

Именно отсюда ведет свое начало традиционная факельная эстафета, предшествующая открытию олимпийских игр в наше время. Только теперь факел путешествует гораздо дальше.

Павсаний придерживается мнения, что панафины впервые стали проводить при Тесее:

«Этому празднику раньше было имя афиней, а в афинянами они стали называться при Тесее, потому что были отпразднованы всеми афинянами, объединившимися в один город» (VIII, II, 1).

Малые панафины проводились ежегодно. Великие панафины, как и олимпийские игры, — раз в четыре года. Они были учреждены в VI веке афинским тираном Писистратом.

Этот праздник длился шесть дней. Наградой победителям служило священное оливковое масло: ведь, по преданию, Афина подарила афинянам оливковое дерево и научила пользоваться его плодами.

Это «наградное масло» разливалось в специальные амфоры, которые так и назывались — панафинейские. Амфоры были украшены росписью на мифологические и спортивные сюжеты. Причем на одной стороне обязательно изображалась главная покровительница этих состязаний — сама богиня Афина. Есть все основания предполагать, что бегуны получали амфоры с изображением именно бегунов, борцы — борцов и т. д. А количество получаемых амфор зависело от места, которое занял данный атлет на состязаниях. Так, чемпион по бегу на стадий получал шестьдесят амфор с оливковым маслом, атлет, занявший второе место, — в пять раз меньше, третье — еще меньше и т. д... Панафинейские амфоры изготовлялись в больших количествах на протяжении почти трех столетий. Именно благодаря такой счастливой традиции до нас дошло довольно много образцов великолепных изделий эллинистических гончаров и художников.

Среди мифологических генеалогий античных историй панафиней, пожалуй, выгодно выделяется. И тут речь идет не о частном поводе, а о мирном объединении групп людей и, может, даже разрозненных поселений в большой дружный город.

ПОДРУГИ
АТАЛАНТЫ

В одной из комедий великого древнегреческого сатирика Аристофана афинянина Лисистрата при встрече со спартанкой Лампито восклицает:

Почтеннейшей спартанке Лампито привет!
Какой красою блещешь ты, любезная!
Румяна как и в теле как упитана!
Да ты быка задушишь!

На что Лампито отвечает:

Ну, еще бы нет!
Не зря ж борюсь я, прыгаю и бегаю.

Этот лаконичный диалог напоминает нам о том, что в Западе гимнастическими упражнениями занимались не только мужчины. Девушки и женщины Спарты, как вы уже знаете, тоже не чуждались палестры и стадиона, а философ Платон в проекте своего идеального государства говорил о необходимости физического воспитания и для женщины, и для мужчины.

Но не думайте, что так было только в Спарте или в фантастических проектах. Начнем с мифа.

Маленькая дочь беотийского царя Схенея Аталанта случайно оказалась в лесу. Ее вскормила и воспитала медведица, и царевна навсегда осталась среди зверей в дремучих дубравах.

Быстроногая и неутомимая Аталанта стала лесной хозяйкой, и даже лани не могли от нее спастись. И, конечно же, Аталанта была прекрасна. При всей своей

нелюдимости и дикости, она не отвергала женихов, и при этом ставила им такое условие:

Мной овладеть единственно можно,
в беге меня одолев. Состязайтесь со мною

ногами,
Плата же медленным — смерть; таково состязанья
условье¹.

Притягательная красота Аталанты заставляла ревновать жизнью многих, но обогнать ее не мог никто, и всех неудачливых претендентов она пронзала копьем.

Так было много раз, и неизвестно, сколько времени продолжались бы эти трагические состязания, если бы к Аталанте не посватался юноша Гиппомен. Он готов был умереть, ибо все равно не представлял себе жизни без лесной быстроногой красавицы. На помощь Гиппомену пришла сама богиня любви Афродита. Мчась, юноша бросал позади себя золотые яблоки — подари богини. Аталанта не могла удержаться, чтобы не подобрать соблазнительные плоды, и, невольно замедлив бег, проиграла состязание. Зато Гиппомен выиграл жизнь, и невесту.

И снова повторим: в мифах нужно уметь слышать отголосок действительных событий. Ведь когда-то и человеческие жертвоприношения и в самом деле не были редкостью. Кроме того, в легенде ощущается и влияние матриархата, когда женщине принадлежала главенствующая роль. И, наконец, сказанное об Аталанте может служить подтверждением того мнения, что женские состязания по бегу были в Элладе столь же древними, как и состязания мужчин.

А теперь попробуем внимательно присмотреться к ритуальной, а к сугубо «спортивной» линии притянутой легенды. Достойно ли доверия повествование о том, что девушка обгоняла на беговой дорожке юношей и зрелых мужей? Несомненно, достойно!

Ведь речь может идти просто о разных уровнях легкоатлетической подготовки. И для доказательства этого тезиса вовсе не надо погружаться в доисторический туман тысячелетий. Вспомним лишь, что в 1896 году на I Олимпийских играх современности чемпионом в беге на 100 м стал американец Б. Томас.

---

¹ О в п д и й. Метаморфозы. Пер. С. Шервинского. М., «Дожественная литература», 1977, с. 260.

результатом 12 сек. ровно. А сегодня (т. е. почти сто лет спустя) М. Эльснер из ГДР пробежала стометровку за 10,88 сек.!

В том же 1896 году Флэк Эдвин из Австралии дважды завоевал олимпийское золото: в беге на 800 и 1500 м, показав соответственно 2.11,0 и 4.33,4 сек. Сегодня советская бегунья Т. Казанкина оставила Флэка позади не только австралийца, но и многих современных легкоатлетов. Ибо ее результаты в беге на 800 м — 1 мин. 54,9 сек., а на 1500 м — 4.56 сек. ровно!

Еще в 1932 году на X Олимпийских играх все три ора-мужчины прыгнули в высоту на 1,97 м. Что ж, им тоже должны были бы уступить свои олимпийские медали итальянке С. Симеони, которая в 1932 году преодолела планку на высоте 2 м 01 см. Таковы они — атланты современности!

* * *

На олимпийские игры женщины, как вы помните, не допускались, но существовал и второй вариант представления о Ференике — Каллипатере. Писатель Элиан рассказывал: когда все узнали, что под мужской одеждой скрывалась не просто женщина, а дочь, сестра и мать олимпийских победителей, магическая власть слов оказалась сильнее сурового закона. Народ решил разрешить Ференике первой из женщин выступать среди зрителей.

Но читатель вправе возразить: ведь речь идет не о зрительницах, а об участницах состязаний. Так вот, запрет не был постоянным. Лишь во время непосредственного проведения олимпийских игр женщины не допускались на стадион. А в четырехлетний перерыв олимпиады именно там, на берегах Алфея и Гераклиды, устраивались игры в честь Геры. Они так и назывались — герей.

Эти игры были не так разнообразны, как олимпийские. Главным и, вероятно, сначала единственным было состязание девушек в беге. «Женский стадий» был на порядок «мужского», и первыми всегда бежали самые быстрые эллитки. За ними вступали на беговую дорожку девушки среднего возраста, и завершали состязание самые старшие.

Их распущенные волосы развевались по ветру, короткий, выше колен, хитон не мешал бегу, а правое плечо было открыто до груди. Победительницы, как олимпийки-мужчины, получали венок из ветвей священной маслины и... часть коровы, принесенной в жертву Гере. Их статуи через много веков нашли те, кто проводил первые раскопки в Олимпии.

Если верить легенде, то эти игры — ровесники олимпийских. Один из мифов гласит: воздавая Гере благодарность за свой счастливый брак с Пелопсом, Гипподамия собрала на состязания 16 женщин и устроила первые гереи. Сохранилось предание, будто в этот день победительницей оказалась афинянка Хлориды, дочь Амфиона...

Существует, впрочем, и второй мифологический вариант. После смерти тирана Дамофонта 16 женщин из 16 греческих городов уладили многолетние междоусобные споры и по случаю этого приятного события праздновали первые гереи.

Символично то, что олимпийские игры и гереи объединял не только общий стадион, но и единая идея ключевого перемирья.

Со временем программа женских соревнований расширялась, и от бега эллинские спортсменки перешли к более сложным видам агонистики.

Вся Эллада, например, восхищенно повторяла Киниски — дочери спартанского царя Архидама. Прекрасная наездница, она многократно побеждала в состязаниях колесниц. Павсаний почтительно заметил: «После Киниски и другие женщины побеждали в Олимпии, но никто из них не заслуживает такой славы, как она» (VIII, V, 3). Писатель упоминает статуи Эвримониды, Эвгиппы, Аниты и других отважных наездниц.

Медное скульптурное изображение коней Киниски стояло в самом почетном месте Олимпии — в передней части храма Зевса. Ведь именно эти лошади победили не только на гереях: воспользовавшись уже известным вам законом, Киниска прислала свою упряжку на 105-е олимпийские игры. Они принесли своей важной и прекрасной хозяйке олимпийскую славу и олимпийский венок.

К счастью для эллинских спортсменок, ограничения и запреты, из-за которых чуть не рассталась с жизнью

Беренка, касалась, вероятно, лишь олимпийских игр. В других греческих праздниках женщины иногда выступали. Если же говорить о спартанках, то они состязались даже в таком сугубо мужском виде агонистики, как борьба.

В начале этой книги вы прочли уже о великолепном пловце и ныряльщике Скиллие. Своему искусству он обучил дочь Гидну. И когда у горы Пеллон корабль персов был захвачен внезапно разразившейся бурей, то оба они — отец и дочь — немало сделали для победы неприятельского флота. Пользуясь ночной темнотой и общей суматохой, они ныряли и вытаскивали за два якоря и другие крепления персидских судов.

Лишенные опоры корабль разметало бурей. Их бросило на рифы или унесло в открытое море, где тоже не было спасения. Так стихия и двое смельчаков похитили эллинам.

Благодарные греки поставили в Дельфах статуи Скиллия и его отважной дочери. Знаменательно, что в числе тех скульптур, которые впоследствии император Нерон приказал вывезти в Рим, была и статуя Гидны.

Вам знакомы, конечно, легенды об амазонках — бесстрашных воительницах, которые ни на охоте, ни в бою не уступали мужчинам. Прочтя о спортивных достижениях эллинов, вы видите — эти мифы имеют реальную основу, хотя легенда, как всегда, окружила действительность ореолом фантастической таинственности.

ПЕДАГОГИКА СПОРТ И ПОЭЗИЯ

Представьте себе обычное современное судебное заседание. Обстоятельства дела уже абсолютно ясны. Выступили все, кому следовало. После краткого совещания судьи возвращаются в зал и оглашают приговор:

«Член добровольного спортивного общества «Спартак» футболист Епифанов (впрочем, фамилия в данном случае роли не играет), незаконно выступивший за добровольное спортивное общество «Динамо», приговаривается за это к пожизненному изгнанию из родного города».

Фантастический приговор, не правда ли? Однако если в наши дни это можно воспринять как анекдот, то два с половиной тысячелетия назад на это посмел бы по-иному...

Трудно перечислить все те почести, которыми удостоивали греки олимпийцев. Но тем суровее карали они бесчестных спортсменов и малодушных атлетов.

В Олимпии, возле холма Крона, в свое время вышло несколько десятков почти одинаковых статуй Зевса. Эти изображения отливались на деньги, которые беспрекословно платили атлеты, совершившие различные неэтичные поступки.

Первые шесть статуй Зевса (так называемые зане) были установлены после 98-й олимпиады в 384 году до н. э.

Дело было вот в чем. Кулачный боец Эвпол взятку своим соперникам Агетору, Пританису и Формиону — победителю предыдущих олимпийских игр.

... были все четверо спортсменов. И не только
... денежным штрафом, но и всеобщим презре-

... одна из надписей на заанах гласила: «Побе-
... Олимпии добывается не деньгами, а быстротой ног
... скоростью тела».

... греки и тех атлетов, которые пытались
... свое спортивное искусство с целью обога-
... Например, в 218-ю олимпиаду был оштрафован
... кулачный боец. Он не только пытался
... противников, но и опоздал на игры. Оправ-
... Аполлоний тем, что, дескать, западные ветры
... его кораблю своевременно прибыть из Егип-
... Грецию. Но вскоре выяснилось: атлет опоздал
... кто выступал за деньги в Ионии (область Эл-
... и ветер ему не мешал.

... Павсанию мы узнали, как в 192-ю олим-
... Дамоника толкнули на бесчестный посту-
... ствские чувства.

... победителя предстояло состязаться Поли-
... Дамоника) и Сосандру из Смирны. Дамо-
... хотелось, чтобы победил его сын, и он тайно
... Сосандра крупную взятку. Но сговор полу-
... И олимпийские судьи наказали не сыно-
... совершивших нечестный поступок.

... эллины и трусов. В 201-ю олимпиаду был
... Сарапцион — участник состязаний в пан-
... Он настолько испугался своих соперников, что
... из Олимпии еще до начала празд-

... всего наказывали греки тех атлетов, ко-
... изменяли родному городу и сооте-

... Астил из города Кротона, победив, объ-
... сиракузянином (разумеется, небеско-
... немедленно постановили: его дом
... в тюрьму и свалить статую Астила, кото-
... за предыдущие победы.

... покарали соотечественники критянина
... на 99-х олимпийских играх в длинном
... эфесской общиной, объявил себя
... Возмущенные критяне приговорили
... к вечному изгнанию, что для грека порой
... смерти.

Лишь через много лет, уже будучи седым, дряхлым стариком, бывший олимпиец вымолил наконец прощение у сограждан и вернулся на родину. Рассказывали, что умер Сотад возле пьедестала своей олимпийской статуи...

Подобных случаев в те далекие времена было немало. И хотя эллины буквально обожествляли лучших атлетов, малодушия и нечестности они им никогда не прощали.

Одного спартанца, который послал в Олимпию свою конную упряжку от имени Фив, тут же на стадионе в глазах тысяч зрителей высекли розгами. Тем более что Спарта в то время вообще была лишена права выступать в Олимпии.

Разумеется, этические взгляды древних греков во многом отличались от наших. Такие понятия, как честь и доблесть (по-гречески «арэтэ»), в каждую эпоху трактовались по-разному. И это часто находило свое отражение и в древнегреческой литературе.

Среди эллинской аристократии действительно очень ценилось физическое совершенство: сила, выносливость, ловкость и, наконец, телесная красота. Но изолированно и абстрактно, а лишь в социальном комплексе, или, говоря по-современному, в сочетании с высокими моральными качествами.

Поэт Тиртей, живший в VII веке до н. э., в своих произведениях возвеличивал Спарту, считая основой арэтэ патриотизм и мужество воинов, опирающиеся на физическую мощь. Сила, ловкость и быстрота не имели самостоятельной ценности для Тиртея, который говорил:

Я не считаю ни памяти доброй, ни славы достойным
Мужа за ног быстроту или за силу в борьбе,
Хоть бы он даже был равен циклопам и ростом и силой
Или фракийский Борей в беге ему уступал,
Хоть бы он видом был даже прелестней

красавца Тифона

Или богатством своим Мида с Киниром затмил,
Хоть бы он царственней был Танталова сына

Пелопса

Или адратов язык сладкоречивый имел,
Хоть бы он всякую славу стяжал, кроме доблестной
силы!

Ибо не будет никто доблестным мужем в войне,
Если не будет отважно стоять в виду сечи кровавой
Или стремиться вперед в бой рукопашный с врагом,

Это лишь доблесть и это лишь подвиг для юного
мужа
Лучше, прекраснее всех прочих похвал среди
людей! ¹

Так писал поэт, обращаясь к спартанской молодежи. Правда, он призывал юных лакедемонян побеждать не только иноземных захватчиков, но и свободных эллинов из антиспартанского лагеря. Но в особенности оставших рабов!

Конечно, с современной точки зрения, во взглядах Тиртея не так уж много прогрессивного. Но заслуживает внимания то, что он не признавал «чистой» агонистики, отрицал атлетику как «искусство для искусства».

Приблизительно таких же взглядов на физическую культуру и ее общественное значение придерживался современник Тиртея поэт Архилох. Он сам был отважным воином и патриотом. В одном из фрагментов его творчества читаем:

Нет, мне не нравится вождь высокий, с пязцной
походкой
И завитыми надменно кудрями, красивый, холерный.
Пусть малорослый иной, пусть и ноги имеет кривые,
Только бы твердо ступал по земле и был сердцем
отважен ².

Прошло почти столетие. Поэт Ксенофан в одной из своих ироничных жалоб жаловался на чрезмерное возвеличивание атлетов, тогда как ученые, поэты, даже общественные деятели, которые пекутся ежедневно о благе отчизны, остаются позади, за пределами общественных симпатий. И часто, отмечает с грустью Ксенофан, быстрота и крепость рук приносят человеку большие почестей, славу, богатство и талант. И это весьма прискорбно, ибо

...несправедливо,
Искусству ума силу народ предпочтет.
Слава и могучих кулачных бойцов не имеет
наш город,
Ни на борцов-крепких, ни пятиборцев лихих,
Ни бегуна быстрого (как средоточия мощи,
Ни в состязаньях мужи ценят превыше всего),

¹ Античная поэзия. Пер. В. Латышева. М., «Художественная литература», 1968, с. 130.

² Там же.

ФИЛОСОФ ВЫХОДИТ НА РИНГ

Если мы попытаемся четко себе представить, какие черты объединяют античный спорт и современный, то их наберется немало. Но главной является та, о которой уже шла речь в предыдущих разделах: стремление к гармоничному развитию человека. Ведь именно этот здоровый принцип во многом способствовал удивительному и неповторимому расцвету науки и искусства в Древней Греции.

Современные спортсмены и болельщики восхищаются тем, что известный актер, народный артист РСФСР Н. Озеров не только популярный теле- и радиокомментатор, но и заслуженный мастер спорта СССР, многократный чемпион Советского Союза по теннису.

Одно время проректором Ленинградского университета был кандидат юридических наук Г. Шатков, завоевавший олимпийское золото в Мельбурне. Он был признан лучшим боксером Олимпиады.

Любители конного спорта хорошо знают Е. Петушкову — призера Олимпийских игр в Мехико и Мюнхене по выездке. Русская амазонка — кандидат биологических наук, автор многих печатных трудов в области биохимии.

Двукратный олимпийский чемпион штангист А. Воробьев — профессор, доктор медицинских наук, ректор Института физкультуры в Москве. «Медицинскую стезю» избрала и олимпийская победительница 1956 года копьеметательница И. Яунземе. Недавно она была удостоена за свои научные исследования звания лауреата

Государственной премии Латвийской ССР. А ее ровесник — тоже участник XVI Олимпийских игр в Мельбурне и неоднократный чемпион нашей страны по толканию ядра В. Лоцилов теперь профессор, доктор технических наук, лауреат Государственной премии СССР. М. Ботвинник — чемпион мира по шахматам и доктор технических наук.

Если же обратиться к теме «гармонической многогранности» среди зарубежных коллег, то и здесь мы найдем немало интересных примеров. Оказывается, что всемирно известный доктор Б. Спок — прославленный специалист по проблемам воспитания ребенка — в 1924 году на VIII Олимпийских играх в Париже стал чемпионом по академической гребле! Доктор Спок сидел в «восьмерке».

Знаменитый физик, лауреат Нобелевской премии Н. Бор самоотверженно защищал футбольные ворота одной из команд Дании. Другой лауреат Нобелевской премии — американский биохимик Б. Чейнс стал олимпийским победителем в гонках на яхте в Хельсинки — через семь лет после присуждения ему высшей научной награды! Еще один лауреат Нобелевской премии — президент Международного совета физкультуры и спорта англичанин Ф. Ноэль-Бейкер был серебряным призером на Олимпийских играх 1912 года в беге на 1500 м.

Что ж, эти похвальные традиции имеют глубокие корни. Очень глубокие!

Ведь тот самый Пифагор, теоремы которого вы учили в школе, был, как уже говорилось, прекрасным кулачным бойцом. Кроме чертежей, свитков и геометрических инструментов в доме великого математика хранились и все агонистические принадлежности.

«Отец медицины» древнегреческий врач Гиппократ был весьма заметной фигурой среди эллинских борцов и пазедников. Обладателями различных наград за спортивную доблесть были философы Платон и Сократ, поэты-трагики Софокл и Еврипид и еще многие из тех великих эллинов, дела и произведения которых обогатили мировую культуру.

Здоровый и разумный образ жизни способствовал тому, что творческие и физические силы не иссякали очень долго. Ведь, например, одну из лучших своих трагедий Софокл создал уже в девяностолетнем возра-

сте. И вот уже почти двадцать пять столетий творения великого поэта не сходят с мировой сцены.

Если же говорить о том, кто из литературных персонажей наиболее удачно сочетал физические и умственные достоинства, то предпочтение следует отдать Одиссею. Недаром он и «мудрый», и «хитроумный», и «могучий», и «славный», и даже «богоравный». Впрочем, трудно перечислить все эпитеты, которыми наделяют Одиссея мифология и сам Гомер. Это и герой, и в то же время живой человек со множеством достоинств и слабостей, благородный, но в чем-то себе на уме. Все это делает образ Одиссея особенно жизненным и нестандартным. Пожалуй, из всех гомеровских персонажей он наиболее земной.

Сражаясь с троянцами, он ежеминутно рискует жизнью и часто даже не отдает себе в этом отчета. А борясь с Эантом, Одиссей прибегает к обычным борцовским хитростям, что, в соединении с силой и умением, помогает ему победить.

Да, Одиссей достойный и опытный атлет, прекрасный борец, никогда не упускающий случая воспользоваться ловким приемом. И эта, вполне дозволенная правилами борьбы, уловка неоднократно приносила ему и приз, и признание зрителей. А победа Одиссея над циклопом — это победа разума над грубой физической силой.

Блестящим тактиком показал себя Одиссей и состязаясь в беге с Эантом и Антилохом:

Бег их сперва от черты начинался;
и первый всех дальше
Быстрый умчался Эант: но за ним
Одиссей знаменитый
Близко бежал...

(XXIII, 758—760)

Затем бурный рывок, и наш герой на финише первый. Победа в этих состязаниях для Одиссея особенно почетна — ведь он намного старше своих соперников. С почтительным восхищением Антилох, пришедший третьим, говорит, что Одиссей

...из прежнего рода, от прежнего племени
отрасль;
Но зелена, говорят, Одиссеева старость; и трудно
В беге с ним спорить ахейским героям...

(XXIII, 790—792)

• Почти через 20 лет после начала Троянской войны, уже возвращаясь домой, на острове феаков Одиссей бросает огромный камень гораздо дальше, чем феакийские юноши — диск!

Человеку непосвященному спортивное долголетие пожилого Одиссея, побеждавшего юношей, может показаться таким же художественным вымыслом, как и деяния богов (скажем, волшебные превращения). Но это не совсем так. Многие эллинские атлеты действительно очень долго не покидали стадионы и гимнасии именно как участники состязаний.

Известный кулачный боец Феаген за участие только в наиболее популярных играх и состязаниях получил 1400 венков (!). Даже если предположить, что ежегодно он выступал не менее 40 раз (практически это по тем временам допустимо), то Феаген выходил победителем на играх в течение 30 лет!

Аргосец Данд на протяжении 16 лет (т. е. на четырех олимпийских играх!) сохранял прекрасную спортивную форму, о чем красноречиво свидетельствуют двадцать две его победы. Данд состязался в беге как на короткие, так и на длинные дистанции.

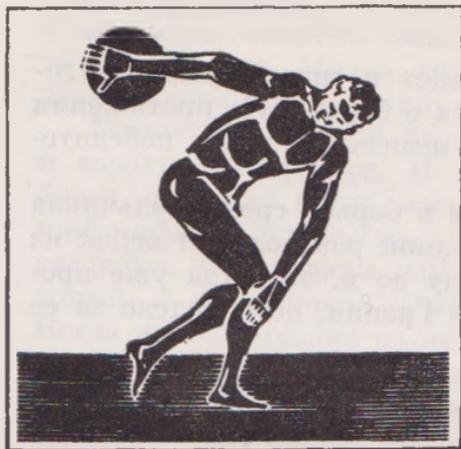
На 215, 216 и 217-х олимпийских играх восемь раз побеждал Гермоген — непревзойденный бегун из Ксанфа.

Все сказанное относится к физическому воспитанию не только собственно в Греции. Многое нам известно и о спортивном долголетии тех эллинов, которые жили, например, в колониях Северного Причерноморья. Там не считалось редкостью, когда в состязаниях одновременно выступали отцы и сыновья.

В 1895 году в Анапе, на месте древней Горгииппии, была найдена большая агонистическая плита с перечнем имен победителей. Этих имен 225. Среди них отмечено 19 случаев, когда отец и сын состязались на одних и тех же играх. По выкладкам, которые сделали ученые, между выступавшими одновременно отцами и сыновьями возрастная разница составляла в среднем 26 лет. Это является прекрасным доказательством спортивного долголетия эллинов.

Все это станет еще понятнее, когда я скажу вам: греческие граждане, и особенно спартанцы, обязаны были нести воинскую службу с 18 до 60 лет, то есть 42 (!) года подряд.

**МИЛОН
КРОТОНСКИЙ —
АТЛЕТ И ГЕРОЙ**

Так как же рождаются мифы? Думаю, их возникновению способствуют и время, и кажущаяся фантастичность некоторых событий. За тысячелетия были сложены мириады народных сказаний о деяниях богов, о подвигах древних героев и богатырей. Чаще всего в этих мифах, былинах и сагах воспевались отвага, ловкость, честность и, само собой разумеется, сказочная физическая сила.

Мы сегодня не в состоянии доказать, что Геракл или, предположим, Святогор, Гильгамеш или Витязь в тигровой шкуре действительно жили на земле и вершили свои удивительные подвиги. Рассказы об их славных делах мы, реалисты, рассматриваем лишь как сказку, легенду...

Да, это так. И в то же время нельзя забывать: в основе легенд порой лежат вполне реальные, хотя и очень-очень древние, временами неожиданно переосмысленные и страшно гиперболизированные события, из которых с годами время и народная фантазия создают мифы. Так человек становится героем и полубожеством. Это, конечно, отнюдь не правило. Но полностью исключить данное явление нельзя тоже.

Античность почти не знала командных спортивных выступлений. Если, конечно, не считать уже описанный бег с факелами, игру в мяч и состязания гребцов. И, естественно, все внимание зрителей (а затем историков и мифографов) сосредоточивалось на отдельных выдающихся атлетах своего времени. В этой главе бу-

дет рассказано о самом, пожалуй, прославленном атлете Древней Греции...

Известный эллинский атлет и силач Милон из города Кротона был непобедим в борьбе. На протяжении двадцати лет он шесть раз завоевывал венок победителя на олимпийских играх.

Впервые Милон победил в борьбе среди мальчиков в 532 году до н. э. А последний раз получил венок из оливковых ветвей в 512 году до н. э., когда уже прославился не только в самой Греции, но и далеко за ее пределами.

Про невиданную силу Милона Кротонского мы узнаем из произведений античных писателей и ученых — Афенея, Лукяна, Элиана и, конечно, Павсания. Завидное спортивное долголетие Милона можно объяснить как природной его силой и здоровьем, так и поистине эллинским образом жизни, прекрасной тренированностью и упорством атлета.

Рассказывают, что Милон еще в юности мог поднять теленка и обнести вокруг родного города. Шли годы. Росли силы будущего олимпionика. И в один прекрасный день он вызвал всеобщее восхищение, когда на плечах перенес через стадион в Олимпии четырехлетнего быка.

Впрочем, при всей своей исключительности этот случай не единственный. Как известно из истории, то же самое совершил в свое время Бар Кохба. А в книге Павсания читаем о том, как атлет Битон также поднял большого быка, которого эллины гнали в Немею, чтобы принести в жертву Зевсу.

Тема эта нашла свое отражение и в эллинской скульптуре. В VI веке до н. э. неизвестным мастером был изваян «Мосхофор» («Несущий теленка») — один из значительных памятников ранней аттической скульптуры.

Кроме упомянутых побед в Олимпии Милон десять раз побеждал на истмийских играх, девять — на немейских и шесть — на пифийских. По свидетельствам современников, ударом кулака он сваливал быка. И нет ничего удивительного в том, что со временем реальные события обросли полуфантастическими подробностями.

Молодой Милон, по свидетельству историка и географа Страбона, входил в число учеников Пифагора.

Как-то во время занятий началось землетрясение и надломилась опорная колонна дома. Чтобы предотвратить несчастье, Милон до тех пор поддерживал свод здания, пока все не покинули его.

Милон Кротонский был не просто ученик, а друг и соратник Пифагора. И прославился не только как борец, но и как певец, всей своей жизнью подтвердивший пифагорейский идеал гармонии тела и души. Есть сведения, что он даже написал трактат «Физика» (который, к сожалению, не сохранился до наших дней). Когда же он выходил на песчаную площадку палестры, зрители особенно ясно ощущали, что между искусством и спортивной атлетикой нет непроходимой границы.

В период войны родного Кротона с городом Сибарисом Милона избрали полководцем. Подобно Гераклу, знаменитый герой сражался держа в руках огромную палицу и одет был в львиную шкуру. Один, он заменял целый отряд.

Богатырь из Кротона был и достаточно ловким. Во время Дионисий (осеннего праздника урожая) никто не мог столкнуть его с диска, смазанного маслом. Иногда же Милон становился не на диск, а на бурдюк с вином.

Ни один атлет не был в силах отнять у Милона гранатовое яблоко, которое тот зажимал в руке. Хотя это без труда удавалось Астилле, возлюбленной Милона.

Из современников, как гласила легенда, сильнее Милона был лишь простой пастух Титорм. Ухватив за задние ноги двух огромных быков, он удерживал их на месте. Правда, был, говорят, случай, когда один бык все же вырвался. Но при этом он оставил в руках силача... свое копыто.

В присутствии Милона пастух поднял и вынес из реки такой тяжелый камень, что кротонец едва смог сдвинуть его с места. Писатель Элиан передает: увидев такое, Милон воскликнул: «О, Зевс, ты послал нам нового Геракла!» — и впервые в жизни признал себя побежденным. Ибо факты (даже легендарные) — вещь упрямая.

Величественный лаконизм отличает двуступенчатое, написанное Симонидом Кеосским для статуи великого борца:

Милона славного это прекрасная статуя; в Писе¹
Семь одержал он побед и поражений не знал².

Недоумение вызывает лишь упоминание о семи победах: ведь достоверно известно, что в Олимпии Милон победил только (!) шесть раз.

Возможно, что седьмой победой Симонид считает победу над общественным мнением, которое долгое время было не на стороне знаменитого атлета (предполагают, что из-за его трудного характера). И лишь в последний раз болельщики единодушно приветствовали Милона.

Рассказывают, что уже в преклонном (сравнительно, конечно) возрасте он как-то отправился в лес, намереваясь принести дрова для своей старенькой матери. Забив клинья в щель толстого ствола, Милон руками попытался разорвать его надвое. Но тут освобожденные клинья упали на землю, и дерево зажало пальцы силача. Милон оказался прикованным к стволу.

Беспомощный, голодный и обессиленный, через несколько дней знаменитый атлет стал жертвой диких зверей. Так, согласно легенде, погиб Милон Кротонский, имя которого шесть раз было занесено в списки победителей древней Олимпии.

---

¹ Писа — одно из поэтических названий Олимпии. В действительности так называлось соседнее селение.

² Греческая эпиграмма. Пер. Ю. Шульца. М., ГИХЛ, 1960, с. 40.

КОГДА ПРОЦВЕТАЛ
ХЕРСОНЕС

Много приключений и бед пережили аргонавты, плывя под предводительством Ясона в поисках золотого руна. Нескоро, очень нескоро приплыл их корабль «Арго» к берегам загадочной Колхиды. Но все же, преодолев десятки опасностей, смельчаки добились своего.

Недалеко от устья Днестра в Черное море вдается Тендровская коса, у которой есть и другое название — «Ахиллов бег». По легенде, быстроногий Ахилл на этом месте состязался в скорости с другими героями.

В античный период наше Северное Причерноморье (преимущественно Крымское побережье и нынешняя Николаевщина), как известно, было колонизировано греками. Система физического воспитания, которая на протяжении столетий культивировалась в материковой Греции, распространилась и здесь: в Ольвии, Горгицции, Херсонесе и других колониях.

Сейчас живописные руины Херсонеса, частично реставрированного и превращенного в историко-археологический заповедник, напоминают нам о бурной жизни, бившей тут ключом еще в первом тысячелетии до нашей эры.

Эта колония возникла в V веке до н. э. И почти сразу же в Херсонесе стали проводиться гимнастические и конные состязания.

Агонистическая тематика получила широкое отражение в статуэтках, рельефах, фресках и вазовой живописи, которые находят тут археологи. Богатый материал дают и эпиграфические памятники, то есть надпи-

сп на каменных плитах, сосудах и даже на стенах домов.

Например, в одной из Ольвийских надписей, где речь идет о состязаниях в честь Ахилла Понтарха (т. е. властителя Понта — Черного моря), сказано, что «Пурфей, сын Пурфея, завоевал победу копьем и диском, а Еврисивий, сын Адоя, был первым в беге и прыжках».

Именно в Причерноморье возникает новый вид состязаний — анкиломахия. Есть основания предполагать, что так называлось метание шара с петлей. Сначала шар делали из дерева, а затем из металла. Такой снаряд, по всей видимости, напоминал молот, которым пользуются современные метатели-легкоатлеты. Впрочем, это еще лишь предположение и говорить с уверенностью о характере этого агона трудно, так как нигде, кроме Херсонеса, анкиломахия пока не известна.

В ближайшие годы археологи надеются раскопать в Херсонесе остатки древнего стадиона. А то, что здесь существовали и палестра, и гимнасий, тоже несомненно: популярность игр в колониях была ничуть не меньшей, чем в самой Греции.

В. В. Латышев, известный исследователь античного Причерноморья, писал: «Эти состязания пользовались большим уважением, и победа на них ценилась так высоко, что первые сановники государства не считали несогласным со своим достоинством принимать в них участие и свои победы с гордостью записывали в своих официальных документах»¹.

На каменной плите III века до н. э. (ее в 1823 году нашли археологи на легендарном острове Березань) была высечена такая надпись:

«Леонид, сын Ахилла, старейшина коллегии стратегов, победил в копьеметании».

Вообще, греки-колонисты, жившие на чужбине в окружении местных племен и народностей, не всегда настроенных дружелюбно по отношению к ним, были порой сплочены гораздо больше, чем эллины метрополии. Они старались поддерживать в своих городах состояние постоянной боевой готовности: ведь врагов можно было ожидать в любой час и с любой стороны.

---

¹ В. В. Л а т ы ш е в. Исследование о государственном строе и истории г. Ольвии. Спб., 1887, с. 19.

А иногда с нескольких сторон сразу. Кроме того, древние традиции далекой родины и праотцов приобретали в колониях особый вес и значимость. И в полной мере касалось это проведения различных состязаний.

Северочерноморские колонисты делали исключительный акцент на военно-атлетических упражнениях. В Ольвии и Херсонесе проводились ежегодные праздничные испытания под многозначительным названием: «Боевая готовность мужей». И все тут было почти так, как на войне.

Это очень хорошо объясняет в своей книге «Спорт в античном Херсонесе» историк и археолог Л. Г. Колесникова: «Херсонес, демократическая рабовладельческая республика, как и все античные государства, долгий период времени не знал наемной армии. Здесь каждый юноша, каждый взрослый мужчина — это прежде всего воин, защитник своего города, своего отечества, защитник интересов рабовладельческого государства»¹.

Археологические находки, прямые и косвенные историко-литературные данные свидетельствуют, что агонистика процветала в Херсонесе с V века до н. э. по II век н. э. включительно. Семьсот лет регулярных спортивных состязаний, согласитесь, немалый срок.

Л. Г. Колесникова подробно рассказывает обо всем, что касалось херсонесской агонистики. При раскопках местных захоронений исследователи находят сосуды для оливкового масла (им, как помните, растирались атлеты перед соревнованиями) и бронзовые серповидные стригили, чтобы после состязаний соскребать с тела песочно-масляную корку.

Хотя стадион и гимнасий в Херсонесе пока не найдены, нам известны имена гимнастархов и лучших атлетов. Так, в одной из надписей, высеченной на мраморной доске и относящейся к III веку до н. э., говорится:

Народ поставил статую Агасиклу, сыну Ктесия.
Предложившему декрет о гарнизоне и устроившему его.
Размежевавшему виноградники на равнине.
Бывшему стеностроителем.
Устроившему рынок.

---

¹ Л. Г. Колесникова. Спорт в античном Херсонесе. М.—Л. 1964, с. 17.

Бывшему стратегом.
Бывшему жрецом.
Бывшему гимнасиархом...

То, что Агасикл был избран гимнасиархом лишь после того, как доказал свои способности и достоинства на иных серьезных и трудных поприщах, еще раз подтверждает, сколь высокие требования предъявляли эллины к носителям этого звания.

В Херсонес часто приезжали греки из собственно Греции, а херсонеситы, в свою очередь, нередко посещали метрополию. И одним из поводов для таких посещений было участие в атлетических играх.

В одной из херсонесских гробниц III века до н. э. археологи обнаружили бронзовый сосуд с надписью: «Приз с праздника Анакий». Это торжество происходило в Афинах и было посвящено Диоскурам. На одном из этих праздников в состязаниях атлетов сильнейшим оказался безвестный для нас херсонесит...

Раскопки в Северном Причерноморье доказали, что здесь культивировались все основные виды агонистики. На одном из мраморных обломков ученые сумели прочесть:

Бег — Диокл...
Двойной бег — Диокл...
Длинный бег — Антилох...
Борьба — Критобул... и Феодосий...

Таким образом, мы имеем возможность прочесть имена победителей в различных атлетических состязаниях. В других надписях упомянуты метание диска, копьёметание и т. д.

В уже названной книге Л. Г. Колесникова пишет: «Херсонесские спортивные игры по своему характеру очень похожи на общегреческие. Как и олимпийские, пифийские и другие, они являлись частью большого народного праздника, длившегося несколько дней. Открывались игры торжественными жертвоприношениями. У алтарей и храмов жрецы принимали подарки в честь бессмертных владык города, среди которых главной была Дева. На центральной площади глашатаи читали тексты почетных постановлений, а должностные лица вручали награды достойным гражданам. Здесь же выступали философы, ораторы, ученые»¹.

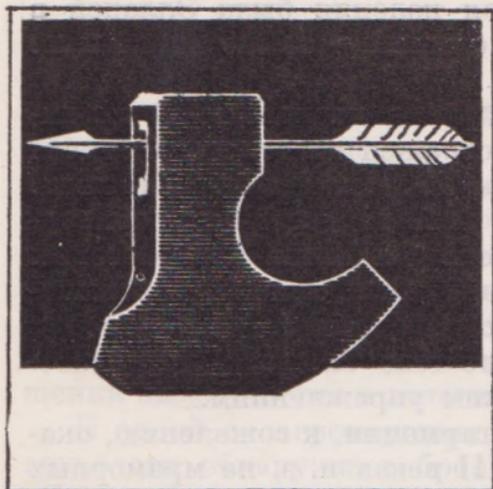
¹ Л. Г. Колесникова. Спорт в античном Херсонесе. М.—Л., 1964, с. 17.

Итак, каждая эллинская колония была Элладой в миниатюре. И атлетические агоны — те же (хотя и не столь многолюдные).

В Херсонесе найдено немало произведений эллинских мастеров, в которых отражен классический идеал гармонического гражданина. И выражен он чаще всего в фигуре юноши-атлета. В 1888 году тут была обнаружена мастерская коропласта (лепщика терракотовых статуэток). Лучшим из найденных лепных изображений оказался торс атлета: великолепно переданное в глине развитое, мускулистое тело человека, привыкшего к ежедневным физическим упражнениям...

Но эпоха атлетической гармонии, к сожалению, оказалась не вечной. Во II—III веках н. э. на мраморных фризах и глиняных светильниках Херсонеса появляются изображения гладиаторов. Как известно, гладиаторские бои родились в Древнем Риме. Возникшие сначала как культ человеческих жертвоприношений на тризне умершего или погибшего вождя, со временем они превращаются в кровавые спектакли для праздной римской публики. А поскольку с I века н. э. Херсонес попадает под власть Рима и тут размещаются римские легионеры, вполне закономерны изменения местных нравов. Одним из симптомов этого и явились гладиаторские побоища.

ЛУК ОДИССЕЯ

Физические упражнения, практикуемые между боями, были для эллинов обычным явлением. Элементы военные и спортивные тесно переплетались, легко переходя друг в друга. Ибо греческим воинам, особенно сражавшимся в тяжелых доспехах голятам, требовались сила, выносливость и сохранение боеспособности до самой старости.

В уже упоминавшейся XXIII песне «Илиады» под стенами Трои ахейские герои состязаются в дискометании, беге, борьбе, в кулачном бое, в беге колесниц и копьёметании. Наконец, уже в заключительной части погребальных игр Ахилл назначает и соревнование по стрельбе из лука. По условиям агона надо попасть в голубку, привязанную к мачте корабля, или в шнур, удерживающий птицу.

Закономерно, что лучники у Гомера выступают после прочих атлетов. Этот вид спорта не был главенствующим на античных стадионах ни в раннюю эпоху, ни в более поздние времена. На олимпийских же играх стрельба из лука отсутствовала вообще.

Впервые документы о спортивном состязании лучников появляются лишь в Северном Причерноморье: при раскопках в Ольвии был найден обломок желтомраморной плиты (стелы), относящейся к концу V — началу IV века до н. э.

Надпись на плите гласила: «Я говорю, что на 282 оргии стрелял из лука славный Анаксагор, сын Демагорея».

Оргия равнялась 1,85 м. Следовательно, Анаксагор выстрелил на 521,7 м! Это феноменальный результат даже для искусных античных и средневековых лучников.

В Северном Причерноморье этот агон был введен в первую очередь под влиянием скифов, которые кочевали по Тавриде. Их отношения с эллинами были весьма разнообразны: от дружеских совместных пиров и вплоть до яростных стычек и длительных осад городов, построенных колонистами-греками. И, к сожалению, свист стрел и стук мечей раздавались тут гораздо чаще, нежели веселые застольные речи.

Но все это вовсе не значит, что состязания лучников в собственно Элладе не практиковались никогда. Пбо прежде всего лук — один из древнейших боевых, охотничьих и спортивных снарядов. Недаром лучшим лучником был Аполлон-стреловежец. Он стал учителем царя Эврита, а тот, в свою очередь, обучил стрельбе из лука Геракла. Был среди героев и непревзойденный лучник Филоктет. Гомеровский Одиссей вспоминает:

Луком один Филоктет меня побеждал неизменно
Под Илионом¹, когда мы, ахейцы, в стрельбе
состязались.

Как видите, речь идет не о случайных состязаниях, а о систематических: Филоктет неизменно побеждал своих соперников. Об этом же свидетельствуют и уже упомянутые состязания лучников, которые устроил Ахилл.

Наконец, самое яркое, подробное и высокохудожественное во всей древнегреческой литературе описание лучной стрельбы — рассказ о расправе Одиссея с назойливыми женихами Пенелопы. Это знаменитое состязание по стрельбе из лука, а точнее, рассказ о безупречной стрельбе Лаэртида (так по отцу звали Одиссея — сына Лаэрта).

Бесцеремонные и бессердечные, домогающиеся не столько самой Пенелопы, сколько власти на Итаке, женихи вынуждают отчаявшуюся жену Лаэртида объявить состязание. Призом же победителю должна стать сама Пенелопа.

---

¹ Илион — одно из названий Трои.

Не без наущения со стороны Афины (вечной и верной покровительницы Лаэртида) и самого Одиссея царица предлагает женихам соревноваться в стрельбе из лука. Вот как говорит об этом Гомер в «Одиссее»:

...хочу состязанье назначить».
 В зале своем Одиссей топоры расставлял друг
 за другом
 Как корабельные ребра, двенадцать числом,
 отступивши
 Очень далеко назад, он простреливал все их
 стрелюю.
 Нынче хочу предложить женихам состязание это.
 Тот, кто на лук тетиву с наименьшим оденет
 усилием
 И топоров все двенадцать своюю стрелюю
 прострелит,—
 Следом за тем я пойду¹».
 (XIX, 572—579)

По манере женихов обращаться с этим оружием совершенно ясно, что оно им хорошо знакомо и как оружие состязания. Однако согнуть лук могучего Одиссея не смог никто: ни Леодей, ни Эвримах, ни Антиной, ни другие претенденты, несмотря на их недюжинную силу, всевозможные ухищрения и даже молитвы. Наконец, после долгих споров, насмешек и волнений лук попадает к хозяину — Одиссею, переодетому нищим.

...в руках обращая
 Лук свой туда и сюда, осторожно рассматривал,
 целы ль
 Роги и не было ль что без него в них попорчено
 червем.
 Глядя друг на друга, так женихи меж собой
 рассуждали:
 Видно, знаток он и с луком привык обходиться.
 (XXI, 392—396)

Пристальное внимание Одиссея к своему луку вполне понятно: Лаэртид не был дома ровно 20 лет и столько же лет не держал в руках это оружие. А столь подробные и обыденные детали свидетельствуют о том, что лук был хорошо знаком любому греку. Не меньше, чем, например, диск или копье.

Но вот Одиссей неожиданно легко натягивает тетиву и поднимает лук. Личина старого и немощного ни-

---

¹ Гомер. Одиссея. Пер. В. Вересаева. М., ГИХЛ, 1953. (В дальнейшем все цитаты приводятся по данному изданию.)

щего по волшебству спадает с него. Не дав женихам опомниться, Одиссей стреляет в кольца, венчающие обухи боевых секир:

...быстро от первого все до последнего кольца,
Их не задев, пронзила стрела, заостренная медью.
(XXI, 420—421)

Сделав то, что не смог сделать никто иной, Лаэртид вместе с сыном Телемахом расправляется с грубыми, самонадеянными и своекорыстными женихами...

Как видите, нельзя все же категорически утверждать, что на материке стрельба из лука не практиковалась как вид состязаний. Слишком уж широко отображены подвиги лучников в древнегреческой мифологии и эпосе, чтобы допустить их полное забвение на состязаниях атлетов.

Но отчего бы не предположить, что весьма распространенные в древнейшие времена (т. е. по крайней мере до 776 года до н. э.) после возобновления олимпийских игр Ифитом и Ликургом состязания лучников почему-либо из агонистической программы были исключены и снова обрели право спортивного гражданства уже в Северном Причерноморье.

Почему же отстранили лучников от участия в олимпийских играх? Причины этого могли быть самые различные. Главным же поводом стала всевозрастающая аристократизация агонов в классическую эпоху. Лук же, как известно, никак не мог быть отнесен к «рыцарским» видам оружия. Архилох, например, сообщает, что аристократия с острова Эвбея судьбу сражений всегда предпочитала решать мечом, весьма неохотно прибегая к луку и праще. А географ и историк Страбон писал, что во время Лелантской войны Халкиды и Эретрея заключили между собой договор, запрещающий пользоваться дальнобойным метательным оружием.

Вполне естественно допустить, что под давлением этих обстоятельств стрельба из лука постепенно отмирала как вид состязаний. И лишь в греческих колониях Причерноморья эти соревнования возродились под влиянием кочевников-скифов.

БЕССМЕРТИЕ
АТЛЕТОВ

По дороге, ведущей из Олимпии, медленно и торжественно движется колесница, запряженная четверкой лошадей. Окруженный родными и друзьями, в ней восседает олимпиец. Он доказал на берегах Алфея, что является сильнейшим, и теперь, облаченный в роскошное пурпурное одеяние, возвращается в родной город.

Награды? Их много. Но самые главные — всеобщий почет и венок из ветвей оливы. Украшенные белыми повязками, эти венки заранее выставлялись на золотых и бронзовых треножниках в притворе храма Зевса для всеобщего обозрения.

Церемония получения венка была довольно длительна. По окончании состязаний глашатай торжественно объявлял на весь олимпийский стадион имя и родину победителя. Затем элладники вручали ему пальмовую ветвь и приказывали вновь предстать перед ними в день вручения наград — последний день игр. Наступал заветный срок. И вновь звучали имя и название города олимпиеца. И, трижды огласив это, герольды трижды трубили в трубы. И разносились над священной рощей победные песни в честь того, кто получал наконец заветный оливковый венок.

А в начальный период существования олимпийских игр почетные венки выставлялись не на треножниках, а на специальном столе — столе Сколота. Искрустированный золотом, слоновой костью и драгоценными камнями, он стоял в храме Геры, построенном еще во II тысячелетии до н. э.

Между прочим, знаменитый олимпийский венок представлял собой одну-единственную ветвь маслины, слегка переплетенную и скрепленную лентой.

Кроме олимпиоников и периодоников были еще и, как помните, парадоксоники (атлеты, в один день вышедшие победителями в борьбе и панкратии, их называли также «преемники Геракла»).

Если же спортсмен оказывался сильнейшим в простом беге, в двойном и в гоплитодромии (бег с оружием), ему присваивался титул «триаст».

Специальные награды выдавались и за «семейные» победы, когда одна и та же семья из поколения в поколение воспитывала олимпийских чемпионов.

Когда в 407 году до н. э. известный панкратиаст Дорпэй с острова Родос — олимпионик и периодоник — во время морской битвы при Нотии попал в плен к афинянам, его тут же освободили, причем без выкупа (!). Так же точно в 333 году до н. э. Александр Македонский приказал освободить Дионисидора, попавшего в плен во время битвы при Иссе, когда узнал, что перед ним олимпионик.

Сразу же после очередных состязаний в Олимпии в родные города победителей отправлялись долихромы (скороходы — бегуны на длинные дистанции), чтобы сообщить родным, друзьям и согражданам нового олимпионика радостную весть.

Дома олимпионика ждала не менее волнующая церемония. Навстречу ему выходил чуть ли не весь город. Случалось, что разбирали часть городской стены, и атлет-победитель въезжал на родные улицы через этот пролом, минуя городские ворота. Описанный поступок имел глубокий символический смысл. Соотечественники таким необычным способом хотели показать, что город, в котором обитает столь прославленный атлет, не нуждается в крепостных стенах: в нужный момент победитель сам защитит своих сограждан от любой опасности.

Трудно найти что-либо равное по силе радости атлетического победителя и гордости его сограждан.

Однажды прославленный Диагор прибыл в Олимпию вместе с двумя сыновьями. На глазах у славного атлета его эмледники завоевали победы в кулачном бою и панкратии. Своими венками юноши украсили самого Диагора и пронесли его на руках вокруг стадиона. А

зрители бросали им цветы и кричали: «Умри, Диагор! Умри, умри, потому что тебе нечего больше желать в жизни!»

Эти крики были небезосновательны. В VI веке до н. э. спартанский мудрец Хилон умер на олимпийском стадионе от радости, увидев победу своего сына. Впрочем, говорили, что точно при таких же обстоятельствах умер впоследствии и сам Диагор. Но точных подтверждений в истории нет.

Своеобразие греков проявлялось и в том, что они увенчивали не только победителей-атлетов, но и лошадей, принесших победу своим хозяевам.

Вот праздник окончен. Однако всю ночь, до рассвета, длилось в Олимпии веселое пиршество победителей. Живший в V веке до н. э. Алкивиад, победив на ипподроме, пригласил на грандиозный банкет всех зрителей и даже... лошадей, участвовавших в состязаниях. А когда венок олимпийского победителя получил известный философ Эмпедокл, он выставил в качестве угощения огромного быка, слепленного из сладкого теста и дорогих пряностей.

Итак, веселые застольные песни не смолкали в Альтиде до зари. С приходом нового дня олимпионики приносили жертвы богам, благодаря благосклонности которых, как считалось, они победили.

Кроме всего, благодарные общины чтили победителей и денежными наградами. По закону Солона, каждый олимпионик получал в Афинах 500 драхм, а победители других общеэллинских игр — по 100 драхм. Иногда вспоминались древние традиции: олимпионик кроме венка награждался, если так можно выразиться, почетными призами.

А с 540 года до н. э. олимпионикам предоставлялось право ставить в Олимпии статуи с принадлежностями состязаний (например, с диском в руках). Но статую с портретным сходством мог себе поставить лишь тот агонист, который победил в Олимпии трижды. Еще во времена Павсания (II век до н. э.) в Олимпии стояло более 230 статуй, уцелевших от грабительства римлян.

Бывало, что изображение атлета заказывалось за счет горожан и ставилось не только в Олимпии, но и на родине победителя.

Еще в юном возрасте прославился знаменитый Феаген с острова Фасос (тот самый кулачный боец, который

на своем славном и многолетнем спортивном пути собрал более 1400 победных венков).

Будучи шестнадцатилетним юношей, он тайком утащил к себе домой приглянувшуюся ему бронзовую статую, стоявшую на рыночной площади. Ее, конечно, пришлось вернуть. Но слава о сказочной силе мальчика распространилась по всем греческим городам.

Когда Феаген вырос, он завоевал право поставить собственную статую в Олимпии, где побеждал не только в кулачном бою, но и в панкрати. Кроме того, он трижды доказывал свое неоспоримое преимущество в Дельфах, девять раз — в Немее и десять — на истмийских играх. Всех его побед, впрочем, не перечислить.

Олимпионикам даровалось право приносить собственным изображениям жертвы (как богам!). Сограждане же обожествляли их после смерти. Так случилось, кстати, и с Феагеном.

Существует предание о том, что один из недругов Феагена (их у строптивого и несговорчивого силача было много) решил несколько странным образом наказать уже мертвого врага: каждую ночь он стегал плетью его бронзовую статую. Но она покарала злобного святотатца: упала и убила его. По существовавшему закону любой предмет, убивший при падении человека, не должен был долее находиться в пределах города. И статую Феагена «утопили» в море. Но в тот же год остров постигло несчастье: неурожай, а затем голод. Жрецы святили эти печальные события с «осквернением памяти героя». Перепуганные фасосцы выловили статую сетями и вновь водрузили на пьедестал. С тех пор кулачный бой Феаген был возведен в ранг покровителя земледельцев. Кроме того, существовало поверье, что он исцеляет и от болезней.

Самые древние изображения атлетов делались из дерева. Но уже в VII веке до н. э. их стали высекать из мрамора и отливать из бронзы. Не только в самой Олимпии, но и на площадях многих городов стояли статуи атлетов, созданные прославленными скульпторами Эллады: Миронам, Поликлетом, Фидием, Лисиппом и другими. Исполненные с предельным реализмом, эти изображения и сейчас поражают нас своей динамичностью и величием.

Мастерство эллинских скульпторов было поистине удивительным. Как-то Мирон создал из бронзы статую

коровы. И выполнил ее столь реалистически, что, как рассказывали, к ней стал ласкаться какой-то теленок, случившийся поблизости, а проходивший мимо пастух даже сделал попытку загнать кнутом бронзовую корову в свое стадо...

Многих атлетов-современников изобразил мастер, расцвет творчества которого приходится на 480—440 годы до н. э. Восторженно описывали античные авторы статую неутомимого спартанского бегуна Лада и энергичную фигуру кулачного бойца. Трижды обращался Мирон в своем творчестве к образу Геракла.

Но самым прославленным и самым прекрасным из всех известных нам творений Мирона несомненно является Дискобол. Та самая статуя, бесчисленные копии которой и сегодня украшают наши музеи, дворцы, парки и стадионы.

К сожалению, время сохранило для нас лишь фрагменты копий Дискобола. Современные искусствоведы, скульпторы и археологи решили восстановить его «по частям». Оpoznать эти фрагменты (так называемые «реплики») ученым помогли очень точные описания знаменитой статуи, найденные в книгах античных писателей.

Итак, собрав и объединив все лучшее среди фрагментарных копий, сохранившихся в Риме, Флоренции, Лондоне и других городах, реставраторы-энтузиасты помогли Дискоболу родиться вторично!

* * *

Там, где были победители, неизбежно кто-то оказывался побежденным. Такова диалектика любой борьбы, даже самой спортивной.

Судьба проигравших была печальной и незавидной. Хотя сам факт поражения столь же закономерен, как и победа, но экспансивные греки презирали побежденных, усугубляя их и без того плачевное состояние.

Окольными дорогами, прячась днем в рощах, лишь по ночам пробирались домой те, кто потерпел поражение: им было стыдно взглянуть в глаза согражданам, надежды которых они «не оправдали».

ЛАБОРАТОРИЯ НА СВЕЖЕМ ВОЗДУХЕ

Неразделенность, органическая общность наук и искусств в Элладе принесли в свое время великолепные плоды. Общеизвестно, что древнегреческий врач Гиппократ считается «отцом медицины». Но не все знают другое: выдающиеся для своего времени успехи эллинских медиков в огромной мере были обусловлены общей системой физического воспитания: спорт и медицина в Элладе шли рука об руку.

Философ Платон в одном из своих диалогов вложил в уста Сократа такие слова: «...в общем служении телу я усматриваю две части: гимнастику и медицину. Они постоянно находятся во взаимном общении, хотя и отличаются одна от другой».

Если сначала эллины называли гимнастами тренеров-практиков, то со временем это звание стали носить педотрибы, которые разбирались не только в физических упражнениях, но и в их целительном действии. Так постепенно на античных стадионах рождалась лечебная физкультура.

Аристотель писал об атлете и педотрибе Геродике из Салмирии. Современник Гиппократа, этот тренер как-то заболел и, задумавшись над причинами своей болезни, постепенно создал систему лечебных упражнений. Путем специальных (и упорных!) тренировок Геродик добился того, что его организм лучше стал усваивать пищу, окреп и, наконец, исцелился.

Вполне понятно и закономерно, что врачебная гимнастика возникла значительно позднее олимпийского

спорта: в своем медицинском значении этот термин родился только в V столетии до н. э. Первым из греков, насколько нам известно, стал лечить физическими упражнениями Иккос из Тарента. Тот самый Иккос, который в 446 году до н. э. был занесен в списки олимпийщиков.

Итак, врачи и атлеты шли от практики к теории. Теоретические обобщения рождались на базе многолетнего опыта спортсменов и их воспитателей. В своем «Описании Эллады» Павсаний сообщает: «Гисимон из Элиды, когда еще был мальчиком, болел ревматизмом и решил заняться пятиборьем, чтобы с помощью упражнений стать здоровым человеком. Со временем он победил в Олимпии и в Немее». Конечно, столь радикальный метод лечения ревматизма пригоден далеко не для всех. Но полезно уже хотя бы знать, что он существует...

Немало подобных рассказов находим мы и в произведениях других древнегреческих писателей классического, эллинистического и даже римского периодов. Продуманные и ежедневные упражнения делают больного человека атлетом-победителем! Такой сюжет был довольно распространенным в эллинской литературе начиная с V века до н. э. и вплоть до III столетия нашего времени. Заслуживает несомненного внимания, например, рассказ писателя Элиана (он жил на рубеже II и III веков н. э.) об эллинском аристократе Стратоне:

«Он принадлежал к благородному роду, однако полностью (как это ни странно) пренебрегал телесными упражнениями. Но когда стал страдать болезнью селезенки и врачи предписали ему упражняться в гимнастике, Стратон сначала занимался этим настолько, насколько необходимо было для здоровья. Постепенно делая успехи в этих занятиях, Стратон увлекся ими и во время олимпийских игр на протяжении одного дня стал победителем и в борьбе, и в панкратионе. Он и вторично завоевал победу в Олимпии, а также отличился на немейских, пифийских и истмийских играх»¹.

Сегодня же целительная сила физических упражнений стала еще более очевидна. Вспомним хотя бы Вильму Рудольф — «черную газель», олимпийскую чемпионку в беге на 100 и 200 м и в эстафете 4 × 100 м (три золотые медали!) в Риме.

---

¹ Элиан. Пестрые рассказы. М., Изд-во АН СССР, 1953, с. 47.

А ведь до восьмилетнего возраста Вильма Рудольф была парализована. Добавьте к этому, что росла она в бедной многодетной пегритянской семье. Но тем не менее настойчивость девочки и лечебные упражнения сделали свое доброе дело. Комментарий, как говорится, излишни.

В трактате «О древней медицине» Гиппократ писал: «... те, кто имеет опыт в гимнастике и укреплении сил, постоянно открывают что-нибудь такое, с помощью чего каждый, пользуясь соответствующей едой и питьем, сможет достичь немалого: стать могучим и здоровым». Итак, речь уже не только о гимнастических упражнениях, но также и о рациональном режиме питания.

Почти во всех трудах Гиппократа вы найдете рекомендации относительно комплексных упражнений для лечения самых различных заболеваний. Огромное значение придавал «отец медицины» образу жизни людей, неизменно связывая их здоровье и склонности с существующими социальными условиями.

Живший на столетие позже Гиппократа, современник Платона, врач и педотриб Дипокл написал весьма интересную книгу, назвав ее «Гигиена». В этом труде содержится немало рекомендаций по режиму дня, как сказали бы теперь, для людей самых различных склонностей и возраста. Вот одна из самых общих рекомендаций:

«Вставать надо всегда еще до восхода солнца. Проснувшись, потереть голову и затылок в том месте, где заглавила подушка. Тихонько и равномерно растереть все тело маслом, а лицо и глаза смочить чистой холодной водой; десны и зубы тщательно почистить изнутри соломой и стеблями луговых трав; уши и нос помазать благовонным маслом; волосы на голове носить покороче и мыть ежедневно.

По окончании туалета молодые люди отправляются в гимнасии для ежедневных гимнастических упражнений, а более пожилые могут принимать ванну или делать себе массаж. Затем следует завтрак — не из мясной пищи, а состоящий из ячменной похлебки или супа из овощей, ячменного хлеба (не слишком мягкого), вареной капусты и огурцов; пить надо воду, белое вино с медом или мед. После этого следует отдыхать в прохладной тени, в защищенном от ветра месте, а потом опять заняться или прогулка, гимнастические упражне-

ния и вапша: холодная для молодых, теплая для стариков.

Вечером (а летом перед заходом солнца) обед, более питательный, чем завтрак: кроме хлеба, и овощей, и ячменной похлебки рекомендуется рыба, мясо козы, баранина, или свинина, или же птица, а на десерт фиги, виноград и другие фрукты...»

У современного читателя этот небольшой фрагмент из труда Диокла неизбежно вызовет вопросы. Во-первых, неясно, когда же древние греки работали? Ибо трудовых моментов «Гигиена» IV века до н. э., как видите, не предусматривала.

Но ведь это подробное расписание дня свободного эллина-аристократа, за которого в основном работали слуги и рабы. И вповь, уже не впервые, нам открывается классовый принцип античной агонистики!

Во-вторых, как видим, эллинская медицина рекомендовала гражданам питаться не более двух раз в день. Причем утренние тренировки проводить натощак.

И, наконец, в-третьих. Мы сегодня считаем, что на ночь не стоит есть обильно. Древние же греки исповедовали другой принцип: поскольку ночью организм отдыхает от большинства дневных нагрузок (физических и нервных), то именно во время сна он может заняться всерьез перевариванием пищи. Поэтому вечерняя трапеза благородных эллинов была весьма солидной (особенно в сравнении с дневной).

Автор предоставляет специалистам по гигиене питания оценить правомерность этих взглядов. Но как тут не вспомнить меткое замечание одного из современных советских сатириков: «Время от времени медицина заявляет, что теперь — все наоборот!»

А теперь опять несколько слов о растираниях. Не только борцы и панкратиасты, но и пловцы тех времен перед соревнованиями умащали свои тела маслом, справедливо считая, что это повышает их шансы на победу. Во всяком случае, уже тогда педотрибы замечали: после натирания и массажа спортсмен «обретал дополнительную энергию и становился более выносливым».

Но с наибольшим тщанием массировали свои конечности, грудь и спину и растирались оливковым маслом кормчие гребных судов. Многовесельные эллинские триеры состязались в скорости и маневренности, плыве

вдоль скалистых берегов Эгейского, Ионического и

Средиземного морей. И если по вине кормчего судно садилось на мель (или на камни), то по неписаной традиции гребцы сбрасывали своего рулевого с высокой кормы в воду. И до берега тот добирался уже вплавь...

Если вспомнить, что гребные гонки античности проводились не только в теплую пору года и что в те далекие времена быть кормчим имел право мужчина не моложе пятидесяти пяти лет, то становится понятной особая актуальность «масляных массажей» для эллинов пожилого возраста...

Еще один выдающийся практик и теоретик античной медицины древнеримский врач Гален приобрел громадный опыт, исцеляя раненых гладиаторов.

Он считал, что учитель гимнастики должен хорошо разбираться в физиологии, а его помощник — лишь следить за выполнением физических упражнений. Гален недвусмысленно сравнивал педотриба с опытным врачом, который соответственно индивидуальным особенностям человека прописывает ему лекарства или диету. А помощник его — словно повар, который лишь готовит блюда, не имея представления об их лечебных свойствах. Так писал римский врач в своем трактате «О здоровье».

Взгляды Галена почти полностью совпадали с мыслями Аристотеля, который учил: педотриб лишь должным образом направляет лечебные тренировки, в то время как гимнаст уже непосредственно приводит в соответствующее состояние весь организм своего подопечного.

Великие эллины ежедневно объединяли свои теоретические выводы с практикой стадионов и палестр. И это им очень помогало! Недаром же, как помните, и Платон, и Сократ, и Аристотель были прекрасными атлетами, а Гиппократ выступал как борец и всадник.

Сравнивая образ жизни различных народов, «отец медицины» часто делал не только медицинские, но и социальные обобщения. В трактате «О скифах» он справедливо заметил: «... от покоя и лени возрастает трусливость, а от трудов и упражнений — храбрость».

Поэтому, между прочим, Гиппократ советовал молодым врачам как можно чаще посещать не только гладиаторов, но и второстепенные игры, на месте оказывая первую медицинскую помощь» травмированным атле-

И в то же время при всем нашем уважении к древнегреческим тренерам и атлетам временами трудно и даже невозможно поверить, что за три тысячи лет до наших дней жили и состязались спортсмены, которые могли бы не только помериться силами с современными чемпионами, но и, возможно, кое в чем их даже превзойти. Ведь наука тренировок тогда лишь зарождалась...

Однако не следует забывать, что олимпийские игры античности активно существовали более тысячелетия! И это лишь по официальному календарю. Легко себе представить, какой огромный и разнообразный опыт был накоплен и осознан атлетами, тренерами и врачами за это время. Опыт, несомненно передававшийся из поколения в поколение и даже нашедший свое отражение в письменных источниках.

В частности, доказательством этого (одним из многих!) является и то, что обязательным условием участия в древних олимпиадах были круглогодичные тренировки: педономы и элланодики хорошо знали и любили свое дело!

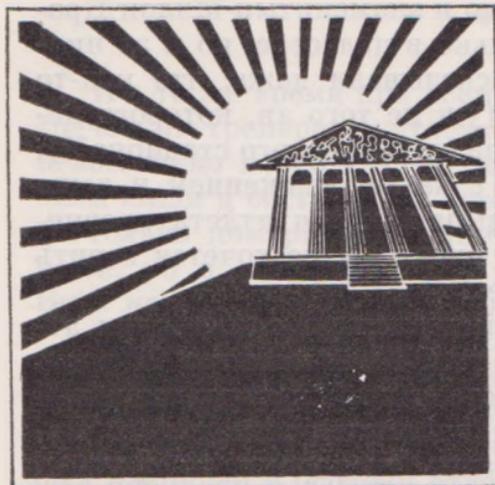
Известно и другое: уже в те далекие времена педотрибы и гимнасты изобрели самые различные атлетические упражнения: тяжелые чередовались с легкими, стадия напряжения сменялась расслаблением, существовали упражнения для выработки выносливости и скорости, равномерного дыхания, развития грудной клетки, гибкости позвоночника, укрепления отдельных групп мышц и многие другие. Система тренировок органически дополнялась всевозможными диетами и режимом не только дня, но и ночи (избыток сна порой приносит не меньше вреда, чем недосыпание). А про ванны, массаж и тренировки патошак уже говорилось.

Питались атлеты архаической и классической эпох преимущественно просто: ячменный хлеб, пшеничная каша, орехи, фрукты, свежий сыр. Лишь позднее в атлетический рацион были добавлены мясо и даже сало. В частности, это относилось к борцам и папкратиастам, которых иногда буквально откармливали жирным мясом, чтобы они скорей набирали вес. Но именно последнее часто бывало причиной не столько их избыточной силы, сколько насмешек над неповоротливыми и ограниченными толстяками.

Кстати, есть сведения, что и знаменитый Милон Кротонский был первым не только в палестре, но и за пиршественными столами. Рассказывали даже, что как-то он один съел целого быка (уж не того ли, которого перенес в свое время через поле олимпийского стадио́на?!).

Но когда вспоминаешь, с каким уважением и даже преклонением описывали выдающегося атлета древнегреческие и древнеримские писатели, не хочется верить столь сомнительной легенде...

На протяжении столетий достижения эллинских атлетов, тренеров и даже врачей были забыты. И лишь начиная с XVI века снова стали изыскать из античной агонистики медицинские и педагогические уроки. Постепенно между спортсменами, тренерами и врачами восстанавливаются творческие и дружеские взаимосвязи. Те самые взаимосвязи, которые впервые родились еще за много столетий до нашего времени. Ибо античные стадионы были не только местом непрерывных тренировок и состязаний, не только мастерскими и студиями древних художников, но еще и первыми научными лабораториями медиков — лабораториями на свежем воздухе.

ПОЧЕМУ ЖЕ
ИМЕННО В ЭЛЛАДЕ

Будет вполне естественным, если у читателя возникнет вопрос: почему именно в Древней Греции так пышно расцвела физическая культура? Ведь в античном мире существовало много своеобразных и могущественных держав.

Ответ на этот вопрос надо искать в совокупности фактов и общественно-исторических явлений эллинской повседневности. Этот комплекс причин един в своем многообразии.

Первым стимулом, обуславливающим заботы о физическом воспитании граждан, конечно, следует считать необходимость создания сильного войска при сравнительно немногочисленном населении. Чувство патриотизма, развитое у греков необычайно остро (как, впрочем, у любого оседлого народа), приказывало им всегда быть готовыми к обороне отечества.

Эллинский писатель-историк Ксенофонт говорит: «Земля заставляет отстаивать свою страну с оружием в руках, ибо она производит плоды, ничем не защищенные, которыми всякий может завладеть».

Эти слова Ксенофонта хоть и неполно, однако отражают действительное положение вещей. Если же выдвигать тезис военного могущества на передний план, то сразу же надо оговориться: эта цель главенствовала над всеми остальными только в Спарте и на Крите. Но неправильно было бы ей отводить единственно ведущую роль в жизни всех государств Древней Греции. Ибо, что касается обычной необходимости отражать нападения

и воевать самим, то с пей сталкивались не только эллины, но и любой народ с доисторических времен и до наших дней. Поэтому нельзя рассматривать военные цели в физическом воспитании как нечто характеризующее лишь древнегреческий образ жизни.

Более того, многочисленные историко-документальные и литературные источники свидетельствуют: физическая культура всегда являлась у греков символом спокойного процветания, о чем лучше всего говорит мирный характер священных игр.

Вспомним и основную статью олимпийского устава: принимать участие в состязаниях имели право лишь те атлеты, города и государства которых не находятся в состоянии войны с какими-либо иными городами и странами (жаль, что сегодня это положение порой предается забвению). Такой же мирный характер носили пемейские, пифийские и все другие игры.

Порой греки в самый критический момент забывали о войне ради мирных состязаний. Как известно, после Фермопильской битвы к персам пробралась группа перебежчиков. Когда царь и полководец Ксеркс через переводчика стал спрашивать, чем занимаются сейчас греки, прибывшие рассказали: эллины проводят очередные олимпийские игры, любясь гимнастическими и конными состязаниями. На вопрос о том, что служит наградой победителю, перебежчики отвечали: олимпийщик получает, как всегда, оливковый венок. Тогда один из приближенных царя воскликнул: «Горе нам! Против такого народа мы воюем! Они состязаются не ради денег, а из-за доблести!» Опасения перса вскоре подтвердились: греки доказали, что «воюют не числом, а умением».

Так повествует Геродот. Однако было бы опрометчиво полагаться лишь на один-единственный рассказ. Поэтому обратимся к еще одному источнику — речам знаменитого древнегреческого оратора Демосфена.

Упрекая своих сограждан в излишней беспечности, когда дело касается военных приготовлений, оратор восклицает: «... как вы думаете, граждане афиняне, почему это так происходит: праздники панафиней и дионисий всегда справляются в надлежащее время, независимо от того, каким людям — сведущим или неопытным — выпадает жребий устраивать те или другие, и на эти празднества затрачиваются такие деньги, сколько не

идет ни на один из морских походов, и вдобавок это требует столько хлопот и приготовлений, сколько вряд ли идет на что-либо другое: между тем военные походы все у нас запаздывают, не попадая вовремя в Мефону, в Пегасы, в Потидею! Это потому, что все касающееся праздников установлено законом и каждый из нас вперед еще знает, кто назначен хорегом, кто гимнасиархом от данной филы, когда, у кого и что надо получить и что потом надо сделать; ничего в этих делах не забыто, не оставлено невыполненным и непредусмотренным; наоборот, в том, что касается войны и военных приготовлений,— не установлено, не налажено, не предусмотрено ничего»¹.

Кажется, трудно выразиться ясней. И хотя в данном случае Демосфен отнюдь не одобряет существующее положение вещей, из его слов ясно, как афиняне относились к войне и как — к священным праздникам и играм. Не будет ошибкой, если мы с вами отнесем слова оратора ко всей Древней Греции (исключая разве что Спарту).

Теперь представьте себе, как легко было бы врагам победить беспечных в военном отношении эллинов, если бы те не придавали физическому воспитанию и закалке такое большое значение. Но древние греки были отличными воинами, и захватчикам редко удавалось их одолеть.

Символичны и некоторые указания мифологии эллинов. Так, на легендарных играх, устроенных некогда Гераклом, Аполлон побеждает в кулачном бою Арея — самого бога войны!

Многочисленные гимнасии украшались статуями Гермеса, бога врачевания Асклепия, Тесея, Геракла и других богов и героев. Но статуи Арея не было там никогда!

Красивое, гармонично развитое тело являлось признаком свободного гражданина, чаще всего аристократа, выгодно отличая его от раба. Что же касается бедных слоев свободного населения, то они не могли уйти от повседневных житейских забот для систематических тренировок и состязаний. Поэтому в списках олимпийщиков мы встречаем очень много имен архонтов, полководцев, государственных деятелей и просто богатых людей.

---

¹ Демосфен. Речи. М., Изд-во АН СССР, 1954, с. 54.

С другой стороны, справедливость требует отметить, что выдающиеся атлеты и олимпийники были почти во всех городах Греции, а не только в наиболее крупных. География каменных плит с именами победителей весьма разнообразна и еще раз подтверждает необычайную популярность спорта у греков. И хотя преимущественно лишь в рамках одного общественного класса, но эллины сделали физическую культуру в своей стране явлением действительно массовым.

Что же касается рабов, то их допускали к участию в состязаниях лишь на празднике Зевса в местечке Агирни и в италийском городе Арции, где соревновались невольники, бежавшие от своих господ.

Да, рабы и убегали от своих хозяев, и часто восставали против них. И многие исследователи справедливо рассматривают как одну из причин популярности агонистики в среде аристократов необходимость постоянной борьбы с восстающими рабами.

Однако считать эту причину главной и тем более единственной было бы неверно.

Историк спорта Г. Дюпперон справедливо называет физическую культуру «специфическим, национальным элементом эллинской жизни, сросшимся с ней с незапамятных времен»¹. Всякий равноправный гражданин должен был заниматься спортом, если он рассчитывал играть какую-нибудь роль в своем государстве. Эти занятия делали эллина выше (по крайней мере в собственных глазах) чужеземцев.

Нельзя забывать и об эстетических требованиях. Будучи учителями всего мира в искусстве, греки стремились создать красивые формы и в жизни. Изображая прекрасных людей, греческие скульпторы приучали эллинов ценить красоту человеческого тела не только в искусстве, но и в окружающих соотечественниках. В свою очередь, как уже говорилось, они находили множество идеальных моделей среди занимающихся в гимназиях и на стадионах.

Эстетическое чутье греков, их постоянное стремление к гармонии в большой степени обуславливалось и окружающей природой. Естественно, что это оставило след в миропонимании греков, в их психике.

---

¹ Г. Дюпперон. Краткий курс истории физических упражнений. Л. 1924, с. 16.

Немалое значение в проведении игр и просто состязаний имели и религиозные убеждения. Недаром в программу всех игр включали священный церемониал, предшествующий выступлениям атлетов. Религия учила, что нет лучшего способа угодить богам, чем провести торжественные игры.

Кроме того, на стадионе обычно присутствовали зрители из всех без исключения полисов. И было тем более почетно выиграть приз «на глазах всей Эллады».

Следует учесть и то, как вообще любили древние греки всевозможные агоны. Вся греческая жизнь была пронизана традиционным и желанным духом соревнования.

Объяснение этому очень хорошо дает Карл Маркс. Сравнивая народы на ранней ступени их развития с различными типами детей, он писал: «Разве в детской натуре в каждую эпоху не оживает ее собственный характер в его безыскусственной правде? И почему детство человеческого общества там, где оно развилось всего прекраснее, не должно обладать для нас вечной прелестью, как никогда не повторяющаяся ступень? Бывают невоспитанные дети и старчески умные дети. Многие из древних народов принадлежат к этой категории. Нормальными детьми были греки»¹.

А какой же нормальный ребенок упустит случай побегать, испробовать свои силы в борьбе, посостязаться с товарищами! Нельзя не учитывать национальные особенности того или иного народа: часто именно они играют решающую роль.

Вот основные причины, которые только в своей совокупности могут объяснить, почему именно в Элладе так пышно расцвела физическая культура.

---

¹ К. Маркс. К критике политической экономии. Введение.— К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд., т. 12, с. 737.

ГИБЕЛЬ ОЛИМПИАД

Итак, выступая на состязаниях, эллины отстаивали не только свою честь, но и авторитет родной общины, города, целого государства. Так считалось, даже если участник был еще ребенком. Вот известная эпиграмма Симонила Кеосского, посвященная юному борцу Феогенту:

Вот он, смотри, Феогент, победитель в Олимпии,
 Столь же прекрасный на вид, как и искусный ^{мальчик,}
 И на ристалищах ловко умеющий править конями, — ^{в борьбе.}
 Славою он увенчал город почтенных отцов¹.

И хотя в те далекие времена, как уже говорилось, не было «командных выступлений», каждый атлет представлял общие интересы, за его плечами стояли сотни его сограждан, общинные традиции и боги, славу которых он мог как приумножить, так и запятнать.

В конце IV века до н. э. распался Афинский морской союз и в Элладе наступили печальные времена македонского господства. В 338 году до н. э. в битве при Херонее македонский царь Филипп окончательно разгромил греческие войска. Две трети эллинского ополчения попали в плен, тысячи воинов пали смертью храбрых.

После поражения при Херонее священные игры фактически носили характер соревнования между ослабленными распрямами и войнами государствами-полисами.

¹ Греческая эпиграмма. Пер. Л. Блуменау. М., ГИХЛ, 1960, с. 82.

Вполне понятно, что для каждого города было почетно иметь победителя на празднике, уходящем корнями в доисторические времена. Граждане враждующих полисов таким путем пытались возвысить себя в глазах соседей.

И, как ни странно, в эпоху эллинистического упадка (особенно в III—II веках до н. э.) чем больше победителей-атлетов имело государство на играх, тем больше шансов имело оно и на признание своего превосходства, и на руководящую роль во всей Греции.

Однако еще через два-три столетия статьи олимпийского устава постепенно утрачивают свое священное значение. Все чаще атлеты-любители вынуждены уступать место профессионалам, выходцам из среды пролетаризованной массы греческого населения и вольноотпущенников. Таких атлетов город или даже частные лица просто нанимали за деньги, что уже не считалось таким позорным, как в древности.

Олимпийские игры постепенно приходят в упадок. Этому кроме экономических и социальных причин способствовал и религиозный скептицизм: грек уже не относился к своим богам с прежним почтением и страхом, что, в свою очередь, отразилось на авторитете экехейрии: начиная со второй половины V столетия до н. э. священное перемирие соблюдалось уже не так свято, как раньше.

Впрочем, известен такой случай. Когда солдаты македонского царя Филиппа ограбили путников, едущих на очередные олимпийские игры, грозному отцу Александра Великого пришлось заплатить штраф.

В 420 году до н. э. за военные действия во время экехейрии Спарта была устранена от участия в олимпийских играх. Но высокомерные и независимые лакедемоняне на сей раз не покорились. В ответ на решение Олимпийского совета они захватили Элиду и принудили элейцев заключить с ними договор о всестороннем взаимодействии. Лишь в 371 году до н. э. благодаря энергичному вмешательству фиванцев Элида снова обрела независимость.

Затем в 365 году до н. э. Олимпию захватили аркадяне. Они укрепили холм Крона, готовясь к 104-м олимпийским играм. Но когда праздник достиг своего апогея, элейцы внезапно напали на аркадян, и на мирном стадионе закипела жестокая битва. Хотя законные хозяе-

ва Олимпии были в явном меньшинстве, сражались они с таким отчаянным мужеством, что победили захватчиков-аркадян и вышвырнули их за пределы священной олимпийской округи.

Все игры, проведенные под эгидой спартанцев и аркадян, были объявлены элейцами недействительными, и с той поры они назывались «анолимпиадами». Что ж, и юридическое, и моральное право было на стороне элейцев. Аркадяне не постыдились даже ограбить сокровищницы храмов Олимпии, дабы выплатить жалованье солдатам-наемникам: авторитет богов, равно как и сама вера в неприкосновенность Олимпии, были поколеблены еще больше...

Между тем правила древних состязаний, особенно кулачного боя, становятся все более жесткими, сквозь благородные контуры древних игр все чаще проглядывают уродливые черты грядущих кровопролитных гладиаторских схваток.

Малоимущие эллины теперь могли пробиться на игры, но лишь благодаря своим феноменальным физическим данным. Нередко отсутствие средств для занятий спортом вынуждало атлета выступать за плату. Так постепенно ширился спортивный профессионализм — еще одна причина заката олимпийских игр.

По мере увеличения заявляемых на играх профессионалов уменьшалось число заявок от любителей: немногие решались рисковать здоровьем и жизнью в борьбе с могучими, свертренированными и безжалостными соперниками. Правда, профессионал получал в Олимпии лишь венок, но он компенсировал это на играх, где выступал за плату.

Авторитет олимпиад сильно подорвала утрата Грецией независимости под властью Македонии. Хотя и Филипп, и его сын Александр Македонский высказывали свое благоволение к эллинским состязаниям, а Александр даже присылал в Олимпию конные упряжки и, таким образом, заочно участвовал в играх, однако уже сам факт присутствия захватчика на стадионе омрачал праздник эллинов.

Затем наступает римский период истории Греции. Весьма ощутимо пострадала Олимпия в 86 году до н. э., когда Сулла беззастенчиво ограбил храмы, вывез все ценности, а приглашенных спортсменов высокомерно вытребовал в Рим. В это грустное и позорное для гре-

ков время атлеты состязались лишь в беге, как в древнейшие времена.

Одна за другой уходят в забвение статьи олимпийского устава. Теперь иноземцы уже допускаются к участию в играх (например, завоеватели македоняне и римляне, которых было просто опасно не пустить на состязания). А чтобы хоть формально придерживаться параграфов umpрающего устава, их объявляли... греками(!).

Но, как ни странно, римское владычество I—II веков н. э. можно считать относительно спокойным временем. Горячую заинтересованность в судьбе олимпиад проявили императоры Август, Тиберий, Нерон и Адриан. Однако олимпийский огонь уже лишь тлеет, а не горит.

Достаточно вспомнить хотя бы такой эпизод. В очередных олимпийских играх соблаговолил участвовать сам император Нерон. Приближенные взгромодили надменного римлянина на колесницу, и кони помчали его по ипподрому. Конкурентов у императора, конечно, не было.

На повороте он вывалился из колесницы, а потерявшие управление кони разбились двуколку о разграничительные столбики, стоящие по оси поля.

Император отделался сравнительно легкими ушибами. Позор был значительно ощутимей. И тем не менее услужливые придворные подняли незадачливого возницу, стряхнули грязь и пыль с его роскошных одежд и... водрузили на голову Нерона олимпийский венок. А глашатай громко объявил римского императора победителем. Стадион угрюмо молчал...

Именно в тот период рядом с изображениями эллинских богов и великих атлетов появляются статуи римских императоров: Октавиана Августа, Тиберия, Клавдия, Тита, Траяна, Адриана и Германика. Последний (отдадим ему должное) сумел все же достаточно умело преодолеть дистанцию на олимпийском ипподроме, управляя четверкой коней (так называемая квадрига).

Но славные традиции Альтиды и долины Алфея были для рационалистов-римлян лишь страницами истории. Да еще и не всегда понятными страницами.

Впрочем, это можно сказать не только о римлянах. Еще до них в Олимпию со всех концов эллинистического мира съезжались граждане необъятной империи Александра Македонского, греки по происхождению.

Они прибывали из Сирии, Египта, Малой Азии и других мест, но кровных связей с эллинской культурой у них уже не было: эти многочисленные гости были уже носителями совсем иных вкусов и социальных взглядов.

Прибывающих в Олимпию гостей уже в IV веке до н. э. встречали гиды (возможно, первые гиды в мире!) и рассказывали о славной истории игр, храмов, о наиболее выдающихся олимпиадах и, конечно же, создателях прекрасных статуй. И молодые греки слушали все это так, как слушают прекрасную, но не очень правдоподобную легенду. Греки, которые, собственно, уже и не были греками...

После прихода в Олимпию римлян игры совсем уже утратили значение великого народного праздника всей Греции. А во второй половине III века н. э. над Элладой нависла новая беда: ей угрожает племя герулов. Лихорадочно ведутся фортификационные работы в Олимпии, ибо варвары должны пройти именно здесь.

Для возведения крепостных стен разбирают не только здания палестр и гимнасий, но даже частично и храмы богов. В качестве строителей-фортификаторов трудятся и атлеты. Но герулы до Олимпии не дошли.

Однако не захватчики, и не могущественные тираны, и даже не варвары-кочевники «похоронили» олимпиады, а христианская церковь. Как государственная религия Римской империи христианство не желало терпеть рядом с собой прекрасный и столь соблазнительный эллинский пантеон. Тем более что «языческие игры» с их гармонией человеческого тела и разума входили в опасное противоречие с главными догматами христианского вероучения. В частности, они противоречили властному призыву церковников «умерщвлять грешную плоть».

Последние олимпийские игры античности состоялись в 393 году н. э. А последним олимпиадом, чье имя было зафиксировано на мраморных скрижалях, оказался даже не грек, а могучий армянский князь Вараздат — несокрушимый кулачный боец. Между прочим, слава олимпиады в немалой степени способствовала тому, что, вернувшись в родную Армению, князь Вараздат стал царем Вараздатом...

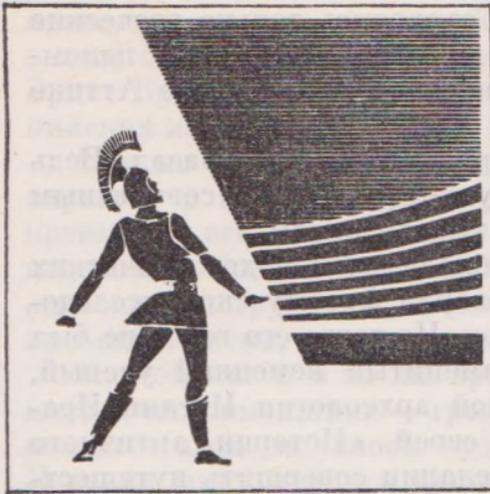
А еще через год декретом императора Феодосия I олимпийские игры были запрещены как «богопротивные и языческие», изображения эллинских богов сброшены

с пьедесталов, храмы разрушены и разграблены. Много бронзовых статуй олимпийцев римляне вывезли в Вечный город и... переплавили. А двумя годами позже готы под предводительством Алариха вторглись в Олимпию и полностью разграбили ее, довершив начатое Суллой.

Наконец, в 426 году по приказу Феодосия II римляне сжигают храм Зевса. Статуя бога — творение бессмертного Фидия, одно из семи чудес света — была увезена в Константинополь.

В VI веке разгром Олимпии довершают два сильных землетрясения. А затем неожиданно разливаются Алфей и Кладей, песок заносит олимпийский стадион и всю долину.

Неужели Олимпия умерла?! Нет, она лишь заснула. Покрытые толстым слоем ила, остатки Зевсовой округи много столетий ждали своих исследователей: историков, археологов, искусствоведов и этнографов.

БОГИ ПОКИДАЮТ
СТАДИОН

Это почти невероятно, однако Олимпия действительно была забыта более чем на тысячу лет. Мрачное Средневековье мало способствовало буйной радости, которую рождает избыток физических сил в союзе с моральным здоровьем.

Эпоха Возрождения, сменившая Средневековье, не только принесла новое и светлое в сферу искусства, литературы и науки. Она постепенно возрождала из мрака забвения все то прекрасное, что создал древний мир. Именно в это время ученые, поэты и врачи начинают говорить и писать о необходимости возобновления олимпийских игр и возрождения принципов, на которых они держались.

В конце XVIII — начале XIX столетия в долине Алфея появляются археологи: начинаются регулярные раскопки и совершаются первые сенсационные открытия.

Тогда же один из основоположников современной гимнастики Гутс-Мутс первый официально предложил вернуться к древним олимпиадам. Но настоящим толчком для новой олимпийской эры стали раскопки, которые провел в долине Алфея археолог Эрнст Курциус. Его первый доклад «Олимпия», прочтенный в Берлине 10 января 1852 года, назвали впоследствии «зарей современных олимпиад».

Дело ограничивалось разговорами до тех пор, пока за него не взялся энергичный майор Эвангелис Цаппас. На его средства в 1859 году были осуществлены Пангрече-

ские игры в Афинах, куда съехались только греческие спортсмены. Около 20 000 зрителей совершили паломничество на построенный еще при царе Героде Аттике стадион.

Но давайте еще раз вернемся немного назад. Ведь мы с тобой, мой читатель, уже привыкли к совместным прогулкам по векам и даже тысячелетиям.

Еще в 1723 году о необходимости археологических изысканий в Олимпии заговорил французский исследователь Бернард де Монфокоп. Но тогда его голос не был услышан. В 1764 году знаменитый немецкий ученый, основоположник современной археологии Иоганн Иохим Винкельман писал в своей «Истории античного искусства»: «Я говорю о желании совершить путешествие в Грецию, но не в места, которые посещают многочисленные туристы, а в Элиду, куда еще не пришел ни один ученый или искусствовед... Я уверен, что результаты превзошли бы наши ожидания и что внимательное исследование этой земли принесло бы огромную пользу истории и искусству». Но осуществить свои намерения ученому не пришлось: в 1768 году он трагически погиб в Триесте...

Однако за два года до этого английский археолог Ричард Чандлер посетил Элиду. Благодаря счастливому стечению обстоятельств ученый разыскал холм Крона, речку Кладей и руины неизвестных христианских сооружений. А в 1787 году француз Фовель нашел наконец остатки храма Зевса!

В 1821—1829 годах греки вели освободительную войну против турецкого владычества. С симпатией и сочувствием следили свободолюбивые люди всей Европы за этой священной борьбой.

Понятно, что и эти события повысили интерес цивилизованного мира к истории Олимпии. В 1824 году лорд Стенхоп издал путеводитель по Греции, где впервые был приведен топографический очерк долины Алфея. Во время раскопок его рисунки пригодились археологам не меньше, чем подробные описания в трудах Павсания и других писателей древности.

В 1874 году между Грецией и Германией был заключен договор: средства и ученых для археологических исследований дают немцы, а Греция оказывает необходимую помощь на месте. Оригиналы найденных произведений искусства остаются грекам, немцы же имеют

право сделать с них копии. Хотя Бисмарк такими условиями был не очень доволен, зато уже упомянутый Эрнст Курциус с энтузиазмом начал второй этап олимпийских изысканий.

Как ни много вывезли отсюда римляне, разрушили варвары и время, но все равно количество находок превзошло все самые оптимистические прогнозы. Лишь изделий из бронзы более 4000! Многочисленные металлические инструменты, треножники, котлы, гантели для прыжков, диски, копья, керамика и терракота!

Настойчиво и в то же время осторожно Эрнст Курциус и его помощники — греки, французы, итальянцы и немцы — слой за слоем удаляют тысячелетний ил. И всему миру явились наконец величественные развалины древней Олимпии с остатками храмов, статуями атлетов и фундаментами спортивных сооружений. Результаты этих раскопок составили новую историческую главу для науки, стали известны факты, весьма важные для истории физической культуры, искусства и архитектуры.

А добывать эти «факты» порой приходилось на глубине 5—7 метров: так глубоко была упрятана Олимпия под наслоениями различных грунтов.

То, что начали археологи, воодушевленно продолжил и развил француз Пьер де Кубертен. Этого энтузиаста давно уже беспокоило ненормальное положение, существующее в спорте. Между спортсменами не было единства: борцы и штангисты считали достойной внимания и уважения лишь тяжелую атлетику, фехтовальщики с презрением смотрели на велосипедистов и гребцов, легкоатлеты враждовали с жокеями, стрелки вели интриги против теннисистов. Огромный вред приносил всевозрастающий дух стяжательства и деячества, который усиленно насаждали бизнесмены от спорта.

Парижанин Пьер де Кубертен был не только прекрасным гребцом и гимнастом, но еще и великолепным педагогом, гуманистом, человеком очень высокой культуры.

Серьезно обдумав существующее положение, он пришел к выводу, что устранить все эти пороки можно лишь одним путем: необходимо учредить регулярные международные состязания, где были бы равны все виды спорта и в которых могли бы принимать участие спортсмены всех стран и народов.

Но, собственно говоря, не надо было придумывать ничего нового, ибо такие состязания уже существовали в античное время. Это были олимпийские игры.

Для достижения своей цели Кубертен прежде всего попытался сблизить спортивные объединения своей родины и других государств. В 1892 году он впервые публично выступил в Сорбонне с блестящим докладом: «Возрождение олимпиад». Француз предложил возродить в мировом масштабе олимпийские игры древности, и все присутствующие с энтузиазмом поддержали эту прекрасную идею.

Много сил приложил Кубертэн для того, чтобы слова стали делами. И, наконец, 16 июня 1894 года в Парижском университете состоялся первый Международный олимпийский конгресс. Пьер де Кубертен умышленно выбрал для торжественного собрания этот храм науки, чтобы всем стало ясно: речь идет о несравнимо большем, чем простое совещание по вопросам атлетики.

Сильное впечатление произвело на присутствующих и то, что в момент открытия конференции прозвучал на древнегреческом языке только что найденный гомеровский «Гимн Аполлону». Многие участники конференции — ученые и деятели культуры — знали язык древних эллинов. Поэтому для них особого значения были исполнены слова гимна:

Вспомню, забыть не могу, — о метателе стрел
Аполлоне.
По дому Зевса пройдет он — все боги и те
затрепещут.
С кресел своих повскакавши, стоят они в страхе,
когда он
Ближе подступит и лук свой блестящий натягивать
станет¹.

На первый олимпийский форум прислали представителей тринадцать стран, а еще двадцать одно государство письменно подтвердило свое присоединение к созданной организации. А затем 23 июня было единогласно принято предложение Кубертена:

«В целях оживления дружественных связей между народами проводить, соответственно греческим олимпиадам, каждые четыре года соревновательные игры и приглашать к участию в них все народы».

---

¹ Эллинистические поэты. Пер. В. Вересаева. М., ГИХЛ, 1963, с. 39.

Тогда же был основан Международный олимпийский комитет.

Пьер де Кубертен предложил приурочить открытие игр к первому году XX века и провести их в Париже. Но нетерпеливые и экспансивные греки — потомки героев античных стадионов — добились того, что было принято новое решение: первые игры нового времени провести в 1896 году в Афинах в знак признания блестящего прошлого Эллады. Стоит ли говорить, что Кубертен не возражал. Греческий поэт Деметриос Викелас единогласно был провозглашен «главным элланодиком» I Олимпийских игр новой эры.

И наконец свершилось: 6 апреля 1896 года в Афинах в торжественной и радостной обстановке Игры были открыты. На древний стадион пришли 80 000 зрителей. После исполнения греческого гимна прогремели пушечные залпы и в воздух взлетели сотни голубей — крылатых символов мира.

Марафонскую дистанцию (впервые в истории мирового спорта!) быстрее всех пробежал греческий почтальон Спиридонис Луис. С того времени этот вид легкоатлетических состязаний прочно вошел в программу олимпиад. И не только олимпиад!

После долгого забвения (длившегося 1503 года!) олимпийские игры возродились для новой жизни. С лиц зрителей и организаторов не сходили счастливые улыбки. Но больше всех был рад Пьер де Кубертен.

* * *

С самого первого дня своего существования олимпийские игры стали значительно большим явлением, нежели простым повторением античных традиций: в их интернациональную орбиту постепенно вовлекалось все человечество. Это были игры на высшей, на новой ступени!

Вот главные принципы, которые проводил в жизнь Кубертен:

1. Равноправие видов спорта и спортсменов всех стран. Он не допустил повторения позорной практики, имевшей место на Играх 1904 года в Сент-Луисе. Всеобщее удивление и возмущение вызвало то, что негры, индейцы, филиппинцы и айну вынуждены были состязаться в два так называемых «антропологических» дня.

2. Олимпийские игры не могут быть привилегией какой-то страны или расы: они принадлежат всему миру.

3. Игры — один из путей достижения взаимопонимания между народами. Они помогут осуществлению мечты человечества о вечном и прочном мире.

На I Олимпийском конгрессе Россию представлял генерал А. Д. Бутовский, который затем присутствовал и на празднике в Афинах.

Олимпийское движение постепенно охватывало чуть ли не весь мир. Начали проводить свои соревнования и отдельные страны. Первая Всероссийская олимпиада состоялась в 1912 году в Киеве. Но об этом следует рассказать в отдельной книге.

...Подбадриваемый веселыми криками, по шоссе мчится бегун. В руках его — зажженный восковой факел. Такой же точно, какой три тысячи лет назад несли эллинские юноши от алтаря Прометея в Афины.

Но вот уже факел в руках велосипедиста, который через несколько минут передаст его пловцу или всаднику.

Эстафета олимпийского огня шествует по странам и континентам, бессмертный факел Прометея на кораблях и самолетах пересекает океаны и точно в срок будет доставлен туда, где все готово для встречи грядущих олимпийцев и тысяч их верных болельщиков.

Итак, сегодня стало очевидным, что олимпийские игры оказались более долговечными, чем «бессмертные» эллинские боги. В могучем и радостном единоборстве олимпиады отбросили со своего пути и ханжеские христианские догматы, оказавшись сильнее любых религиозных предрассудков. Людям земли олимпийские игры принесли счастье мирных и дружественных состязаний. А люди принесли этим состязаниям доброту, бессмертие и уверенность в завтрашнем дне. Небожители исчезли со стартовых дорожек, навсегда оставив их человеку. Уступив человеку!

ОГЛАВЛЕНИЕ

Самый древний, но самый юный!	3
Глава I. Верить или не верить?	7
Глава II. Два Геракла	13
Глава III. Все начинается с игр	19
Глава IV. Спарта или Афины	24
Глава V. Кентавр и его ученики	33
Глава VI. Законы Ликурга	40
Глава VII. Если бы эллин пришел в Лужники	49
Глава VIII. Бесславые культа кулака	62
Глава IX. На опасных поворотах	72
Глава X. Не только в долине Алфея	79
Глава XI. Подруги Аталанты	85
Глава XII. Педагогика, спорт и поэзия	90
Глава XIII. Философ выходит на ринг	95
Глава XIV. Милон Кротонский — атлет и герой	99
Глава XV. Когда процветал Херсонес	103
Глава XVI. Лук Одиссея	108
Глава XVII. Бессмертные атлетов	112
Глава XVIII. Лаборатория на свежем воздухе	117
Глава XIX. Почему же именно в Элладе	124
Глава XX. Гибель Олимпии	129
Глава XXI. Боги покидают стадион	135

Юрий Вадимович Шанин

ГЕРОИ АНТИЧНЫХ СТАДИОНОВ

2-е издание, исправленное и дополненное

(Издание получило диплом Оргкомитета «Олимпиада-80»)

Заведующий редакцией *В. Л. Штейнбах*
Редактор *А. С. Юнина*
Художник *С. В. Дурнев*
Художественный редактор *Е. С. Пермяков*
Технический редактор *Л. В. Туркова*
Корректор *Л. В. Чернова*

ИБ № 869. Сдано в набор 16.04.79. Подписано к печати 02.07.79.
А06943. Формат 84×108/32. Бумага тип. № 1. Гарнитура «Обыкновенная новая». Высокая печать. Усл. п. л. 7,56. Уч.-изд. л. 8,35. Тираж 50 000 экз. Издат. № 6209. Зак. 74. Цена 85 коп.

Ордена «Знак Почета» издательство «Физкультура и спорт» Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 101421. Москва, Каляевская ул., 27

Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, М, 54, Валовая, 28